

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**
федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского»
(ННГУ)

На правах рукописи

Алексеев Николай Николаевич

Фрактальная модель как инструмент анализа идентичности
в международных отношениях

Специальность 5.5.4. – Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук,
доцент Рыжов И.В.

Нижний Новгород - 2023

Содержание

Введение	3
Глава 1. Идентичность как категория анализа в политической науке и международных отношениях	29
1.1. Теоретические подходы к изучению идентичности: понятийный аппарат	29
1.2. Национальная идентичность как категория международных отношений: системные модели	46
1.3. Современные тенденции идентификационных трансформаций в международных отношениях: пространственный, информационный и ценностный факторы	63
Глава 2. Фрактальный подход к моделированию идентичности	93
2.1. Фрактальная модель идентичности.....	93
2.2. Анализ идентичностей в международных отношениях с применением фрактальной модели	110
Глава 3. Особенности идентификационных трансформаций в Ближневосточном и Европейском регионах	126
3.1. «Единство в многообразии»: метаморфозы идентичностей в Европе от постнационализма до национальной исключительности	126
3.2. Особенности взаимодействия идентичностей на исламском Ближнем Востоке: религиозный фактор и имперское прошлое	150
Заключение.....	175
Список использованных источников и литературы	181
Приложение	220

Введение

Актуальность темы исследования

Современная система международных отношений находится на этапе глобальных, фундаментальных трансформаций. Сложившаяся после Второй мировой войны модель мироустройства с национальными государствами в качестве ключевых акторов и одновременно растущей значимостью других общественных и политических институтов и образований, на сегодняшний день не способна обеспечивать мир, безопасность и стабильность, о чем свидетельствуют многочисленные очаги беспокойства, возникающие во всех частях мира. Сегодняшняя постбиполярная реальность, как известно, характеризуется турбулентностью, взаимозависимостью, децентрализацией, глобализацией и другими процессами и явлениями, определяющими природу не только международных отношений и мировой политики, но и любых форм общественного взаимодействия. В то же время, анализируя причины конфликтов, мы можем констатировать, что все чаще «яблоком раздора» являются не столько борьба за ресурсы и политическое лидерство, сколько этнополитические и этнокультурные разногласия. Самоопределение, а вместе с ним и самоидентификация отдельных людей и сообществ становятся ключевыми процессами, как на уровне внутригосударственной, так и на уровне внешней политики. Устоявшиеся категории менталитета, коллективного и национального сознания, этноса и нации, выполнявшие функцию внутреннего и внешнего определения (идентификации) сообществ, не отвечают требованиям динамики протекающих политических процессов, в связи с этим, утрачивают практический и исследовательский потенциал, уступая более динамичным и универсальным конструктам. Комплексное воздействие глобализации и глокализации, глобальные миграции и преобразования общественно-политических систем обусловили становление идентичности в качестве определяющей категории общественно-научного дискурса, вывели политику идентичности на стратегически важный уровень, а также определили растущую актуальность идентитарных исследований.

В фокусе исследований идентичности в политических науках, в особенности в международных отношениях, оказывается концепт национальной идентичности. Национальная идентичность как явление личностного и коллективного измерений общественно-политической жизни известно и изучается достаточно давно, однако, по мере того как конструкты нации и национального государства претерпевали различные системные трансформации, понимание и изучение национальной идентичности также адаптировалось к актуальным политическим тенденциям. Необходимо отметить, что проблематика идентичности в международных отношениях на сегодняшний день изучена достаточно глубоко, однако ведущие российские исследователи отмечают также фрагментарность и разнородность исследовательского поля идентичности, что в свою очередь позволяет говорить о постоянном образовании незаполненных понятийных лакун¹. Одной из основных причин образования пробелов в рамках понятийного аппарата является динамическое развитие новых и преобразование старых человеческих сообществ, требующих формирования идентификационных связей, тогда как научному сообществу, в силу объективных причин, требуется время для анализа, понимания и концептуализации новых идентичностей, что также подчеркивает актуальность данного исследования.

Особое влияние на уже существующие и вновь формирующиеся идентичности и их функционирование в политическом поле оказывает динамика современного информационного пространства. Рост значимости источников информации транснационального характера, формирование сетевых сообществ, сверхскоростные потоки информации, а также, чрезмерное, бесконечно растущее количество слабо контролируемых источников дестабилизирует общественно-политическое пространство, актуализирует перманентную необходимость политического выбора, способствует политизации изначально неполитических идентичностей, привнося конфликтогенные процессы в политическое взаимодействие.

---

¹ Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. М.: Изд-во «Весь мир», 2017. 992 с.

Ослабление роли национальных государств и рост числа негосударственных акторов, как ключевые тенденции современной системы международных отношений обуславливают укрепление ненациональных и транснациональных идентичностей. Вышеупомянутое сетевое взаимодействие, транснациональные СМИ способствуют формированию сообществ, выходящих за рамки государств и способных оказывать серьезное воздействие на различные общественно-политические процессы. Необходимость анализа процессов гармонизации и механизмов урегулирования конфликтных идентичностей, а также наличие как глобальных, так и специфических региональных особенностей идентификационных трансформаций говорит об актуальности данного исследования.

Степень научной разработанности

Изучение идентичности, как категории политической науки во многом основывается на исследованиях основополагающих трудов, посвященных смежным категориям и вопросам: национализма, соотношению этноса, нации и государства в общественных отношениях, проблемам социального взаимодействия. В этом направлении следует назвать работы признанных классиков данной проблематики: К. Калхуна, Э. Кедури, Б. Андерсона, К. В. Дойча, Дж. Мейровица, К. А. Аппиа, Э. Дж. Хобсбаума, Т. О. Рейнджера, К. Вердери². Определяющую роль в формировании проблематики идентичности в исторической науке сыграли представители школы «Анналов», в частности, Ф. Бродель, применял цивилизационный подход и очертил границы

---

² Калхун, К. Национализм / Крэйг Калхун; пер. с англ. А. Смирнова. М.: Территория будущего, 2006. 286 с.; Кедури, Э. Национализм / Эли Кедури; пер. с англ. А. А. Новохатько. 4-е изд., расш. СПб: АЛТЕЙЯ, 2010. 134 с.; Anderson, B. Imagined communities: Reflections on the origins and spread of nationalism / Benedict Anderson. London: Verso Editions, 1991. 256 p.; Deutch K. W. Nationalism and social communication: An inquiry into the foundations of nationalism. / Karl Wolfgang Deutsch. Cambridge, MA: MIT Press, 1966. 358 p.; Meyrowitz J. No sense of place / J. Meyrowitz. New York: Oxford University Press, 1985. 432 p.; Appiah K. A. Cosmopolitanism: Ethnicity in a World of Strangers / K. A. Appiah. NY: W. W. Norton & Company, 2006. 196 p.; Hobsbawm E.J., Ranger T.O. The Invention of tradition / Hobsbawm E.J., Ranger T.O. [et al]. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 324 p.; Вердери, К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. М.: Праксис, 2002. 416 с.

цивилизационных, этнокультурных идентичностей³. Основоположник социально-политической психологии Г.Г. Дилигенский одним из первых ввел понятие идентичности в политическую науку⁴. Подробный анализ ключевых вопросов инкорпорирования идентичности в политическую науку представлен в работах Г.Г. Дилигенского, И.С. Семененко, В.В. Лапкина, Е.В. Морозовой, В.И. Пантина, И.Л. Прохоренко⁵. В работах А.А. Громыко представлен фундаментальный обзор комплекса глобальных процессов и явлений таких, как кризис неолиберализма и либерально-демократической модели развития, что наряду с другими глобальными тенденциями задает направление для современных трансформаций идентичности⁶. Как уже было отмечено выше, центральное значение для международных отношений имеет национальная идентичность. Различные аспекты формирования, понимания, интерпретации, манифестации и типологии национальной идентичности исследуются в работах И.З. Герштейна, М.А. Казакова, В. В. Толкачева, Р. В. Бугрова, М. Эхала, В. Э. Багдасаряна⁷. Необходимо отметить

---

³ Бродель, Ф. Грамматика цивилизаций / Фернан Бродель; Предисл. М. Эмара; Пер. с фр. М.: Издательство «Весь мир», 2008. 552 с.

⁴ Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений / Ин-т "Открытое о-во". М.: Наука, 1994. 304 с.

⁵ Лапкин, В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности / В. В. Лапкин // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 50-58.;

⁶ Громыко А. А. Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. 2020. № 2. С. 6-19.; Громыко, А. А. Дезинтеграционные процессы: кризис "глобального мира" / А. А. Громыко // Научно-аналитический журнал Обозреватель Observer. 2020. № 7(366). С. 24-38.

⁷ Герштейн, И. З. Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология / И. З. Герштейн, М. А. Казаков // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 6. С. 36-42.; Бугров Р. В. Особенности целеполагания в концепциях идентичности современных государств / Р. В. Бугров, И. З. Герштейн, В. В. Толкачев // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7. № 5А. С. 154-167.; Ehala, Martin. Blurring of collective identities in the post-Soviet space. Sociolinguistic Studies. 2015. №9. 173-190; Фадеева Л. А. Идентичность как категория политической науки: когнитивный потенциал и исследовательское поле / Л. А. Фадеева // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / Ответственный редактор монографии О.В.Гаман-Голутвина Ответственный редактор серии О.В.Гаман-Голутвина. М: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2015. С. 78-92; Багдасарян В. Э. Трехуровневая модель идентичностей против одноуровневой модели этнического национализма / В. Э. Багдасарян // Возможности и сценарии перехода к постлиберальной модели России : Материалы постоянно действующего научного семинара / Центр научной политической мысли и идеологии Институт законодательства и нормативно правовых разработок Институт системных исследований общества. Том Выпуск 3. М: Наука и политика, 2014. С. 69-72.

определенные различия в подходах к изучению национальной идентичности как внутриполитической и внешнеполитической категорий. Большой вклад в изучение внешнеполитических аспектов национальной идентичности внесли Т. Хопф, Б. Б. Аллан, С. Вучетич, Р. Н. Лебоу⁸. Широкий круг вопросов, связанных с ролью информационного фактора в формировании и функционировании идентичностей, а также особенности и перспективы формирования космополитической идентичности и глобального гражданского общества рассмотрены в многочисленных работах Л.А. Фадеевой⁹. Проблемы политики идентичности и региональной идентичности, а также обширный пласт работ, посвященных европейской идентичности, представили Т.А. Берцель, Т. Риссе¹⁰. Р. Д. Фогельсон проследил эволюцию знания в области идентичности на личностном и коллективном уровнях, представив обстоятельный обзор многочисленных теоретических наработок психологов, внедряя антропологический подход и, учитывая специфику формирования национальных общественно-научных школ¹¹. Фундаментальные работы Р. Солсо по когнитивной психологии обеспечили необходимый теоретический и эмпирический базис для понимания особенностей функционирования сознания индивида в рамках процесса идентификации, личностного и коллективного самоопределения, выявления определяющих и второстепенных характеристик идентичности¹².

Несмотря на то, что в общественно-научном дискурсе категория идентичности активно разрабатывалась уже с 1950-х гг., всеобъемлющим и структурирующим знанием, в особенности в вопросах национальной идентичности, можно считать фундаментальный труд Э.Д. Смита «Национальная идентичность»,

---

⁸ Making identity count: Building a national identity database editors T. Hopf, B. B. Allan, New York, NY: Oxford University Press, 2016. 264 p.; Lebow R.N. National identities and international relations. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2016. 282 p.

⁹ Фадеева Л.А. Сквозь призму политической культуры: нация, класс, регион / Л. А. Фадеева. – Пермь, 2006. 304 с.

¹⁰ Börzel T.A., Risse T. Identity Politics, Core State Powers and Regional Integration: Europe and beyond // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2020. Т. 58. № 1. P. 21–40.

¹¹ Fogelson R.D. Person, self, and identity: Some anthropological retrospects, circumspects, and prospects // Psychosocial Theories of the Self. Boston, MA: Springer US, 1982. P. 67–109.

¹² Солсо Р. Когнитивная психология. СПб.: Питер, 2006. 589 с.

опубликованный в 1991 году, а также его работа об этническом происхождении наций¹³. В качестве сопоставимого по охвату предметного поля идентичности, среди отечественных работ, следует отметить коллективное энциклопедическое издание ИМЭМО РАН «Идентичность: личность, общество, политика» под редакцией И. С. Семененко¹⁴. Также трудно переоценить вклад В.А. Тишкова, проанализировавшего, помимо антропологических аспектов идентификации, обширный круг ключевых вопросов проблематики политической идентичности: национализма, сепаратизма, взаимодействия социокультурных и гражданско-политических идентичностей и др¹⁵. Особенно актуальные в нынешних реалиях вопросы идентичности, а именно, политизация прошлого, политика памяти, особенности политической коммуникации, политика идентичности как инструмент воздействия правящих элит рассматриваются в работах О. Ю. Малиновой¹⁶. О. В. Попова подготовила ряд работ, посвященных проблематике моделирования идентичностей, особенностям функционирования матрицы идентичности и ее элементов¹⁷. Современный взгляд на глобальную проблему идентичности, признания сообществ представлен в работе одного из виднейших мыслителей нашего времени Ф. Фукуямы¹⁸. Отдельное внимание стоит уделить исследованию современных концепций идентичности в международных отношениях. Устоявшееся понимание неизбежного ослабления национальных государств, влекущего за собой трансформацию национальной идентичности и усиление нетрадиционных акторов международных отношений (ТНК, НКО,

---

¹³ Smith Anthony. D. National identity. London: Penguin Books, 1991. 227 p.; Smith, Anthony D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell, 1986. 328 p.

¹⁴ Идентичность: Личность, общество, политика... 992 с.

¹⁵ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. 544 с.

¹⁶ Малинова, О. Ю. Проблема политически "пригодного" прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2013. № 1. С. 114-130; Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Метод. 2019. № 9. С. 285-312.

¹⁷ Попова, О. В. Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. 2018. № 2. С. 173-194.

¹⁸ Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М.: Альпина Паблишер, 2019. 256 с.

интеграционные объединения, общественные движения и т.д.), способствовали активизации изучения процессов формирования и укрепления транснациональных идентификаций. Становление транснациональных, цивилизационных идентичностей во многом предопределил в своих работах другой классик политической науки – С. Хантингтон¹⁹. Проблематика идентичности входит в круг научных интересов С. Хантингтона с момента распада СССР, то есть охватывает период наиболее активных трансформаций. Обстоятельный обзор транснациональных идентичностей представлен в работах С. В. Аكوпова²⁰.

Необходимо отметить, что особую роль в увеличении числа подобных исследований сыграло становление в качестве одного из ключевых акторов мировой политики Европейского союза. ЕС, как наиболее развитое интеграционное объединение в истории, в свою очередь обусловил появление в предметном поле политических исследований идентификации концепта Европейской идентичности. Дискуссии о природе, состоянии и перспективах Европейской идентичности продолжаются, однако сам анализ наиболее сформированной транснациональной идентичности актуализировал изучение новых типов идентификации в международных отношениях. Европейскую идентичность активно исследовали Л. О. Бабынина, М. Л. Энтин, К. И. Оленина, В. М. Сергеев, А. Г. Браницкий, Н. Флигштайн, М. С. Фабрикант, Д. В. Ефременко²¹. Основы институциональной

¹⁹ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М: Издательство АСТ, 2020. 640 с.

²⁰ Аков С. В. Транснациональная модель идентификации индивидов с макрополитическими сообществами: метатеоретический анализ.: дисс. ... доктора полит. наук. СПб., 2015. 317 с.

²¹ Бабынина, Л.О. Гибкая интеграция в Европейском союзе: теория и практика применения. М.: Изд-во ЛКИ, 2012. 302 с.; Энтин М. Л. Безальтернативный характер развития ЕС // Современная Европа. 2020. №4. С. 25-36.; Оленина К.И. Механизмы формирования европейской идентичности // Социальные явления – журнал международных исследований. 2013. № 1. С. 111-116.; Сергеев В.М. Критерий Европейской идентичности // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. М.: Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России, 2012. С. 33-43.; Браницкий А. Г. Процесс объединения Европы: поиск универсальной парадигмы идентичности: дисс. ... доктора исторических наук. Нижний Новгород, 2006. 501 с.; Fligstein N., Polyakova A., Sandholtz W. European Integration, Nationalism and European Identity // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2012. Vol. 50. № 1. P. 106-122.; Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics: comparative quantitative analysis // J. Balt. Stud. 2018. Vol. 49. № 3. P. 305–331.; Ефременко Д.В. Идентичность и сецессия: казус отделения Словении и Хорватии от Югославии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 74–97.

структуры Европейского союза, транснационального мироустройства, а также контуры Европейской идентичности уже в середине XX века представил Д. Митрани²². Работу, во многом систематизирующую знание в области Европейской идентичности, представили Дж. Чекел, П. Катценштайн²³. Одними из первых, они затронули концепцию постнациональной идентичности, появление которой, наряду с другими концепциями идентичности и моделями мироустройства, стимулировал европейский внешнеполитический контекст в период зарождения и интенсификации Европейского интеграционного проекта. В зарубежных академических кругах изучение постнациональной идентичности и перспектив формирования постнационального сообщества началось в 1960-е гг., а отцом основателем постнациональной теории можно считать Юргена Хабермаса, с его идеей конституционального патриотизма²⁴. Также постнациональную проблематику исследовали Р. Купманс, П. Стейтем, Дж. Шоу²⁵. В отечественном научном сообществе постнациональную теорию активно разрабатывают В. Н. Сыров, О. В. Головашина, Д. А. Аникин, А. А. Болдырихин²⁶. Эти авторы внесли значительный вклад в изучение постнационализма, тем не менее, можно считать проблематику постнациональной идентичности, а также прикладной потенциал постнациональной теории, как подхода к интерпретации современных

²² Mitrany, D. *A Working Peace System*. Oxford: Oxford University Press, 1944. 60 p.

²³ Checkel J.T., Katzenstein P.J. (eds.) *European Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 265 p.

²⁴ Habermas J. *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society* / Jurgen Habermas. - Cambridge, UK: Polity Press, 1989. – 301 p.; Habermas, J. *Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1999. 404 S.

²⁵ Koopmans R., Statham P. Challenging the liberal nation-state? Postnationalism, multiculturalism, and the collective claims making of migrants and ethnic minorities in Britain and Germany // *American Journal of Sociology*. 1999. Vol. 105. № 3. P. 203 – 221.; Shaw, J. Postnational constitutionalism in the European Union // *Journal of European Policy*. 1999. Vol. 6. № 5. P. 79–97.

²⁶ Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности / В. Н. Сыров, О. В. Головашина, Д. А. Аникин [и др.]. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. 224 с.; Болдырихин А. А. Постнациональный этап в трансформации западного общества: теории национализма в современном гуманитарном знании // *Российский журнал исследований национализма*. 2012. № 2; Болдырихин А. А. К проблеме национализма и постнационализма в современной Западной науке // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2011. № 1. С. 83-86.

тенденций в международных отношениях недостаточно изученными, поэтому ей уделено особое внимание в рамках данной работы.

Поскольку одной из задач данного исследования является сравнительный анализ идентификационных трансформаций в Ближневосточном и Европейском регионах, следует назвать ряд специалистов в изучении идентичностей на Ближнем Востоке. Огромный вклад в исследование данной проблематики внесли Е. С. Мелкумян, А. С. Богачева, А. А. Давыдов и коллектив авторов под руководством И. Д. Звягельской. Ими подготовлен фундаментальный труд «Ближний Восток: политика и идентичность», охватывающий всю специфику идентификационных трансформаций на Ближнем Востоке в национальном и региональном измерениях²⁷. И. В. Рыжов, М. Ю. Бородин активно разрабатывали проблематику этнополитических конфликтов, обусловленных этнокультурным многообразием, проблемами самоидентификации в Ближневосточном регионе²⁸. С. М. Хенкин, И. В. Кудряшова на примере интеграции мусульманских мигрантов в Европе проводили сравнительный анализ европейских и ближневосточных идентичностей²⁹. В. И. Белов и Е. М. Савичева внесли значительный теоретический вклад в понимание идентичности в особенности в молодежной среде, а также предложили новый социо-психологический подход при выявлении идентичности на примере арабских стран Ближнего Востока³⁰. Т. Додж и У. Макдиси изучали особенности взаимодействия государственно-центричных, сектарианских и религиозных национализмов на Ближнем Востоке³¹. М. Линч,

---

²⁷ Ближний Восток: Политика и идентичность: Коллективная монография / Е. С. Мелкумян, А. С. Богачева, А. А. Давыдов [и др.] ; Под ред. И.Д. Звягельской. М.: Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2020. 336 с.

²⁸ Рыжов И. В. Проблемы государственной самоидентификации мусульманского населения в Государстве Израиль (2000-2020 гг.) // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. 2020. № 3. С. 275-285.; Рыжов И. В., Бородин М. Ю. Этнические проблемы в современном Иране // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. 2015. № 9. С. 345-360.

²⁹ Хенкин С. М., Кудряшова И. В. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 137-155.

³⁰ Белов, В.И., Савичева, Е.М. Ближний Восток от настоящего к будущему: вызовы меняющейся идентичности : монография. М.: РУДН, 2021. 208 с.

³¹ Makdisi U. The Culture of Sectarianism; Community, History, and Violence in Nineteenth-Century Ottoman Lebanon. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 2000. 274 p.;

Х. Каземи анализировали проблематику идентичности в арабских странах и Иране³². Трудно переоценить вклад в изучение многогранного комплекса идентичностей арабского мира, который внес виднейший российский востоковед Г. Г. Косач³³. Наконец, учитывая применение конструктивизма в качестве методологического подхода, в рамках данного исследования использовались работы основоположника конструктивистского подхода в международных отношениях А. Вендта³⁴.

Характеристика источников. Для проведения данного исследования был проведен анализ широкого круга источников, которые могут быть разделены на следующие категории. В первую группу вошли государственные документы и международные договоры, отражающие динамику идентификационных трансформаций в практическом поле международных отношений. В данной группе представлены различные документы, составляющие основу европейской интеграции и европейской идентичности: Договор о Европейском союзе (Маастрихтская и Ниццкая редакции), Договор, учреждающий Европейское сообщество, Единый европейский акт, Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, Лаакенская декларация, Хартия Европейского союза об основных правах³⁵. Разумеется, особое внимание уделено

Dodge T. Introduction: Between Wataniyya and Ta'ifia; understanding the relationship between state-based nationalism and sectarian identity in the Middle East // Nations and Nationalism. 2020. № 26. P. 85-90.

³²; Lynch M. Voices of the new Arab public: Iraq, Al-Jazeera, and Middle East politics today. NY: Columbia University Press, 2006. 293 p.; Kazemi H. Identity Uprisings, Fragile States and Geopolitical Crises in the Middle East // Geopolitics Quarterly. 2017. № 45(13). P. 146-172.

³³ Косач, Г. Г. Арабский мир как феномен Структура и идентичность региона // Свободная мысль. 2021. № 6(1690). С. 57-70.

³⁴ Wendt A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. №2. (Vol. 46). pp. 391-425.

³⁵ Договор о Европейском Союзе [Электронный ресурс]: подписан в г. Маастрихте 07.02.1992. Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (с изм. и доп. от 13.12.2007); Договор, учреждающий Европейское сообщество [Электронный ресурс]: подписан в г. Риме 25.03.1957. Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (с изм. и доп. от 26.02.2001); Единый европейский акт (ЕЕА) [Электронный ресурс]: подписан в г. Люксембурге 17.02.1986 и в г. Гааге 28.02.1986. Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс»; Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]: подписан в г. Хельсинки 01.08.1975. Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс»; Лаакенская декларация. Будущее Европейского Союза [Электронный

Декларации о Европейской идентичности, подписанной в Копенгагене в 1973 году³⁶. Также, в данной группе, в качестве источников отражающих трансформации идентичностей на Ближнем Востоке представлены: программный стратегический документ Саудовской Аравии – «Видение 2030», Пакт Лиги арабских государств 1945 г., Арабская хартия прав человека, подписанная в 2004 году³⁷. Отдельно следует упомянуть Устав Организации Объединенных Наций, Резолюции Конгресса США и Концепцию внешней политики РФ³⁸.

В другую группу источников, имеющих большую значимость для данного исследования, следует отнести опросы общественного мнения, предоставляющие статистические данные, по интересующим в рамках исследования вопросам и отражающие определенные аспекты идентификационных трансформаций. Опросы по программе «Евробарометр»: «Евробарометр 71. Будущее Европы» (2010 г.), «Специальный Евробарометр 467. Будущее Европы» (2010 г.), «Евробарометр 60. Общественное мнение в Европейском союзе» (2004 г.), «Стандартный Евробарометр 86. Европейское гражданство» (2016 г.), «Стандартный

ресурс]: принята в г. Лаакене 15.12.2001. Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (с изм. и доп. от 26.02.2001); Ниццкий договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе, договоры об учреждении Европейских сообществ и другие основополагающие акты [Электронный ресурс]: подписан в г. Ницце 26.02.2001. Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс»; Хартия Европейского Союза об основных правах: принята в г. Страсбурге 12.12.2007. Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

³⁶ Declaration on European Identity of 1973 // Bulletin of the European Communities. December 1973. – Lux.: Office for official publications of the European Communities, 2013. P. 118-122. URL: http://www.cvce.eu/en/obj/declaration_on_european_identity_copenhagen_14_december_1973-en-02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32.html (дата обращения 14.02.2021)

³⁷ Saudi Vision 2030 [Электронный ресурс] // Government of Saudi Arabia. URL: https://www.vision2030.gov.sa/media/rc0b5oy1/saudi_vision203.pdf. (дата обращения 14.02.2021); Charter of Arab League [Электронный ресурс] // League of Arab States. 1945. March 22. URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6b3ab18.html> (дата обращения 14.02.2021); Arab Charter on Human Rights // UN Office of the High Commissioner for Human Rights; League of Arab States. 2004. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/551368?ln=ru>. (дата обращения 14.02.2021)

³⁸ Устав ООН (полный текст) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 14.02.2021); Affirming the United States record on the Armenian Genocide. Text - H.Res.296 [Электронный ресурс] // 116th Congress (2019-2020). 2019. October 29. URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-resolution/296/text>. (дата обращения 14.02.2021); Концепция внешней политики РФ (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 14.02.2021)

Евробарометр 93. ЕС и вспышка коронавируса» (2020 г.)³⁹. Также, результаты опросов Индекса Арабского общественного мнения, ВЦИОМ и Левада-центра (АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента)⁴⁰. Из источников личного происхождения следует назвать мемуары Жана Монне «Реальность и политика: Мемуары»⁴¹.

Особую значимость для настоящего исследования имеет заключительная группа источников, включающая официальные опубликованные выступления политических деятелей (В. В. Путин, С. В. Лавров, У. фон дер Ляйен, Ж. Боррель, В. Зеленский, Э. Макрон, Ф. Олланд, А. Меркель, О. Шольц, Салман ибн Абдул-Азиз Аль Сауд, Р. Т. Эрдоган, Р. Метсола, А. Пабрикс)⁴².

³⁹ Eurobarometer 71. Future of Europe. January, 2010 [Электронный ресурс] // Directorate-General for Communication. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf. (дата обращения 13.09.2022); Special Eurobarometer 467. Future of Europe. December, 2010 [Электронный ресурс] // TNS opinion & social. URL: http://data.europa.eu/euodp/en/data/dataset/S2179_88_1_467_ENG/resource/6732823d-3fb2-48ff-a12d-c77e102f6fe2. (дата обращения 13.09.2022); Eurobarometer 60. Public opinion in the European Union. February, 2004 [Электронный ресурс] // Directorate-General for Communication. Режим доступа: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb60/eb60_rapport_standard_en.pdf. (дата обращения 13.09.2022); Standard Eurobarometer 86. European Citizenship. November, 2016 [Электронный ресурс] // TNS opinion & social. URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/79408>. (дата обращения 13.09.2022); Standard Eurobarometer 93. The EU and the coronavirus outbreak. Presentation. October, 2020 [Электронный ресурс] // The European Union. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2262>. (дата обращения 13.09.2022)

⁴⁰ The 2019-2020 Arab Opinion Index: Main Results in Brief [Электронный ресурс] // Arab Center Washington DC. November 16, 2020. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/the-2019-2020-arab-opinion-index-main-results-in-brief/>. (дата обращения 13.09.2022); Распад СССР: восприятие россиян [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 16-17 марта 2021. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/raspad-sssr-vosprijatie-rossijan>. (дата обращения 13.09.2022); Прощай, Европа? [Электронный ресурс] // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2021/04/16/proshhaj-evropa/> (дата обращения: 08.02.2023).

⁴¹ Монне, Жан. Реальность и политика : Мемуары / Жан Монне; Пер. с фр. В. Божовича. М: Моск. шк. полит. исслед., 2000. 662 с.

⁴² Standing with the Ukrainian people: EU delivers further energy support for the winter [Электронный ресурс] // European Commission. 2022. December 13. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_7320. (дата обращения 16.07.2023); Statement by President von der Leyen at the joint press conference with President Michel and Ukrainian President Zelenskyy on the occasion of the special meeting of the European Council of 9 February 2023 [Электронный ресурс] // European Commission. 2023. February 9. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_23_722. (дата обращения 16.07.2023)

Объектом исследования системные трансформации идентичности в современных международных отношениях.

Предметом исследования эффективность системного моделирования как инструмента изучения идентичностей в международных отношениях.

Хронологические рамки исследования

В качестве нижней хронологической границы исследования выбран 2004 г., как год крупнейшего расширения Европейского союза, в рамках которого, членами ЕС стали государства, отличающиеся социокультурной региональной спецификой. Данный период принято считать наиболее благоприятным для Евросоюза, что, в контексте настоящего исследования означает укрепление транснациональной идентичности в ЕС. Далее, в качестве ключевых событий, следует назвать серию «Арабских весен», как период актуализации категории идентичности в комплексе социальных взаимодействий на Ближнем Востоке.

В качестве верхней хронологической границы можно определить период с 2020 по 2022 гг. 2020 год, характеризующийся в первую очередь пандемией COVID-19, которая стала одной из самых заметных глобальных угроз современности. Беспрецедентное воздействие вызова пандемии на глобализированный мир, международные отношения и мировую политику обусловило объективное снижение международного взаимодействия, очередное обострение конфликта национальных и транснациональных идентичностей. Одно из ключевых последствий пандемии – рост значимости цифрового пространства также оказало серьезное воздействие на различные формы и уровни идентичности, актуализируя уже существовавшие и, способствуя зарождению новых тенденций. Наконец в контексте системных трансформаций идентичности в 2022 году

16.04.2023); To the women in Iran: We hear you. The world sees you. We are with you. [Электронный ресурс] // European Parliament. 2022. October 17. URL: <https://the-president.europarl.europa.eu/home/ep-newsroom/pageContent-area/actualites/to-the-women-in-iran-we-hear-you-the-world-sees-you-we-are-with-you.html>. (дата обращения 16.04.2023); State of the Union Address by President von der Leyen at the European Parliament Plenary [Электронный ресурс] // European Commission. 2020. September 16. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_20_1655 (дата обращения 17.11.2020 г.)

происходит ряд значительных сдвигов в мировой политике – начало СВО, обострение отношений РФ и Запада, интенсификация взаимодействия незападных акторов выводят вопросы определения, интерпретации и управления идентичностями в разряд особо важных вопросов в международных отношениях.

Географические рамки

В географическом плане в центре внимания в данном исследовании находятся Европейский и Ближневосточный регионы. Необходимо подчеркнуть, что в целом выбор этих регионов обусловлен рядом факторов. Во-первых, Европа и Ближний Восток играют определяющую роль в вопросах глобальной безопасности, стабильности и развития, а также находятся в эпицентре многочисленных и разнообразных политических процессов. Во-вторых, в общественно-политическом и культурно-цивилизационном плане регионы на различных этапах исторического развития (в том числе в рассматриваемый период) демонстрировали разные, зачастую диаметрально противоположные подходы, что совместно с историческими и культурными региональными особенностями способствовало трансформации этих регионов в самобытные политические структуры. В-третьих, различия общественно-политических формаций, политических культур, кризис либерально-демократической модели развития позволяют говорить об определенном противостоянии «Запада» и «неЗапада» или более привычных «глобального Севера» и «глобального Юга», где Европе и Ближнему Востоку отводится особая роль.

Особенности определения конкретных географических рамок Европейского и Ближневосточного регионов связаны с особенностями восприятия этих регионов в научной и практической среде. В отечественной и зарубежной науке географические рамки Ближнего Востока обладают определенной динамикой. Предметное поле и границы ближневосточных исследований определяются по географическим, этнокультурным, экономическим и политическим факторам. В данной работе акцент делается на общих тенденциях и некоторых частных особенностях идентификационных трансформаций в традиционном исламском Ближнем Востоке, который представляет собой арабские ближневосточные

государства с включением Турции и Ирана, как важных акторов региональной системы международных отношений. Европа характеризуется не меньшей динамикой интерпретации границ. Географические границы региона все реже совпадают с его политическим восприятием, а также особенно подвержены внешнеполитическому контексту. В данной работе в качестве Европы рассматривается преимущественно государства-члены Европейского союза поскольку пример этого интеграционного объединения наиболее показателен в анализе трансформаций идентичности. Тем не менее, в работе рассматриваются особенности идентичностей в Европе в целом и большое внимание уделяется другим европейским государствам, поэтому использование термина «Европейский регион» представляется уместным. Исследовательское внимание сконцентрировано преимущественно в пределах вышеописанного географического пространства, однако допускается рассмотрение регионов, государств и других объектов политического анализа вне данных рамок, поскольку ряд описываемых трансформаций идентичности носит глобальный характер, а обращение к другим примерам позволяет более точно понять суть данных процессов. Анализ идентичности в политической науке, в частности области международных отношений невозможен без обращения к примерам глобальных держав – США, России, Китая, а также к уникальным комплексам идентичности уже не существующих государств, в частности СССР.

Цель исследования выявление особенностей идентификационных трансформаций в международных отношениях с помощью системной модели идентичности как инструмента анализа

Задачи исследования

- Систематизировать теоретические подходы к анализу различных типов идентичности и идентификационных трансформаций в международных отношениях
- Охарактеризовать национальную идентичность как элемент системного моделирования идентичностей

- Выявить основные тенденции и факторы трансформаций идентичности, обусловленные системными преобразованиями международных отношений
- Разработать универсальную модель, отражающую системный, фрактальный характер идентичности и выступающую в качестве инструмента анализа актуальных трансформаций идентичности в международных отношениях
- Провести сравнительный анализ идентификационных трансформаций, особенностей взаимодействия различных типов идентичностей в регионе с развитым политическим измерением и в регионе с доминирующим культурным измерением
- Выявить особенности, характерные для взаимодействия идентичностей в Европе как в регионе с развитым политическим измерением в силу развитости интеграционных процессов
- Определить специфику взаимодействия идентичностей в Ближневосточном регионе, отличающемся доминированием культурного измерения

Положения, выносимые на защиту:

1. Идентичность как основная категория, определяющая человека в социуме, трансформируется вместе с системой международных отношений. Ослабление национальных государств, утрата национальной информационной повесткой монополии на определении «своего» и «чужого», сетевое транснациональное взаимодействие, глобальные миграции и транснациональный характер современных вызовов способствуют усилению донациональных и транснациональных идентификаций.
2. Национальная идентичность представляет собой систему культурных и политических идентификаций, находящихся в тесном взаимодействии и формирующих ценностные основания при принятии решений в общественном, политическом взаимодействии. Период доминирования национальных государств в системе международных отношений, а национальных идентичностей в качестве

ключевого маркера международно-политического взаимодействия обусловил ее становление в качестве структурного образца для новых идентичностей.

3. Многочисленные идентичности, являющиеся результатом сложности и многомерности современных политических процессов находятся в состоянии конфликта и перманентном соперничестве, стимулируемом внешними акторами. Нестабильная природа современных идентичностей, заключающаяся в необходимости гармонизации многочисленных культурных, политических идентификаций на разных уровнях, превращает их в политический ресурс и усугубляется в условиях децентрализации и нестабильности системы международных отношений.

4. Электронные СМИ деконструируют границы идентичностей, смешивая их, создавая новые и, как следствие, способствуют детерриториализации идентичностей, поскольку территория являлась одним из ключевых компонентов идентичности. Под воздействием детерриториализации происходит становление ценностей в качестве основы идентичностей. Была территория, территория и ценности - оформляли культуру, нет территории – остались ценности. Фундаментом для новых идентичностей, выходящих за рамки национальных, этнокультурных границ становятся коллективные ценности, опыт.

5. Представленная фрактальная модель является эффективным инструментом анализа идентичности в международных отношениях. На основании анализа теоретических подходов в фрактальной модели выделяются два измерения, вводятся категории устойчивых, стабильных компонентов идентичности и динамичных, неукоренившихся в сообществе идентификаций. Национальная идентичность и идентичности, построенные по ее образу и подобию, обладают фрактальной структурой – самоподобием на различных уровнях и измерениях. С помощью данного подхода представлена точная интерпретация и визуализация динамики функционирования и трансформации идентичности, выявлены системообразующие и конфликтующие компоненты различных национальных идентичностей, характеризованы механики воздействия на идентичность с целью

формирования инструментов управления конфликтогенным и стабилизирующим потенциалом идентичности.

6. Европейский союз, несмотря на ряд наблюдаемых кризисных явлений отличается достаточной сформированностью элементов постнациональной идентичности. Постнациональный характер, интерпретируемый с помощью фрактальной модели, проявляется в сепарации культурных и политических измерений идентичности с сохранением высокого уровня лояльности на национальном и региональном уровнях. Европейский интеграционный проект, являющийся результатом развития Западной цивилизационной идентичности, политизировал европейскую региональную идентичность. В то же время, региональные международные отношения в Европе характеризуется перегруженностью общественно-политического дискурса многочисленными идентичностями как традиционными (локальные, этнические, национальные), так и современными, основанными на коллективных ценностях, опыте, что дестабилизирует систему идентичностей в Европе.

7. Ближневосточный регион характеризуется доминированием традиционных идентичностей. Фрактальная модель идентичностей в регионе отражает системообразующую роль религии и сильное доминирование культурного измерения. Также на процессы взаимодействия идентичностей на Ближнем Востоке оказывает серьезное влияние активная борьба за лидерство, характеризующаяся столкновением как минимум трех цивилизационных идентичностей (арабская, турецкая, персидская). Укрепление имперских идентичностей в регионе, также являющееся манифестацией борьбы цивилизационных проектов помимо прочего, характеризуется стремлением к «славному прошлому», что обуславливает специфику становления вневременного характера идентичностей на Ближнем Востоке.

8. В рамках идентичностей Ближневосточного и Европейского регионов выделяются также общие тенденции, в частности, укрепление транснациональных идентичностей, то есть верхний уровень фрактальной модели идентичности, во многом, как результат активного развития транснациональных СМИ, в том числе

вследствие пандемии COVID-19. Для обоих регионов характерна политизация идентичностей – переход культурных компонентов и идентификация в политическое измерение, а также, становление их вневременного характера.

Теоретико-методологические основания исследования

Настоящее исследование опирается на теоретические положения, разработанные уже упомянутыми авторами, а также осуществляется преимущественно в рамках конструктивистского подхода, поскольку именно конструктивизм можно считать наиболее естественным выбором, при изучении конструкторов идентичности, нации, государства. Особое значение как в рамках конструктивистской теории, так и в исследованиях идентичности имеют ценностные ориентиры сообществ, которые становятся ключевым маркером идентификации в современном мире. С позиции конструктивизма рассматривается категории этноса и нации, во избежание историко-детерминистских и примордиалистских трактовок. В то же время с позиции неореализма анализируются вопросы политического влияния, взаимодействия государств и других акторов международных отношений. В основе данного комбинированного подхода идеи Т. Хопфа и Б. Б. Аллана, которые предприняли попытку найти компромиссы в изучении идентичности со сторон конструктивизма и реализма.

Формирование и взаимодействие идентичностей рассматривается в рамках этносимволической теории А. Д. Смита. Исследование опирается на понятийный, терминологический аппарат сформированный специалистами ИМЭМО РАН под руководством И. С. Семененко. Анализ категории национальной идентичности, как производной нации осуществляется в рамках теории воображаемых сообществ Б. Андерсона. На основании концепции Р. Брубекера идентичность исследуется как переменчивое, динамичное явление. В соответствии с идеями К. Терлоу коллективное историческое прошлое и культурные компоненты рассматриваются как инструменты кристаллизации идентичности. Авторская методика системного анализа и фрактальной модели идентичности основана на исследованиях когнитивных процессов идентификации и модели сравнительных семантических признаков, представленных Э. Э. Смитом, Э. Дж. Шобеном и Л. Дж. Рипсом.

Принцип историзма для изучения европейской интеграции, факторов, повлиявших на генезис данного явления, его преобразований под воздействием других экономических, политических и социальных процессов. На основе принципа историзма осуществлялся анализ идентичностей в Ближневосточном регионе, особенности зарождения национальных государств, национальной, исламской и имперской идентичностей. Принцип историзма позволил также провести исторический анализ развития и трансформации фундаментальных категорий «нация», «государство», «идентичность». При изучении различных типов идентичности применялся нормативно-ценностный подход, который совместно с антропологическим подходом, позволяет исследовать объекты с учетом национальной специфики среди представителей ряда рассматриваемых наций и регионов. Также исследование осуществлялось с активным применением цивилизационного подхода, в рамках которого рассматривались культурно-цивилизационные факторы формирования и функционирования идентичностей. Наконец, основой исследования является постнациональная теория, заключающаяся в сепарации культурных и политических компонентов идентичности, определении коллективных ценностей в качестве основы постнациональных идентичностей.

Методы исследования

В рамках исследования применялся комплекс общенаучных и специальных методов. Центральное значение имеют системный и структурно-функциональный подходы. С их помощью осуществлялся анализ различных социально-политических и культурно-символических систем, требующих отдельного и комплексного изучения, а также, особенностей интеграционных процессов в Европе, которые носят системный, всеобъемлющий характер. На основании данных методов рассматривались системные модели идентичностей. Также, системный подход совместно с фрактальным анализом применяются в предлагаемой методике фрактального моделирования идентичностей. Применялись классические для политической и исторической науки методы. Социологический метод был полезен при рассмотрении политики совместно с

другими сферами жизни, что имеет большое значение в исследовании межнационального взаимодействия, а также учитывая усиление нетрадиционных акторов международных отношений (ТНК, общественные организации и т.д.) в особенности в Европе.

В рамках исследования была проведена работа по сбору, систематизации и анализу эмпирического материала, в связи с чем применялись различные аналитические методики, экспликативные методы исследования. При работе с различными источниками (официальные документы, социологические опросы, научная литература, СМИ) необходимы лингвистический анализ текста и элементы структурного контент-анализа. При изучении зарождения и трансформаций явления идентичности применялись методы историко-генетического и историко-системного анализа. Также историко-системный и сравнительно-исторический методы использовались при выявлении особенностей региональных систем международных отношений, взаимодействия государств и других акторов. При обращении к конкретным примерам национальных, региональных и других идентичностей применялся метод case-study. Наконец, изучение идентичности в целом и в международных отношениях в частности невозможно без изучения дискурса, поэтому определяющую роль имело применение дискурс-анализа, который по мнению Дж. Т. Чекела, является наилучшим способом «измерить» идентичность.

Область исследования соответствует следующим пунктам паспорта научной специальности, утвержденного ВАК РФ 5.5.4. «Международные отношения»: 1. Теория и методология, методы анализа, развитие понятийного аппарата исследования международных отношений и мировой политики. Западные и незападные исследовательские традиции. Международно-политический анализ; 2. Субъекты международных отношений. Деятельность государственных и негосударственных акторов. Формальные и неформальные институты в международных отношениях и в мировой политике. Формирование и реализация внешнеполитических стратегий, концепций и доктрин; 3. Мировая политика. Субъекты мировой политики. Современный

мировой политической процесс. Глобальная система и региональные подсистемы международных отношений и мировой политики; 4. Ценности и интересы в международных отношениях и в мировой политике. Международные отношения как пространство реализации и отстаивания ценностей и интересов различных субъектов; 6. Мегатренды мирового развития; 8. Международные кризисы и конфликты. Этнический и религиозный факторы в международных отношениях. Миротворческая деятельность.

Научная новизна исследования

Внедрен ряд теоретических подходов, не задействовавшихся в изучении идентичности в международных отношениях и политической наук. В частности, анализ идентичности с позиции модели сравнительных семантических признаков, а также интерпретация идентичности как фрактальной, динамичной, нелинейной системы.

Показана роль национальной идентичности как системы политических и культурных идентификаций в качестве паттерна современных идентичностей, формирующихся на основе компонентов с различным соотношением политических и культурных привязанностей.

Определены ключевые тенденции трансформаций идентичности в международных отношениях, заключающиеся в первую очередь в детерриториализации, комплексной политизации и вневременном характере идентичностей. В качестве факторов, обуславливающих данные трансформации выделяются пространственный, информационный и ценностный факторы.

Впервые в рамках исследований идентичности в политической науке применен ряд методологических подходов – построена системная фрактальная модель, служащая инструментом интерпретации сложных многомерных процессов в современных комплексах идентичностей и открывающая перспективы для ее применения в качестве основы методик управления идентичностью. Фрактальные модели идентичностей и идентичность сама по себе, рассматриваются как нелинейные, сложно прогнозируемые системы. Более того, нелинейность и сложность прогнозирования усиливается под воздействием политической

неопределенности, социо-политической напряженности, турбулентности в международных отношениях.

На основании проанализированных источников, а также обширного спектра работ востоковедов, посвященных изучению идентичности в Ближневосточном регионе, а также большого числа исследований европейской идентичности проведен анализ трансформаций идентичности в Европейском и Ближневосточном регионах, выявлен ряд общих, а также специфических, региональных особенностей, определяющих природу идентичности в ЕС и на Ближнем Востоке. С помощью фрактальной модели показано доминирование культурного измерения национальных идентичностей в Ближневосточном регионе, политизация европейской региональной идентичности Европейским союзом, тенденции к укреплению транснациональных идентичностей.

Теоретическая значимость исследования

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации знания в области идентичности в политической науке, идентификационных трансформаций под воздействием преобразований в системе международных отношений. Значимым элементом является внедрение структурно-системного моделирования к изучению многоуровневых, сложносоставных и конфликтующих идентичностей. Представленный новый подход, на основе не применявшихся в политической науке концепций, позволяет эффективно анализировать современные идентификационные процессы. Также исследование открывает новые направления в изучении проблематики идентичности, в частности, анализ конфликтного и стабилизирующего потенциала идентичностей и системное моделирование, как инструмент управления идентичностью.

Практическая значимость исследования

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в образовательном, стратегическо-прогностическом и аналитическом направлениях. В образовательном направлении результаты исследования способствуют актуализации ряда вопросов в изучении международных отношений, политологии, истории, социо-политической

психологии, антропологии. Результаты исследования могут применяться в рамках разработки политических концепций применения политики памяти, политики идентичности, а также в прогнозировании этнополитических конфликтов. Аналитический потенциал результатов исследования заключается в применении предлагаемой методики системного анализа идентичностей для более точного понимания ее структуры.

Апробация исследования проводилась на конференциях и семинарах различного уровня. Доклады по теме исследования были представлены на 7 международных и 2 всероссийских конференциях, семинарах и конгрессах в 2019-2023 гг. По проблематике исследования опубликовано 13 статей, из которых 6 опубликованы в журналах, входящих в перечень ВАК, а также глава в коллективной монографии. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-314-90002.

Публикации автора по теме исследования

Главы в монографиях

«Новая нормальность» и международные отношения: нарративы, концепты, контексты / Н.Н. Алексеев, О.Н. Гуров, О.С. Карнаухова, О.А. Ковалева, И.В. Рыжов, И.Ю. Савенкова, В.Г. Цыплин / Под общей редакцией О.С. Карнауховой. — М.: Аквилон, 2023. — 200 с. («Новая нормальность» и международные отношения [Т. II]: изд. с 2021 г. / Отв. ред. серии — О.С. Карнаухова, М.С. Петрова).

ВАК

1. Алексеев, Н. Н. Система идентичностей гражданина ЕС: перспективы перехода к постнационализму / Н. Н. Алексеев // Мировая политика. – 2019. – № 2. – С. 22-32.

2. Алексеев, Н. Н. Системы безопасности Европейского Союза и Европы: сложности определения, перспективы трансформации, постнациональный контекст / Н. Н. Алексеев // Конфликтология / nota bene. – 2020. – № 4. – С. 79-88.

3. Алексеев, Н. Н. Актуализация регионального лидерства в современных международных отношениях: сравнительный анализ Европейского и

Ближневосточного регионов / Н. Н. Алексеев, Д. А. Аверьянова, А. А. Комаха // Международные отношения. – 2021. – № 1. – С. 11-22.

4. Алексеев, Н. Н. Истоки современного национализма Швеции и Дании: анализ законодательства и вопросы идентичности / Н. Н. Алексеев, А. А. Волкоморова, С. Н. Куртяник // Международные отношения. – 2021. – № 2. – С. 12-25.

5. Алексеев, Н. Н. Исламский Ближний Восток: характеристика и некоторые особенности современных трансформаций политической идентичности / Н. Н. Алексеев // Международные отношения. – 2022. – № 4. – С. 1-14.

6. Алексеев, Н. Н. Кризис идентичности в современной Европе: стремление к признанию и комплексная политизация / Н. Н. Алексеев // Вестник ученых-международников. – 2023. – № 2(24). – С. 200-209.

РИНЦ

1. Алексеев, Н. Н. Анализ отношений ЕС и РФ в контексте постнациональных трансформаций в Европейском союзе и глобальных преобразований в системе международных отношений / Н. Н. Алексеев // E-Scio. – 2020. – № 5(44). – С. 144-155.

2. Алексеев, Н. Н. COVID-19 и «единство в многообразии»: воздействие пандемии на политическое измерение европейской идентичности / Н. Н. Алексеев // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики : Сборник научных статей. – Нижний Новгород : Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2021. – С. 17-22.

3. Алексеев, Н. Н. Уровни идентичности индивида в межнациональных отношениях: особенности взаимодействия / Н. Н. Алексеев // Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества : VI Международная научно-практическая конференция, Нижний Новгород, 15 декабря 2020 года. – Москва: Издательство "Перо", 2021. – С. 14-17.

4. Алексеев Н.Н. Формирование постнациональной идентичности: глобальная тенденция с региональной спецификой // XIV Конгресс антропологов и

этнологов России. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. - С. 276.

5. Алексеев, Н. Н. Воздействие постнациональных тенденций на современную роль языка в формировании идентичности / Н. Н. Алексеев // VII Международная научно-практическая конференция "Гармонизация межнациональных отношений в условиях глобального общества", XXVI Нижегородская сессия молодых ученых (гуманитарные науки) : Сборник статей и тезисов молодых ученых, Нижний Новгород, 17–18 ноября 2021 года. – Нижний Новгород: Издательство "Перо", 2021. – С. 72-74.

6. Алексеев, Н. Н. Кризисная природа идентичности в современных международных отношениях / Н. Н. Алексеев // Актуальные проблемы международных отношений и дипломатии : Материалы VI Международной научно-практической конференции, Витебск, 19–20 мая 2022 года / Редколлегия: А.П. Косов (гл. ред.) [и др.]. – Витебск: Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, 2022. – С. 26-29.

7. Алексеев Н. Н. Постнациональный вектор трансформации идентичности: анализ регионов / Н. Н. Алексеев // Регионы мира: проблемы истории, культуры и политики : Сборник научных статей. – Нижний Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. – 255 с. 2022. – С. 3-8.

Структура работы соответствует цели и задачам исследования. Работа состоит из введения, трех глав, включающих семь пунктов, заключения, списка использованных источников и литературы.

Глава 1. Идентичность как категория анализа в политической науке и международных отношениях

1.1. Теоретические подходы к изучению идентичности: понятийный аппарат

Значимость психоэмоциональных процессов, к которым относится и процесс идентификации, а также роль индивидуальных личностных характеристик в политической жизни человека сегодня не ставится под сомнение. Ответы на подобные вопросы требовались на начальных этапах политических исследований идентичности, поскольку, как известно, идентичность пришла в предметное поле политической науки из таких дисциплин, как психология, социология, социальная антропология⁴³. Став одним из объектов исследования в исторической науке, идентичность неизбежно перешла в политические дисциплины. В отечественном академическом сообществе инкорпорирование преимущественно психологических категорий идентичности в политическую науку осуществил основоположник социально-политической психологии Г. Г. Дилигенский⁴⁴. Как и другие сложные и многогранные явления идентичность имеет множество определений. Концентрируясь на различных теоретических аспектах, функциональных и концептуальных особенностях, исследователи говорят об идентичности как о процессе осмысления человеком своего места в социуме, путем фиксации в сознании значимых для себя ориентиров самоопределения в больших и малых сообществах⁴⁵. Фундаментальный, всеобъемлющий обзор эволюции идентичности как категории политической науки представлен в энциклопедическом издании ИМЭМО РАН «Идентичность: личность, общество, политика». Идентичность, по мнению исследователей ИМЭМО РАН, не только структурирует социокультурную сферу, но и отражает комплексный, многоуровневый характер современных

---

⁴³ Фадеева, Л. А. Идентичность как категория политической науки... С. 78-92.

⁴⁴ Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений / Ин-т "Открытое о-во". М.: Наука, 1994. С. 153.

⁴⁵ Идентичность: Личность, общество, политика... С. 234.

общественных взаимодействий, что позволяет более точно анализировать современные социокультурные и политические процессы⁴⁶. Концепт идентичности, кроме объяснения реальности, способствует также формированию новых смыслов, категорий и институтов, конструирующих эту реальность⁴⁷.

Факторами, определившими становление идентичности в качестве ключевой общественно-научной категории в последнее время, являются растущая сложность и динамичность общественных процессов. В условиях перманентных изменений в разных политических измерениях, нестабильности базовых общественно-политических институтов, а также в контексте децентрализации системы международных отношений требуется постоянное обновление и тонкая настройка инструментария, который используется для анализа и объяснения происходящих изменений⁴⁸. Предшествующие идентичности категории, отвечавшие за интерпретацию индивидом политической реальности, такие как менталитет, общественное и коллективное сознание, этнос и нация, были применимы в условиях более стабильного и структурированного сообщества. Динамичная природа идентичности позволяет осмыслять и интерпретировать меняющуюся реальность, фиксировать ее качественные характеристики, а также, отражает включенность человека в социальные процессы⁴⁹. Таким образом, идентичность для индивида - функциональный инструмент анализа и объяснения происходящих в социуме изменений, позволяющий осмыслить меняющуюся реальность, зафиксировать ее качественные характеристики и определить свою роль в этой реальности. В этом смысле необходимо подчеркнуть двунаправленную функцию идентичности, поскольку она определяет не только человека в реальности, но и реальность для человека. Двойственная природа идентичности отражается также в лежащем в ее основе парадоксальном равновесии разнонаправленных функций – фиксации одновременно тождественности/принадлежности с одной стороны и

---

⁴⁶ Там же. С. 57.

⁴⁷ Там же. С. 70.

⁴⁸ Там же. С. 112.

⁴⁹ Там же. С. 107.

уникальности с другой. Иными словами, идентичность позволяет как отнести себя к тому или иному сообществу, так и выделить из других сообществ. Таким образом, исследователи подчеркивают, что функция идентичности заключается как в выделении общих особенностей, присущих конкретному сообществу и формирующих понимание принадлежности к нему, так и в выделении уникальных черт, идентифицирующих данное сообщество и его представителей извне⁵⁰. В специализированной литературе в данном контексте довольно часто применяется специфический термин «самость», образованный от английского «self».

Применимо к общественным и политическим наукам, логичным поворотом в исследованиях идентичности становится изучение ее группообразующей и группоопределяющей функций. И.С. Семененко, В.В. Лапкин и В.И. Пантин вводят также понятия *коллективной* и *социальной идентичности*. Под *коллективной идентичностью* понимается комплекс представлений, образующих согласованную, солидарную мотивацию индивидуального и группового поведения человека. *Социальная идентичность* представляет собой совокупность представлений человека о своем месте в обществе, а также ценностей и поведенческих моделей, формирующихся в процессе соотнесения человеком своего «Я» с общественно значимыми культурными ориентирами, ролевыми функциями в публичной сфере, социальными институтами и отношениями⁵¹. Здесь можно заметить одну важную особенность идентичности и предшествующего ей процесса идентификации, в рамках которого субъект понимает свою принадлежность к группе других субъектов. Исследователи коллективной, социальной идентичности по-разному пришли к единому выводу, о существовании идентификационных связей как с неформальными, неинституализированными сообществами, так и с конкретными социальными и политическими институтами. На основании данного утверждения можно сделать вывод, что социальная

---

⁵⁰ Юдина Т.А. Есть ли шанс появления европейской нации в современной Европе? // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 3, ч. 1. С. 209.

⁵¹ Семененко И.С. Политика идентичности и политическая идентичность / И.С. Семененко // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7. № 2. С. 6.

идентичность, не всегда политическая, но политическая – всегда социальная. Также, в качестве одной из глобальных тенденций идентификационных трансформаций называется комплексная политизация идентичностей, то есть включение в качестве субъектов политического взаимодействия изначально неполитических идентичностей. Более подробно данная тенденция будет рассматриваться в дальнейшем, однако необходимо отметить, что по мнению исследователей макрогрупповые и средовые идентификации в целом оказывают влияние на формирование политических предпочтений⁵². Уже в рамках зарождающейся немецкой общественно-научной мысли, находящейся под воздействием философии идеализма, отмечалось существование группового сознания и коллективной идентичности. Более того, подчеркивается, что коллективная идентичность – конструкт, в большей степени сформированный с помощью кумулятивного эффекта истории и традиции. Р. Д. Фогельсон пишет о значимости понятий «народной идеи» (в географическом контексте) и исторического опыта⁵³.

В целом понятие «идентичность», как правило, применяется в обязательной связке с какими-либо атрибутами: этническая, культурная, политическая, гендерная, также в современном дискурсе об идентичности все чаще говорится о комбинированных атрибутах: этнокультурная, социокультурная, гражданско-политическая и т.д. На рубеже XX и XXI веков с увеличением числа социальных интеракций, для исследователей актуализировалась необходимость определения структуры идентичности. Данному вопросу посвящено множество трудов отечественных и зарубежных специалистов, тем не менее, единый подход так и не был выработан. На настоящий момент не вызывает сомнений в академическом сообществе комплексный характер идентичности или способность человека совмещать многочисленные идентификационные привязанности (*multiple identity*). С концептуализацией и теоретическим осмыслением данной характеристики

---

⁵² Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология... С. 282.

⁵³ Fogelson R.D. Person, self, and identity: Some anthropological retrospects, circumspects, and prospects // *Psychosocial Theories of the Self*. Boston, MA: Springer US, 1982. P. 68.

идентичности все не так однозначно. Тем не менее, многие исследователи идентичности в психологической науке говорят о системном характере идентификаций. Для анализа этой системы существуют ряд распространенных подходов и методов, некоторые применяются также и в политической науке, например изначально психологический тест Куна-Маркпартленда. Смысл данного теста - изучить различные идентификации индивида, то есть варианты ответа на вопрос «Кто Я?», что в свою очередь адаптируется к разнообразному спектру возможных политических привязанностей. Психологическое происхождение категории идентичности способствует транзиту в процесс изучения идентичности в политической науке новых подходов и концепций. Системное представление политической идентичности, а также ее ключевые функциональные особенности можно интерпретировать в контексте модели сравнительных семантических признаков, предложенной Э. Э. Смитом, Э. Дж. Шобеном и Л. Дж. Рипсом. С помощью данной модели психологи объясняют когнитивные процессы, связанные с идентификацией объектов. Их модель основывается на многочисленных исследованиях, заключающихся в идентификации ложных и истинных высказываний, на основании которой становится возможным определить принадлежность идентифицируемого объекта к множеству подобных объектов. То есть речь идет об определении идентичности, а также ее признаков, структуры, связей. Так, согласно авторам модели «значение слова не является неразложимой единицей, скорее оно представляет собой набор семантических признаков», отражающих характерные качества объекта и группы, к которой он принадлежит⁵⁴. Подобная логика присутствует в сегодняшней структуре социальных и политических идентичностей, которые представляют собой комплекс смысловых характеристик, оформляющих ценностный базис, структуру социальных ролей сообщества и позволяющих идентифицировать его представителей. Далее, выявляется диапазон характеристик (признаков) от исключительно важных до второстепенных. В рамках анализа политической идентичности определяющие и

---

⁵⁴ Smith E. E., Shoben E. J., Rips L. J. Structure and process in semantic memory: A featural model for semantic decisions // Psychological review. 1974. № 3 (81). С. 223.

второстепенные признаки попадают под влияние концептуальных особенностей анализа политических категорий. Возникает логичный вопрос – какие характеристики являются определяющими, а какие второстепенными и возможно ли выстроить определенную иерархию? В таких науках, как политология, международные отношения особое значение имеет национальная идентичность. Под национальной идентичностью можно понимать совокупность ощущений, привязанностей, взглядов, переживаний и опыта, позволяющих индивиду определить свою принадлежность к определенной нации. Здесь мы сталкиваемся с ключевой проблемой национальной идентичности как категории анализа, исходящая из политического и культурного понимания нации. В таком случае признаками принадлежности к нации могут быть проживание на территории, владение национальным языком, национальной культурой с одной стороны, и гражданская, налоговая, партийная, политико-идеологическая принадлежность с другой. В рамках модели сравнительных семантических признаков, Смит с коллегами приходят к выводу, что утверждения различной степени истинности будут идентифицированы с использованием различных соотношений определяющих и характерных (второстепенных признаков). Экстраполируя данный подход, например на национальную идентичность, можно сделать вывод, что в процессе идентификации на основании большего числа признаков происходит определение более типичных субъектов (один человек «более русский», чем другие). Другие исследования, основанные на данном подходе, свидетельствуют о том, что, поскольку степень типичности объектов для своей категории различна, может возникать тенденция к формированию прототипа той или иной категории. «Когда мы употребляем слово «птица», мы вообще имеем в виду что-то близкое прототипу птицы»⁵⁵. Подобная логика объясняет формирование в рамках идентичности стереотипов, типичных носителей наиболее ярких признаков сообщества. Модель сравнительных семантических признаков, по мнению исследователей объясняет некоторые из нерешенных вопросов, тем не

---

⁵⁵ Когнитивная психология... С. 302.

менее, ее нельзя считать универсальной и единственно возможной. Также, эта модель объясняет идентичность воспринимаемую, а не ощущаемую. В рамках данного исследования применение модели в качестве теоретической основы способствовало формированию представления о значимости характеристик и признаков идентичности, возможности их выстраивания в иерархию. В то же время, необходимо упомянуть исследования А. Коллинза и Э. Лофтуса⁵⁶. По их мнению, определяющие признаки в рамках модели сравнительных семантических признаков неверно воспринимаются как абсолютные свойства. Как пишет Р. Солсо «никакой отдельный признак не может быть абсолютно необходимым для определения чего-либо (например, невозможно определить на юридическом языке «непристойные» фильмы, используя один-единственный «решающий» признак)»⁵⁷. Возвращаясь к идентичности, ситуация усложняется тем, что личностная и коллективная идентичности функционируют в двух направлениях, т.е. когда субъект определяет себя и когда его определяют другие. Если для самостоятельного определения достаточно, по сути, личного или коллективного волеизъявления (что, впрочем, не гарантирует легитимность или внешнюю обоснованность данной идентичности), то в случае с внешним определением, существование абсолютных признаков зависит от конкретного контекста. Кроме того, исследования семантических связей, в том числе наиболее прогрессивные, представляющие семантическую память как сеть понятий, составленных из единиц и свойств и соединенных рядом ассоциативных связей представляют хорошую основу для анализа когнитивной составляющей идентичности, но не отвечают всем требованиям динамики и неопределенности общественно-политических процессов⁵⁸. Данные модели более применимы к объяснению функциональных особенностей идентичности в период их стабильности и четкой разграниченности, поскольку требуется однозначно отнести объект к множеству на основе определенного числа признаков. Под воздействием глобализации и

---

⁵⁶ Collins A. M., Loftus E. F. A spreading-activation theory of semantic processing // Psychological review. 1975. № 6 (82). С. 407–428.

⁵⁷ Когнитивная психология... С. 305.

⁵⁸ Там же. С. 306.

регионализации, транснационализации информационного пространства характеристики той или иной идентичности могут меняться, путаться, пересекаться, наконец, напрямую зависеть от точки зрения субъекта, что не позволяет конструировать модели однозначной принадлежности.

Одним из актуальных направлений идентитарных исследований является изучение многоуровневых, сложносоставных комплексов идентичности. Если возможность комбинирования многочисленных идентификаций (в том числе конфликтующих) даже в разрезе личностных, психоэмоциональных особенностей индивида является одним из наиболее актуальных вопросов для ученых, то способность индивида обладать идентификационной привязанностью одновременно к нескольким сообществам по этнокультурным, национально-государственным, ценностно-политическим и другим признакам, а также существование многоуровневых, сложносоставных политических идентичностей сегодня не подвергается сомнению⁵⁹. Исследователи отмечают, что идентичности находятся в постоянном соперничестве и переопределении⁶⁰. Возможность совмещать в своем «Я» компоненты различных сообществ, культур и народов, разной степени сформированности, казалось, должна бы способствовать росту глобального взаимопонимания и существенно уменьшить количество этнических и этнополитических конфликтов, однако, можно констатировать прямо противоположное. В политическом смысле в условиях современных трансформаций на основе ценностей - поддержка индивидом того или иного политического курса - идентифицирует его как своего/чужого для конкретного сообщества.

Известный исследователь идентичностей и сторонник конструктивистского подхода Р. Д. Фогельсон говорит о множестве конкурирующих идентичностей

---

⁵⁹ Акопов С. В. Транснациональная модель идентификации индивидов с макрополитическими сообществами: метатеоретический анализ: дисс. ... доктора полит. СПб, 2015. С.73; Ближний Восток: Политика и идентичность... С. 256.

⁶⁰ Dodge T. Introduction: Between Wataniyya and Ta'ifia; understanding the relationship between state-based nationalism and sectarian identity in the Middle East // Nations and Nationalism. 2020. № 26. P. 87.

современного человека. Р. Д. Фогельсон выделяет четыре типа идентичности: реальная, отражающая комплекс представлений индивида о себе в настоящий момент, идеальная, отражающая стремление стать кем-либо, негативная выступает в качестве антипода и предъявляемая, то есть, набор образов, транслируемый во внешнюю среду⁶¹. Р. Д. Фогельсон подчеркивает, что на личностном уровне, индивид стремится привести реальную идентичность как можно ближе к идеальной в то же время, максимально увеличивая дистанцию от «пугающей» негативной идентичности. Негативная идентичность в целом нередко играет структурирующую роль в формировании идентичности в международных отношениях. Разумеется, процесс подобных трансформаций идентичности находится под серьезным воздействием ряда внешних факторов, например, политики государства, признающей и фиксирующей (наделяющей ценностью) одни идентичности и отвергающей другие⁶². Фогельсон также полагает, что определенные аналитические концепты, разработанные для анализа личностного уровня идентичности, могут быть масштабированы на уровень групп⁶³.

Теперь необходимо обратиться непосредственно к категории политической идентичности. Политическая идентичность в контексте данной работы рассматривается в рамках теоретических подходов, применяемых ведущими исследователями данной проблематики. Некоторые исследователи определяют политическую идентичность как форму коллективных, социальных идентичностей, существующих в политическом контексте – социальные категории, атрибуты и компоненты само-понимания в рамках политической системы, разделяемые другими членами сообщества и позволяющие им определить себя частью этого сообщества⁶⁴. О. В. Попова называет политическую идентичность

⁶¹ Fogelson R.D. Person, self, and identity: Some anthropological retrospects, circumspects, and prospects // *Psychosocial Theories of the Self*. Boston, MA: Springer US, 1982. P. 78.

⁶² Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / В. В. Амелин, Я. Беван, Е. Веттер и др.; Под ред. Е. И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия Телеком, 2018. С. 33.

⁶³ Там же С. 79.

⁶⁴ Nisbet E. C., Teresa A. M. Challenging the State: Transnational TV and Political Identity in the Middle East // *Political Communication*. 2010. № 27. P. 348.

одной из важнейших установок политического сознания людей. Посредством политической идентичности не только осуществляется соотнесение себя с одной или несколькими социальными и/или политическими группами, но и формирование отношения к актуальному политическому контексту и укоренившимся мифологизированным представлениям о прошлом. На основе этого выстраивается отношение к будущему и, что особенно важно, происходит процесс принятия политических решений⁶⁵. И.С. Семененко под политической идентичностью понимает соотнесенность граждан с политическими институтами⁶⁶. Ключевое значение в данном случае имеет связка «гражданин» - «политический институт», подчеркивающая гражданский, то есть в большинстве случаев национально государственный характер рассматриваемых политических идентичностей. И.С. Семененко подчеркивает, что политическая идентичность в данном контексте опирается на конкретные субъекты политического процесса, представляющие интересы граждан в политическом пространстве – партии, массовые движения, в то же время, определяя политические идентичности индивида, группы, политического объединения, региона, государства, наднационального объединения⁶⁷. Национальная политическая идентичность задает своеобразную систему координат, в которой социальная реальность обретает определенную целостность, понятность, и имеет упорядочивающее значение в структуре идентификационной матрицы индивида⁶⁸. Как отмечал С. Эриксен «пока государство откровенно стремится к управлению сообществом, оно одновременно предъявляет претензии на репрезентацию этого общества как такового, выступая от лица народа... действия государства представляются в качестве действий сообщества»⁶⁹. При достаточной устойчивости политической системы происходит сращивание этнической, национальной и государственной

---

⁶⁵ Попова О. В. Модели идентичности политических акторов в современной России // Политическая наука. 2018. № 2. С. 174.

⁶⁶ Семененко И.С. Политика идентичности и политическая идентичность... С. 7.

⁶⁷ Там же... С. 8.

⁶⁸ Попова О. В. Модели идентичности политических акторов... С. 175.

⁶⁹ Haddad F. Sectarian identity and national identity in the Middle East // Nations and Nationalism. – 2020. № 26. P. 134.

идентичностей. По мнению О.В. Поповой исследователи пришли к выводу о невозможности разработки универсальной классификации моделей политической идентичности в трансформирующихся обществах⁷⁰. Наличие «своих» и «чужих» или позитивных и негативных образов, по мнению О.В. Поповой имеет определяющее значение для формирования различных моделей политических идентичностей⁷¹.

В некотором смысле политические идентичности лучше всего рассматривать как индивидуальные схемы, организующие информацию о наших политических предпочтениях, статусе, социальных отношениях, а также, определяющие определенные аспекты нашего коллективного мира — национальное государство, культура, раса, пол, язык, религия, национальность, класс и т.д. Также, отмечается, что одни идентичности являются более «политически применимыми», чем другие⁷². Специалист по транснациональным идентичностям С. В. Акопов и О. Ю. Малинова говорят о категории «макрополитической идентичности», которая «указывает на идентификацию с более широким сообществом и охватывает все присутствующие в публичном дискурсе способы определения сообщества, которое конституируется через принадлежность к конкретному государству»⁷³. Возможно также выделение политического измерения в составе социальной идентичности⁷⁴. Подобный подход позволяет включить в комплекс политических идентификаций процессы, не связанные с национальным государством и даже этнической привязанностью, например, приверженность человека определенным транснациональным политическим взглядам, общественно-политическим течениям.

Отдельная роль в идентитарных исследованиях отведена попыткам определить степень устойчивости политических идентичностей, характеризующих

---

⁷⁰ Попова О. В. Модели идентичности политических акторов... С. 174.

⁷¹ Там же.

⁷² Nisbet E. C., Teresa A. M. Challenging the State: Transnational TV and Political Identity in the Middle East... P. 348.

⁷³ Акопов С. В. Транснациональная модель идентификации... С. 3

⁷⁴ Семененко И.С. Политика идентичности и политическая идентичность... С. 5.

лояльность сообществу. Вызывает интерес подход известного исследователя идентичностей К. Терлоу, заключающийся в определении так называемых «толстых» и «тонких» идентичностей. Под «толстыми» понимаются более сформированные идентичности, отличающиеся исторической и культурной обоснованностью, территориальной привязанностью. В ряде случаев, под «толстой» идентичностью понимается идентичность, основанная на общей культуре и общественных отношениях. «Тонкие» идентичности – новые, находящиеся в процессе формирования и кристаллизации, формирующиеся на основе современных типов фундаментов – ценностей, идей, политических взглядов. Тонкая идентичность также относится к индивидам и сообществам, мобилизуемым для решения конкретной проблемы. Толстые идентичности имеют нормативный аспект, в то время как тонкие идентичности более практичны и утилитарны. Толстые идентичности К. Терлоу называет традиционными, а тонким также дает характеристику «жидких», указывая на их динамичный и переменчивый характер⁷⁵. Крепкие толстые региональные идентичности часто основываются на вековых конфликтах, в особенности, заключающихся в стремлении к политической автономии. К. Терлоу приводит в качестве примеров Шотландию и Каталонию. Им выделяется также идентичность, сконструированная на конфликте языковых притеснений – Фландрия⁷⁶. По мнению К. Терлоу идентичности сочетают в себе тонкие и толстые элементы, а сфокусированная на будущем тонкая политическая идентичность связывается с толстой исторической идентичностью. На примере регионов К. Терлоу также говорит об отмечаемых стремлениях «уплотнить» исключительно экономическую и политическую идентичности, обращаясь к совместному прошлому⁷⁷. Таким образом прошлое остается «элементом уплотнения», связующей цепью между идентичностями и поколениями во времени, позволяющей извлечь дополнительную мотивацию для сообществ, которые могут использовать ее в практических политических целях, то есть

---

⁷⁵ Terlouw K. From thick to thin regional identities? // GeoJournal. 2012. Vol. 77. № 5. P. 709.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ Ibid. P. 711.

перевести из культурного измерения в политическое. Подход К. Терлоу, заключающийся в анализе структуры идентичности с выделением тонких и толстых идентификаций позволяет анализировать структуру различных идентичностей, выявлять идентификационные связи, мобилизационный потенциал отдельных идентичностей. В контексте настоящего исследования данный подход интересен дифференциацией идентичностей по структурной основе, по их мобилизационному потенциалу, стимулирующему общественно-политическую активность носителя, что, с учетом системного характера многочисленных идентичностей, может оказывать воздействие на системы и отдельные их элементы. Модели толстых и тонких идентичностей также позволяют интерпретировать реальность, характеризующуюся идентификационными трансформациями. Например, исследователи говорят о постепенной замене толстых институтов, характеризующихся жесткой структурой, обусловленной часто религиозными и сакральными традициями, более тонкими, открытыми, добровольными и свободными институтами. Они также обладают определенной динамикой, замещая друг друга и находясь в зависимости от гибких сетей⁷⁸.

Говоря об анализе политических идентичностей необходимо подчеркнуть, что, несмотря на существование отдельной исследовательской категории, трансформации идентичности сегодня носят комплексный характер и находятся под воздействием множества факторов, поэтому, исследуя различные категории идентичности, необходимо помещать их в более широкий теоретический, сравнительный и исторический контекст. Идентичность — это самоопределение субъекта по отношению к другим субъектам. Т. Хопф и Б. Б. Аллан утверждают, что индивид или государство обладают многочисленными идентичностями, поскольку их идентичность изменяется в условиях взаимодействия с другими меняющимися идентичностями⁷⁹. Следует подчеркнуть, что, говоря «индивид или государство», Хопф и Аллан проводят четкую параллель между особенностями

⁷⁸ Terlouw K. From thick to thin regional identities... P. 710.

⁷⁹ Making identity count: Building a national identity database editors T. Hopf, B. B. Allan, New York, NY: Oxford University Press, 2016. P. 5.

функционирования личной и групповой (государственной) идентичности. Идентичность в международных отношениях является неотъемлемой составляющей анализа в вопросах конфликта и взаимодействия, войны и мира, этнополитических противостояний. Схемы международного взаимодействия, как мирного, так и конфликтного зависят не только от институциональных и материальных факторов, но также от того, как государства определяют себя и других в международной системе⁸⁰. Здесь в очередной раз наблюдается неразрешенный в рамках МО вопрос – что считать государственной (национально-государственной) идентичностью – идентичность государства, проявляющуюся его действиями на внешнеполитической арене, соответственно определяемая представителями политической элиты страны, исходя из их понимания национальных интересов, или же речь идет о совокупности культурных, социальных, экономических и политических особенностей, определяющих представителей данного государства в национальном масштабе? К. Терлоу выделяет отдельную категорию пространственных идентичностей (*spatial identities*)⁸¹. В исследовательской среде существует устоявшееся представление о невозможности представления нации без территории. Роль фактора территории в формировании, существовании, укреплении и ослаблении национальной или этнической идентичности является важным и сохраняющим актуальность исследовательским вопросом. Более подробно территориально-пространственное измерение идентичности будет рассматриваться в дальнейшем, однако необходимо отметить, что данный вопрос получает новое развитие в контексте отмечающегося укрепления сетевых идентичностей и процесса их детерриториализации.

Одно из основных направлений современных идентитарных исследований в политической науке, обусловлено также существованием многочисленных подходов к пониманию и определению национальной идентичности и посвящено одному из ключевых конфликтов идентичности не только в современных

---

⁸⁰ Making identity count: Building a national identity database... P. 5.

⁸¹ Terlouw K. From thick to thin regional identities... P. 710.

международных отношениях, но и в общественной жизни в целом. Данный конфликт заключается в стремлении сообществ к признанию, которое как правило представляет собой институционализацию и легитимизацию этих сообществ в рамках существующих общественно-политических систем, что в свою очередь способно подрвать позиции уже признанных и существующих идентичностей. Этот конфликт становится предметом анализа одного из виднейших мыслителей современности – Френсиса Фукуямы, который в 2018 году представил мировому сообществу работу «Идентичность: стремление к признанию и политика неприятия»⁸². Однако мы могли наблюдать проявление подобного противостояния идентичностей, гораздо раньше, поскольку оно лежит в корне практически всех международных противоречий, в особенности, с момента падения биполярной системы. Проблемы культурного притеснения, сепаратизма, экстремизма, международного терроризма вырастают на благоприятной почве стремления идентичности к признанию. Ситуация усугубляется материальными экономическими и политическими факторами, препятствующими этому признанию. Значимость книги Ф. Фукуямы заключается в экстраполяции вышеупомянутой дихотомии идентичности на актуальные сегодня идентификационные конфликты. Данную проблему затрагивают также и отечественные специалисты. В частности, подчеркивается разнообразие целей политики идентичности – от вышеупомянутого стремления к признанию, до достижения идентификационной уникальности – «этнической чистоты»⁸³. Американский конфликтолог Джон Бертон модернизировал известную теорию потребностей Абрахама Маслоу в контексте социальных конфликтов, определив в качестве наиболее значимых потребностей – потребность в самобытности, признании, безопасности и личном развитии⁸⁴. Г.Г. Дилигенский говорил о потребности выделения не только собственного «Я», но и собственного «Мы», как

---

⁸² Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / Фрэнсис Фукуяма ; Пер. с англ. М.: Альпина Пабlishер, 2019. 256 с.

⁸³ Идентичность: Личность, общество, политика С. 432.

⁸⁴ Burton J.W. Conflict: Resolution and Prevention // Houndmills; Basingstoke; Hampshire; L.: The Macmillan Press Ltd, 1990. P. 37.

об одной из фундаментальных потребностей особенностей человеческой психологии⁸⁵. Р. Н. Лебоу утверждает, что стремление наций к уважению и статусу может вытеснять стремление к стабильности и безопасности⁸⁶. Период господства национальных государств в системе международных отношений обусловил доминирование национальной идентичности, отводя другим социальным идентичностям второстепенные роли. В то же время в мировой политике XX века произошел ряд тектонических сдвигов, затронувших помимо прочего и пространство идентичности. Деколонизация, движение неприсоединения, распад СССР, активные интеграционные процессы, а также, как позитивные, так и негативные последствия продолжающейся глобализации возвели признание в ранг основной цели социальной идентификации, актуализируя новые типы идентичностей. Следует подчеркнуть, что в англоязычной литературе часто встречается термин «identity-based», зачастую дословно переводимый на русский как «основанный на идентичности» или, добавляя семантический контекст, «движимый идентичностью». Здесь, следует еще раз обратиться к работе Ф. Фукуямы. Идентичность как катализатор социально-политической активности согласно утверждению ряда специалистов, задействуется в первую очередь с целью получения сообществом признания, а именно, в форме легитимизации и институционализации собственной уникальности в рамках существующей системы⁸⁷. Таким образом, «основанный на идентичности» сегодня ничто иное, как «стремящийся к признанию», что определяет основные направления функциональных особенностей и преобразований идентичности в современном мире.

Наконец, значительная часть современных идентитарных исследований посвящена в некотором роде самодостаточным, но в то же время неразрывно связанным с проблематикой идентичности вопросам исторической, коллективной

---

⁸⁵ Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология: Учеб. пособие для высш. учеб. заведений / Ин-т "Открытое о-во". М.: Наука, 1994. С. 282.

⁸⁶ Lebow R.N. The politics and ethics of identity: In search of ourselves. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2012. P. 50.

⁸⁷ Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия... С. 34

памяти, коллективного прошлого и политическому применению данных категорий. Исследователи отмечают особую роль прошлого в формировании и проведении не только внутренней, но и внешней политики. Как отмечает известный специалист в проблематике политики памяти и политической применимости прошлого О. Ю. Малинова, современные исследования социальной памяти (memory studies) представляют собой междисциплинарное исследовательское поле, однако представители политической науки, задействованы в нем сравнительно недавно с конца 1990-х годов⁸⁸. С одной стороны, по мнению О. Ю. Малиновой, нельзя сказать, что данная проблематика относится к мейнстриму политической науки, в то же время, необходимо признать, что даже за крайне непродолжительный период, укладывающийся в хронологический рамки настоящего исследования, вопросы прошлого, как и вопросы идентичности значительным образом актуализировались как в практическом, так и в академическом пространстве. Политизация прошлого и превращение его в ресурс политической борьбы в настоящем – одна из глобальных тенденций и инструментов политики идентичности.

В дальнейшем основное исследовательское внимание будет направлено на анализ идентичности преимущественно в области международных отношений. Тем не менее, обзор теоретических подходов и исследовательских позиций, представленный в данном разделе, позволяет сделать вывод о том, что категория идентичности сохраняет исключительную междисциплинарность и тесно коррелирует с множеством других концептов, поэтому не может рассматриваться в узких теоретических и методологических рамках одной дисциплины. Современная стремительно меняющаяся реальность, сетевое взаимодействие, технологии манипулирования сознанием актуализируют как конфликтогенный, так и миротворческий потенциал идентичности. Изучение идентичности в международных отношениях и мировой политике имеет определяющее значение в вопросах урегулирования и предотвращения конфликтов, поддержания

---

⁸⁸ Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О. Ю. Малинова // Метод. 2019. № 9. С. 285.

стабильности и безопасности, укрепления международных связей, усиления взаимодействия. Как отмечают отечественные специалисты в идентитарных исследованиях, социокультурные особенности, которыми обладают все «большие» цивилизационные сообщества играют ключевую роль в росте уровня конфликтности и эффективном регулировании международных и политических противостояний⁸⁹.

1.2. Национальная идентичность как категория международных отношений: системные модели

Национальную идентичность можно считать одной из ключевых категорий анализа в международных отношениях. Во-первых, международные отношения — это в первую очередь взаимодействие наций - национальных государств, следовательно национальных идентичностей (кроме того, от английского — international relations). Во-вторых, для простого определения наций необходимы осознание особенностей, выделяющие одну из множества других, то есть, необходима национальная идентичность. Следовательно, нация не может существовать без национальной идентичности той или иной степени сформированности, иначе не было бы атрибутов ее определения нации на фоне других наций. Тем не менее, в академическом дискурсе об идентичности в международных отношениях до сих пор нет единства даже в основополагающих аспектах определения, функционирования национальной идентичности. С позиции ученых-конструктивистов идентичность — ключевая категория. Исследователи международных отношений, придерживающиеся, например, реалистической парадигмы избегают разговоров об идентичности, утверждая невозможность ее измерить. Т. Хопф и Б. Б. Аллан подчеркивают, национальная идентичность — это «созвездие категорий, которые определяют нацию» и «состоят из социальных

---

⁸⁹ Идентичность: Личность, общество, политика... С. 576

дискурсов»⁹⁰. Само понятие «нация» до сих пор зачастую определяется по-разному, как этнокультурная и/или национально-государственная общность⁹¹. Так, один из классиков исследований нации Э.Д. Смит утверждает, что определяющее значение в процессе национальной идентификации индивида имеет гражданская принадлежность к конкретному национальному государству. В то же время, он признает, что все нации обладают национальной идентичностью, однако не все нации достигли оформления в виде государства⁹². Анализируя процесс формирования нации и трансформации этноса в нацию, Э.Д. Смит говорит о пути трех революций: социо-экономической, военно-административной и культурно-образовательной⁹³. Новизна идей Э.Д. Смита заключалась в анализе национальной идентичности с позиции, разработанной им этносимволической теории. Дискуссии о природе наций, продолжаются и по сей день и включают в себя диаметрально противоположные позиций, от откровенного примордиализма до определения нации, в качестве воображаемого сообщества⁹⁴. Р. Н. Лебоу в целом отрицает возможность существования какой-либо цельной национальной, государственной идентичности. В его представлении это всегда набор смыслов и образов конкретного индивида, коллектива, сообщества. Известный российский антрополог и исследователь этноса и нации В.А. Тишков вообще утверждал, что нация не является научной категорией и, что она должна быть устранена из языка

---

⁹⁰ Making identity count: Building a national identity database P. 21.

⁹¹ Герштейн И. З., Казаков М. А. Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 6. С. 36-42.; Лапкин, В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 50-58.

⁹² Guibernau M. Anthony D. Smith on nations and national identity: a critical assessment // Nations and Nationalism. 2004. №10 (1/2). P. 125–141.; Smith Anthony D. National identity. London : Penguin Books, 1991. P. 101.

⁹³ Smith, Anthony D. The Ethnic Origins of Nations. Oxford: Blackwell, 1986. P. 173.

⁹⁴ Герштейн, И. З. Национальная идентичность как фактор современного государствообразования // Внешнеполитические интересы России: история и современность : Сборник материалов VII Всероссийской научной конференции, Самара, 26 апреля 2019 года / Ответственные редакторы А.Н. Сквозников, М.В. Черкасова. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. С. 34-39.

науки и политики⁹⁵. В контексте данной работы, не ставится задача разбирать этот вопрос. Однако, как уже отмечалось, данное исследование проводится преимущественно в рамках социального конструктивизма, поэтому, как отмечает П. Дуара, сегодня цель изучения наций — не просто продемонстрировать, что нации воображаемы, но и проанализировать, «кто что и когда воображает», то есть как и почему «различные взгляды на нацию оспаривают и ведут переговоры друг с другом»⁹⁶. Национальная идентичность — это продукт ежедневных дискурсивных практик, то, о чем говорят и воплощают в жизнь в рамках повседневной культуры, а не посредством крупных социально-политических потрясений или громких опосредованных зрелищ⁹⁷.

Э. Д. Смит сформулировал необходимые факторы формирования национальной идентичности следующим образом:

1. историческая территория или родина
2. распространенные мифы и исторические воспоминания
3. общая, массовая общественная культура
4. общие юридические права и обязанности для всех членов
5. общая экономика с территориальной мобильностью членов.

Таким образом, нация, по мнению Э. Д. Смита, может быть определена как определенное человеческое население, разделяющее историческую территорию, общие мифы и исторические воспоминания, массовую общественную культуру, общую экономику и общие юридические права и обязанности для всех членов⁹⁸. Смит также один из первых ввел в научный дискурс о национальной идентичности еще одно системное противоречие — проблему определения и взаимодействия

⁹⁵ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. С. 151

⁹⁶ Making identity count: Building a national identity database... P. 205.

⁹⁷ Vucetic S., Hopf T. Everyday nationalism and Making Identity Count // Natl. Pap. 2020. Vol. 48, № 6. P. 1003.

⁹⁸ Smith A. D. National identity... P. 14.

этнокультурных и гражданско-политических идентичностей индивида. Проблему двойственности национальной идентичности так или иначе затрагивали многие исследователи. Группа ученых под руководством И. С. Семененко также подчеркивает существование дихотомии – политико-гражданской и этнокультурной природы нации и, как следствие, национальной идентичности⁹⁹. Известнейший российский арабист Г. Г. Косач выделял в качестве отдельных категорий «страновое государство», «страновую этничность» и «страновую идентичность»¹⁰⁰. Изучением контуров соприкосновения и разграничения государства, нации и национальной идентичности занимался классик конструктивистского подхода в международных отношениях А. Вендт¹⁰¹. Вышеупомянутые факторы формирования национальной идентичности представляют собой обобщенный, теоретически идеализированный компромиссный вариант, балансирующий этническую и политическую сущности нации. Так, мифы и история, как и общая массовая культура являются преимущественно частью этнокультурного измерения, экономика и юридические права формируются скорее в рамках политического измерения, тогда как территория и историческая родина имеют равное значения и для культуры, и для политики. Поэтому национальная идентичность имеет два измерения – культурное (этническое) и политическое (гражданское). В то же время, хотя позиции, утверждающей основополагающее значение этнической идентификации и формирования на ее основе национальной идентичности придерживаются многие исследователи, необходимо отметить, что в научно-практическом дискурсе под национальной идентичностью в международных отношениях чаще понимается национально-государственная идентичность, то есть ощущение индивидом своей принадлежности к конкретному политическому сообществу – национальному государству. Тем не менее мы можем констатировать существование двух

⁹⁹ Идентичность: Личность, общество, политика... С. 432.

¹⁰⁰ Косач Г. Г. Арабский мир как феномен Структура и идентичность региона // Свободная мысль. 2021. № 6(1690). С. 57-70.

¹⁰¹ Wendt A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics / Alexander Wendt // International Organization. 1992. №2. (Vol. 46). P. 403.

основных направлений социальной идентичности индивида – этнокультурное и гражданско-политическое, что создает необходимость осуществления минимум двух идентификаций, которые, как известно далеко не всегда происходят гармонично. Р. Н. Лебоу вводит понятие «государственная идентичность» — это образ, который политические акторы используют в различных целях. Множественность и изменчивость «идентификаций» внутри общества позволяет политическим игрокам избирательно подчеркивать определенные «идентичности» при разработке внешней политики¹⁰². Таким образом Р. Н. Лебоу дифференцирует национальную и государственную идентичности, отводя государственной исключительно политические репрезентативные, манипулятивные функции, а национальной – ощущение крепкой общности. С. Вучетич и Т. Хопф подчеркивают, что всегда действуют конкурирующие версии нации, каждая из которых предлагает различные комбинации эстетических, интеллектуальных, идеологических, исторических, географических, религиозных, социальных и политических элементов¹⁰³. Иными словами, национальная идентичность в международных отношениях, как объект воздействия при реализации политики и как субъект, выступающий одним из источников этой политики, состоит из множества различных компонентов.

Этносимволическая теория Смита, в дополнение к его идеям об этническом фундаменте нации позволяет рассмотреть конструкты не только национальной, но и других социальных идентичностей под иным углом. Э.Д. Смит пытался ответить на ключевые вопросы определения национальной идентичности: отличие национальной от других видов коллективной культурной идентификации, роль различных этнических групп в качестве фундамента в формировании современных наций, различные виды националистической идеологии и символизма, а также их влияние на формирование территориальной и этнической политической

---

¹⁰² Lebow R.N. The politics and ethics of identity: In search of ourselves. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2012. P. 184.

¹⁰³ Vucetic S., Hopf T. Everyday nationalism and Making Identity Count // Natl. Pap. 2020. Vol. 48, № 6. P. 1002.

идентичности. Наконец, Смит рассматривал политические последствия различных видов национальной идентичности, их потенциал для разрастания этнических конфликтов и шансы вытеснить идентичности и идеологии, которые вызывают такую эндемическую нестабильность¹⁰⁴. Можно утверждать, что одной из первых манифестаций проблемы взаимодействия и гармонизации идентичностей с институционализированными и неинституционализированными сообществами стал процесс трансформации национальной идентичности. В контексте данной работы национальная идентичность, при всех концептуальных и функциональных лакунах, остается важной академической и практической категорией, оказывающей серьезное, фундаментальное воздействие на международные отношения и рассматривается в качестве основы для формирования новых типов идентичности.

Исследователи идентичностей индивида давно пришли к выводу об их многочисленном, комплексном характере, обусловленном усложнением общественно-политических отношений, ростом числа идентификационных привязанностей и сообществ для конкретного индивида¹⁰⁵. И. В. Фролова говорит о существовании системы идентичностей и ее тесной связи с институциональным устройством общества, кроме того, система идентичностей является отражением существующей социальной структуры¹⁰⁶. Укоренилась в академическом дискурсе категория матрицы идентичностей¹⁰⁷. Понимание гетерогенности идентичности определило становление в качестве одной из основных концептуальных задач объяснение механизмов взаимодействия нескольких идентичностей. В комплексе идентификационных привязанностей индивида выделяются языковые, цивилизационные, культурные, религиозные, гендерные и другие идентичности. К числу идентичностей, нередко нуждающихся в гармонизации и синхронизации, а также представляющих особый интерес для международных отношений относятся

---

¹⁰⁴ Smith, Anthony D. National identity... P. 77.

¹⁰⁵ Lebow R.N. The politics and ethics of identity... P. 270.

¹⁰⁶ Фролова, И. В. Сетевая идентичность современного человека: философская рефлексия // Ценности и смыслы. 2018. № 2(54). С. 28.

¹⁰⁷ Попова О. В. Модели идентичности политических акторов... С. 175.

национальная (по государству-нации) и этническая идентичности. Исследователями созданы различные модели их взаимодействия. И.З. Герштейн и М.А. Казаков выделяют национально-государственную идентичность, которая в свою очередь, явилась результатом усложнения института государства, повлекшего разделение этнической и государственной идентичности. В представленной ими классификации моделей национально-государственной идентичности, выделяются в качестве базовых традиционалистская (родовая), теологическая (религиозная) и политическая (гражданская) модели. И.С. Герштейн и М.А. Казаков также утверждают, что современные национально-государственные идентичности сочетают в себе черты всех моделей, однако лишь одна из них является определяющей для государства в конкретный момент времени¹⁰⁸. Традиционалистская модель, по сути, предполагает формирование политической (гражданской) привязанности на основе этнической идентичности, а также два типа наций – этнического и гражданского происхождения. Для государства, основанного на первом типе наций характерны такие объединяющие идентификационные факторы, как общий язык, религия, культура, традиции и т.д. В. А. Тишков подчеркивал роль распространения массовой печати и книжного дела в формировании нации, поскольку именно посредством текста в данном случае транслируются национальные идеи¹⁰⁹. Примером нации гражданского типа, по мнению И.З. Герштейна и М.А. Казакова являются «социалистические» нации, собранные из нескольких этнических сообществ (СССР, Чехословакия, Югославия и т.д.). По мнению авторов объединяющим фактором в этом случае становится концепция «братских народов»¹¹⁰. Безусловно, к числу объединяющих элементов следует добавить коммунистическую идеологию. По традиционалистской модели идентичности построены также Россия и Китай.

---

¹⁰⁸ Герштейн, И. З. Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология... С. 41.

¹⁰⁹ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии... С. 141.

¹¹⁰ Герштейн, И. З. Национально-государственная идентичность... С. 39.

Теологическая модель предполагает главенствующую позицию религии. Данная модель, разумеется, служит основой для идентичности теократических и около-теократических государств, в первую очередь, ближневосточных монархий. В то же время, довольно специфическими примерами теологической модели национально-государственной идентичности являются идентичности Ватикана и Израиля¹¹¹. Однако, даже кажущиеся цельными и схожими теологические идентичности мусульманских государств, при детальном рассмотрении обладают заметной спецификой и динамикой в условиях меняющегося мира¹¹². Гражданская модель по мнению И.З. Герштейна и М.А. Казакова самая молодая и амбициозная, поскольку на ней построены помимо прочего такие государства, как США и Франция¹¹³. Идентичность США представляет собой крайне интересный пример для анализа, поскольку, например, в российском публичном сообществе до недавнего времени не утихали утверждения о том, что американской нации не существует. На деле, сторонники подобных убеждений вероятно имели в виду отсутствие американского этноса или не связанность нативного американского этноса с современной американской нацией. Американская идентичность и олицетворяемая ей гражданская модель отличается наиболее динамичной и восприимчивой природой взаимодействия. Объединяющими компонентами служат минимально необходимые категории, обеспечивающие эффективное функционирование сообщества: язык, постепенно формирующиеся культурные традиции, универсальные ценности. Необходимо подчеркнуть, что Энтони Смит стоит у истоков определения «гражданской» национальной идентичности, которую он считал по своей сути западной¹¹⁴. С тех пор авторы, соответственно, подчеркивали связь гражданского национализма с либерально-демократическим развитием¹¹⁵. Ряд исследователей также определяет принадлежность к нации как

---

¹¹¹ Герштейн, И. З. Национально-государственная идентичность... С. 39.

¹¹² Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный Текст и социальный опыт // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2017. №4. С. 360.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Smith A. D. National identity... P. 9-12.

¹¹⁵ Tabachnik M. Untangling liberal democracy from territoriality... P. 191.

акт индивидуальной веры, осознанного идеологического выбора, заключающегося в принятии системы ценностей, лежащей в основе нации. Упрощая, можно сказать, что принадлежность к нации в ее французском понимании определяется разделяемой системой ценностей, а не географическим или этническим происхождением, что также подтверждает преемственность постнациональных идентификаций от национальных¹¹⁶. В.В. Лапкин выделяет национально-цивилизационную и национально-государственную идентичности. Вторая также определяется им в качестве гражданской, а первую в некотором смысле, можно считать эквивалентом этнической, однако следует подчеркнуть, что в данном подходе также подчеркивается первичность цивилизации¹¹⁷. И.С. Семененко выделяет политическое измерение в составе социальной идентичности¹¹⁸. Подобный подход позволяет включить в комплекс политических идентификаций процессы, не связанные с национальным государством и даже этнической привязанностью, например, приверженность человека определенным транснациональным политическим взглядам, организациям, движениям. В то же время И.С. Семененко, В.В. Лапкин и В.И. Пантин говорят о размытии гражданской составляющей идентичности, которая в свою очередь классифицируется как основа политической идентичности и определяет развитие национального сообщества в условиях демократии¹¹⁹. Включение гражданской составляющей в состав политической идентичности предполагает протекание процессов политической идентификации преимущественно (если не исключительно) в рамках гражданской привязанности, т.е. официальной привязанности к национальному государству. Однако мы можем все чаще наблюдать несовпадение и даже конфликт гражданских и политических идентификаций индивида. В качестве примеров можно привести наиболее

---

¹¹⁶ Свои и чужие... С. 52

¹¹⁷ Лапкин, В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности // Полис. Политические исследования. 2008. № 3. С. 50-58.

¹¹⁸ Семененко И.С. Политика идентичности и политическая идентичность... С. 5–24.

¹¹⁹ Семененко, И. С. Идентичность в системе координат мирового развития / И. С. Семененко, В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 40-59.

известные национальные политические движения за независимость, нередко определяемые, как сепаратистские (Каталония, Шотландия) или просто неодобрение (пассивное или активное) политики государства. Исследователи говорят о том, что национальное государство утратило монополию даже на формирование национальной идентичности. Все чаще речь идет о конфликте, борьбе или соревновании идентичностей. Площадкой для борьбы становится система ориентиров индивида, а «участниками» – традиционная национально-государственная и этнокультурные привязанности, сетевые сообщества, транснациональные и наднациональные структуры, диаспоральные миры. Целью борьбы является политическая лояльность¹²⁰.

Вышеописанные категории и концепции идентичности представляют собой модели взаимодействия политических, этнических и национальных идентификационных привязанностей, однако все они замкнуты на уровне национального государства. Как уже говорилось в начале, в современном мире число идентификаций неизбежно растет, под воздействием различных процессов, а рост числа идентификаций способствует их «наложению» друг на друга, что в свою очередь влияет на генерацию новых конфликтов. Исследователи говорят о размывании традиционных паттернов идентичности, под воздействием глобализации, что в свою очередь выявляет разнонаправленные ориентиры идентификационных процессов¹²¹. Вышеупомянутая тесная взаимосвязь идентичности и социальной структуры, по мнению исследователей, характерна для традиционного общества, где стабильность социальных институтов коррелирует со стабильностью идентичности. Для обществ модерна (не говоря уже о постмодерне) характерны новые типы систем идентичностей, отличающиеся высокой динамикой, ввиду растущей горизонтальной и социальной мобильности¹²². Особую роль здесь играют миграционные процессы. Если в биполярную эпоху

¹²⁰ Семененко И.С. Политика идентичности и политическая идентичность... С. 13.

¹²¹ Лапкин, В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности... С. 50-58.

¹²² Фролова, И. В. Сетевая идентичность современного человека: философская рефлексия // Ценности и смыслы. 2018. № 2(54). С. 29.

полноценное включение мигрантов даже в гражданское сообщество принимающей страны (не говоря уже о социокультурной интеграции) было невозможно представить без изучения языка титульной нации, то сейчас (и здесь следует вспомнить политику мультикультурализма ЕС, фактически институционализировавшую диаспоральное устройство общества) осуществление базовой гражданской идентификации становится возможно без языка или при владении им на примитивном уровне¹²³. Данное явление безусловно зависит от темпов миграции, поэтому, например США оно затронуло раньше, чем другие страны и регионы. Унификация и распространение глобальной культуры способствует усилению этнических, локальных идентичностей, стремлению сообществ к сохранению самобытности, уникальности, под страхом полного поглощения.

Крах биполярной системы и распад Советского союза объединили большинство политических исследователей того периода во мнении о грядущей трансформации мирового порядка. Разные стороны одной идеи выражали С. Хантингтон в ставшем каноническим «Столкновении цивилизаций», Ф. Фукуяма в критикуемом, но не менее значимом «Конце истории»¹²⁴. Трансформации миропорядка невозможны без трансформаций национальной и других политических идентичностей. В.В. Лапкин связывает трансформации идентичностей с конкретными случаями модернизации. Модернизация способствует формированию и институционализации новых моделей поведения, социальных и политических практик, а также, неразрывно связана с адаптацией национальной идентичности к вызовам глобализации¹²⁵. Очевидно, что постбиполярный мир, находится в процессе новой модернизации, которая неизбежно трансформирует идентичность. Как отмечает И. В. Фролова, множество общественно-политических ролей, ситуаций и функций, характерных для

---

¹²³ Алексеев Н.Н., Волкоморова А.А., Куртяник С.Н. Истоки современного национализма Швеции и Дании: анализ законодательства и вопросы идентичности // Международные отношения. 2021. № 2. С. 12 - 25.

¹²⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Москва: Издательство АСТ, 2020. 640 с.

¹²⁵ Лапкин, В. В. Модернизация, глобализация, идентичность... С. 55.

современного индивида, требует от него быстрого переключения идентичностей, постоянно меняющейся ассоциации с разными общностями и образами¹²⁶. Необходимо добавить, что идентичности в современной общественно-политической динамике могут не только меняться, но также сочетаться и комбинироваться в различных пропорциях. В результате идентичность сама по себе проблематизируется, сохраняя свою ключевую функцию ядра личности, но превращаясь во все более пластичное и подверженное манипуляциям ядро¹²⁷.

Продолжая разговор о конкретных системных моделях идентичности, согласно С. Хантингтону мусульманский мир характеризуется U-образным распределением идентичностей с наиболее сильной семейной и родовой привязанностью, а также привязанностью к исламу и уммам его проповедников. Приверженность нации С. Хантингтон помещает в нижнюю часть фигуры, ввиду ее слабого проявления. В то же время, говоря о распределении идентичностей в западном мире, С. Хантингтон использует перевернутую U, где нация находится в верхней точке, лояльность которой значительно сильнее лояльности семье и вере¹²⁸. На данном примере мы видим, с одной стороны, стремление С. Хантингтона построить модель идентичностей с четкой иерархией, с другой стороны признание им дифференциации и региональной специфики в системных моделях идентичности.

Специалисты в области антропологии и психологии также моделируют различные комплексы идентичностей. В контексте настоящего исследования интерес представляет концепция градуированных идентичностей, когда, например такие атрибуты психологического и социального портрета индивида как честность, порядочность, правдивость или справедливость могут относиться к градуированному, поскольку могут быть измерены/сравнены, обладать

---

¹²⁶ Фролова, И. В. Сетевая идентичность современного человека: философская рефлексия... С. 29.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской идентичности / С. Хантингтон ; Пер. с англ. А. Башкирова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. С. 42.

определенной степенью (более честный, совсем непорядочный, иногда справедливый), в то же время, другие атрибуты идентичности, отражающие в том числе социальные статусы не могут быть градуированы (женатый, беременная, мертвый)¹²⁹. Также, говорится о сетевом характере идентичности с согласованным функционированием множества связанных между собой акторов, как материальных (людей, организаций, артефактов, природных вещей), так и нематериальных (идеологий, дискурсов, символических систем, теорий, классификаций, стереотипов и т.п.). Взаимосвязанная системная активность этих акторов необходима для существования идентичностей, а выпадение любого из них трансформирует всю сеть, или приводит к ее распаду¹³⁰.

В условиях глобальной геополитической неопределенности, ослабления национальной и одновременного укрепления транснациональных идентичностей отмечается растущее значение цивилизационной идентичности, которая также является элементом системы идентичностей индивида, сообщества. Российские исследователи идентичности в политической науке определяют цивилизационную идентичность как отождествление или соотнесение индивида, социальной группы, этноса или государства с той или иной локальной цивилизацией. В свою очередь, конкретизируя многозначное понятие цивилизации в качестве общности, обладающей привязанностью к определенному географическому ареалу и выступающей носителем религий, идеологий, ценностей, культурных норм и социальных практик, которые имеют ярко выраженную специфику, но при этом претендуют на универсальную, всемирную значимость¹³¹. Таким образом структурообразующими компонентами цивилизационной идентичности можно считать географический ареал или территорию с присущим ей символическим смыслом, а также элементы социальной культуры, причем со значительной степенью универсальности и транснациональной распространенности. Цивилизационная идентичность изначально неполитическая, в то же время ее

---

¹²⁹ Свои и чужие... С. 31.

¹³⁰ Свои и чужие... С. 41-42

¹³¹ Идентичность: Личность, общество, политика... С. 143.

политизация и превращение ее компонентов в политический ресурс становится закономерным итогом политических трансформаций. Также цивилизационная идентичность может рассматриваться в качестве транснациональной, поскольку объединяет многочисленные нации.

Специалист по транснациональным идентичностям С. В. Акопов конструирует собственную модель, которая включает четыре основания идентификации с макрополитическими сообществами:

1) С. В. Акопов говорит о существовании комплекса сознательных или бессознательных представлений о «Мы-сообществе». Им также выделяются «структурирующие» и «вторичные» основания для формирования представления о «Мы сообществе», причем данное разграничение имеет принципиальное значение. По этим основаниям происходит упорядочение идентификационной матрицы в рамках присущей индивиду картины мира.

2) Одним из оснований для С. В. Акопова является идея или образ значимых «Других». В таком случае подразумевается определенная степень негативности идентичности, то есть самоопределения индивида в социальном, политическом, символическом пространствах на основе отделения от сообщества «Других». В рамках «Других» выделяются личности, группы или институты. Таким образом очерчиваются границы идентификации и определяются значимые для нее характеристики. «Другой» может ограничивать воображаемое «Мы сообщество» в форме «иного», «чужого» или «врага». Разные типы «границ» могут определять разные способы различения со значимым «Другим» во времени и в пространстве.

3) Коллективная политическая память, как компонент идентичности, в контексте уже упомянутой тенденции к политизации прошлого, будет более подробно рассмотрен в дальнейшем. По мнению С. В. Акопова существование коллективной политической памяти является результатом неизбежной укорененности жизни индивида в историческом контексте и коммуникативных практиках, на которые опирается «социальное воображаемое». О. Ю. Малинова

также подчеркивает, что политика работает не с прошлым (ибо это то, чего больше нет), а с социальными представлениями о прошлом. При этом речь идет не об истории, то есть систематической реконструкции прошлого, основанной на критическом отборе, а именно о коллективной памяти - разделяемом в сообществе культурном знании о прошлом, которое основано на многочисленных и разноплановых источниках, а также отличается принципиальной неполнотой и избирательностью. О. Ю. Малинова утверждает, что коллективная память оперирует мифами – упрощенными и эмоционально окрашенными нарративами, которые сводят сложные и противоречивые исторические процессы к удобным для восприятия простым схемам и воспринимаются членами группы как нечто «очевидное»¹³². В рамках коллективной политической памяти С. В. Акопов также выделяет два значимых субоснования: «память о коллективных политических жертвах» и «память о коллективных политических триумфах».

4) Особенности позиционирования субъектов в политическом пространстве, а именно, два разных способа восприятия политического пространства: ориентированный и не ориентированный на политические границы в рамках физической географии. Таким образом, в подходе С. В. Акопова также придается большое значение, фактору территории. Географическое восприятие пространства определяется как «территориальное», а второй вид восприятия как «посттерриториальное». С. В. Акопов также отмечает, что два типа позиционирования индивида в политическом пространстве, помимо прочего, коррелируют с разной природой приобретения гражданства («*jus soli*», «*jus sanguinis*», «натурализация», «двойное гражданство» и др.)¹³³. М. Табачник также утверждает, что природа приобретения гражданства создает проблему для формирования национальной идентичности¹³⁴. Также посттерриториальное восприятие определяется им как «ценностноментальное», что соотносится с уже

¹³² Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики... С. 290.

¹³³ Акопов С. В. Транснациональная модель идентификации... С. 15.

¹³⁴ Tabachnik M. Untangling liberal democracy from territoriality: from ethnic/civic to ethnic/territorial nationalism: Untangling liberal democracy from territoriality // Nations and nationalism. 2019. № 1 (25). P. 191.

упомянутым тезисом о ценностно-центричной и постнациональной природе современных идентичностей.

Другой заметной тенденцией в многочисленных попытках исследователей построить модель новых типов идентичностей является их конструирование по образу и подобию национальной идентичности. В том числе С. В. Акопов говорит о том, что предложенная им модель транснациональной идентификации не замещает национальную модель, но выступает в качестве надстройки над несколькими макрополитическими сообществами¹³⁵. Национальная модель остается основой для новых типов идентичностей, поскольку национальное государство и национальная идентичность доминировали в качестве основных маркеров мировой политической принадлежности, по мнению Э. Д. Смита, с Великой французской революции, причем более ранние примеры остаются дискуссионными, но не однозначно отвергнутыми¹³⁶. На основании этого в рамках настоящего исследования предлагается фрактальная модель идентичности, заключающаяся в подобии идентичности как системы, а также ее отдельных компонентов самим себе на различных уровнях анализа. Предлагаемая методика системного анализа идентичности учитывает отмечаемый многими исследователями неиерархический или не строго иерархический характер идентификационных привязанностей, допуская усиление и интенсификацию отдельных уровней, компонентов идентичности в зависимости от общественно-политического контекста, внутри- и внешнеполитических факторов¹³⁷. Исследователи подчеркивают, что идентичность сегодня не мыслится в категориях выстраивания иерархии ориентиров и предпочтений¹³⁸. Как отмечает один из ведущих отечественных специалистов по проблематике идентичности Л.А. Фадеева, категория идентичности более приспособлена к отражению многоликости субъекта, в особенности, когда конкретные его «личины»

¹³⁵ Акопов С. В. Транснациональная модель идентификации... С. 19

¹³⁶ Smith, Anthony D. National identity... P. 43.

¹³⁷ Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание. Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Изд-во «Весь мир», 2017. – 992 с.

¹³⁸ Семененко И.С. Политика идентичности и политическая идентичность... С. 14.

активизируются в зависимости от конъюнктуры¹³⁹. Предлагаемая методика фрактального моделирования для анализа идентичности позволяет изучать и сравнивать серьезно отличающиеся друг от друга системы идентичностей в различных региональных сообществах.

Таким образом, в конкретный момент времени у индивида есть множество конкурирующих социальных и политических «Я», сформированных на основе общих социальных, политических, культурных и географических атрибутов, находящихся в системе и характеризующихся значительной взаимозависимостью. И.С. Семененко подчеркивает, что в обществе существует множество потенциально значимых ориентиров для современного человека, что обуславливает многокомпонентный характер социальной идентичности с возможной актуализацией и деактуализацией этих компонентов¹⁴⁰. В. А. Тишков говорит о существовании многих способов самоидентификации, к которым прибегают люди в зависимости от конкретных обстоятельств¹⁴¹. Ряд российских антропологов отмечают, что политикой категоризации и признания во многом предопределяется наличие большого числа конкурирующих социальных ролей или регистров идентичности. Они вводят категорию регистров идентичности, определяя в качестве таковых возрастные, гендерные, культурные, языковые, конфессиональные, расовые, профессиональные, политические, досуговые идентификации индивида, которые находятся в постоянном взаимодействии и наложении, отмечая также, что данная проблематика является наименее изученной областью в исследованиях идентичности¹⁴². Исследователи все чаще пишут о нахождении идентичностей в «символическом пространстве». В этом смысле, опосредованные коллективные политические идентичности могут быть укоренены в «символическом пространстве», не обязательно ограниченном традиционными

---

¹³⁹ Фадеева Л.А. Сквозь призму политической культуры: нация, класс, регион / Л. А. Фадеева. – Пермь, 2006. С. 46.

¹⁴⁰ Семененко И.С. Политика идентичности и политическая идентичность... С. 7.

¹⁴¹ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии... С. 135.

¹⁴² Свой и чужие... С. 36.

национальными границами или политическими институтами, а скорее социально расположены в общих региональных, культурных, языковых или религиозных контекстах¹⁴³. Если «символическое расположение» нашей идентичности меняется, тогда значимость конкретной социальной идентичности может измениться относительно других конкурирующих социальных идентичностей¹⁴⁴. Коллектив исследователей под руководством И. Д. Звягельской подчеркивает, что идентичность любого полиэтнического государства представляет собой конструкт из множества племенных, этнических, культурных, религиозных, языковых и прочих идентичностей. Уровни такого конструкта могут существовать обособленно, а могут накладываться друг на друга, образуя меньшие структурообразующие конструкты¹⁴⁵. Наконец, как отмечает И. С. Семененко, мультикультурная модель, как и модель абсолютизации одного из компонентов идентичности в поликультурном обществе – не справляются с задачей гармонизации различных конфликтующих компонентов идентичности, в то же время формирование механизмов, способствующих такой гармонизации – жизненно важная задача для современных демократий¹⁴⁶.

1.3. Современные тенденции идентификационных трансформаций в международных отношениях: пространственный, информационный и ценностный факторы

Как уже было отмечено, идентичность находится под воздействием множества тенденций, наблюдаемых в различных областях социально-политической жизни. Известно, что особую роль в эволюции идентичности сыграла глобализация. Этот процесс, характеризующийся стиранием границ между национальными государствами и их гражданами, усилением и развитием

---

¹⁴³ Nisbet E. C., Teresa A. M. Challenging the State: Transnational TV and Political Identity in the Middle East // Political Communication. 2010. № 27. P. 350.

¹⁴⁴ Meyrowitz J. No sense of place / J. Meyrowitz. New York: Oxford University Press, 1985. P. 219.

¹⁴⁵ Ближний Восток: Политика и идентичность : Коллективная монография... С. 221.

¹⁴⁶ Семененко И.С. Политика идентичности и политическая идентичность... С. 22.

межгосударственных и межнациональных связей помимо прочего ослабил влияние национальных государств в системе международных отношений. Именно глобализация раньше других современных мега-трендов способствовала преобразованию и, главным образом, значительному концептуальному и идеологическому истощению понятий «нации» и «национальной идентичности»¹⁴⁷. Это способствовало образованию международных организаций, различного уровня и назначения (ООН, ОБСЕ, ОПЕК), интеграционных, наднациональных и транснациональных объединений разной степени взаимозависимости (ЕС, БРИКС, ОИС). Как известно, глобализация – объединение, в первую очередь, экономик, которая, однако, быстро вышла за пределы экономических отношений, начиная оказывать воздействие на идентификационные конструкты. Глобализация является возможной благодаря ряду факторов, таких как высокий уровень развития коммуникационных технологий, позволяющий осуществлять быстрый обмен информацией на разных концах планеты, специализации регионов и, что особенно важно в контексте данного исследования, приведению внутривнутриполитических курсов, культурных и социальных норм к общему знаменателю – знаменателю глобализации. Глобализация также значительным образом расширяет зону действия социальных сетей. Параллельно с индивидуализацией общества социальные сети трансформируют процессы формирования идентичности. Небольшое число глубоких, крепко сформированных отношений заменяются множеством поверхностных контактов¹⁴⁸. Малые стабильные локальные сообщества, объединявшие индивидов многочисленными связующими компонентами: родство, дружба, работа, вера и взаимная забота исчезают. По мнению ряда исследователей эти связи сохраняют свою значимость для индивида, но все больше отделяются друг от друга. Динамика современного общественного пространства позволяет индивиду принимать решение – с кем и какую форму связи он имеет. Эти индивидуалистические социальные коммуникации слабее и

---

¹⁴⁷ Государство, право, общество в условиях глобализирующегося мира / отв. ред. Захаров А.В. - М.: Проспект, 2017. С. 276.

¹⁴⁸ Bauman Z. Identity: Conversations with Benedetto Vecchi. Oxford, England: Polity Press, 2004. P. 69.

динамичнее. Стабильные коллективные сети расщепляются на множество переменчивых индивидуальных сетей. Индивидуальный выбор является определяющим в формировании социальных сетей больше, чем коллективные договоренности и пространственная близость¹⁴⁹. Имеет место «сжижение» социальных рамок и институтов. Стабильные коллективные идентичности заменяются «текучими», временными, самостоятельно избранными идентичностями¹⁵⁰.

Ввиду увеличивающегося влияния глобализационных процессов на региональную международную повестку и систему международных отношений в целом, можно констатировать очевидный кризис концепта государства-нации в существующей системе международных отношений, что, в свою очередь, способствовало развитию кризиса национально-государственной идентичности, а именно ее определяющей, мобилизующей и регулирующих функций. Стабилизация одного невозможна без нормализации положения другого или требуется их трансформация и адаптация под реалии современных международных отношений. По мнению Т.А. Юдиной на современном этапе мы можем быть свидетелями пересмотра самого понятия национальная идентичность. Данные процессы сопровождаются добавлением и исчезновением некоторых необходимых ранее параметров, также происходит трансформация объема понятия¹⁵¹.

Формирование Ялтинско-Потсдамской ООН-центричной системы международных отношений происходило в момент существования в мире 51 государства. Дальнейший рост числа государств до 193 на настоящий момент (что также может оспариваться и подтверждать таким образом актуализацию вопросов национального самоопределения и идентичности) обусловил функциональное ослабление национальной идентичности, кроме того, усугубляющим фактором является проблема непризнанных государств, наличие территориально-

---

¹⁴⁹ Terlouw K. From thick to thin regional identities... P. 709.

¹⁵⁰ Ibid.

¹⁵¹ Юдина Т.А. Есть ли шанс появления европейской нации в современной Европе? // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12, № 3, ч. 1. С. 223

государственных споров практически во всех регионах (Израиль-Палестина, Китай-Тайвань, Сербия-Косово, Армения-Азербайджан, КНДР-Южная Корея и др.). Период доминирования национальных государств в системе МО сопровождался доминированием национальной идентичности в комплексе индивидуальных самоопределений. На базе национальной идентичности осуществлялся выбор «своего» и «чужого». Одной из черт существующей системы международных отношений в свою очередь является рост числа негосударственных акторов, транснациональных и постнациональных привязанностей. Данная тенденция обуславливает активизацию и усиливающуюся значимость ненациональных идентификаций, причем подобные процессы носят глобальный характер. Определяющую роль здесь также играют транснациональные и лишенные каких-либо «физических» границ (за исключением, возможно, языкового барьера) источники информации. Иными словами, в условиях, когда институт национального государства и соответствующая национальная информационная повестка утрачивают монополию на абсолютное и бескомпромиссное определение своего/чужого, допустимого/недопустимого, легитимного/нелегитимного, нравственный выбор и выбор поведенческих моделей осуществляется на основе других идентичностей. Однако и этот выбор редко происходит бесконфликтно. Можно говорить о закономерности трансформации миропорядка – ослабление национальных государств – ослабление национальных идентичностей – конфликт (столкновение) идентичностей, заключающийся в конфликте сформированных, но теряющих актуальность идентичностей с одной стороны и новых, но не до конца принятых и институционализированных в политических сообществах с другой¹⁵². Особенность политического пространства, в котором существуют и развиваются идентичности на современном этапе заключается в том, что значительная часть распространенных политических, общественных и культурных институтов выходит за рамки национальных государств, а также представляет собой

---

¹⁵² Lebow R.N. The politics and ethics of identity: In search of ourselves. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2012. P. 270.

политизированные социальные и культурные идентичности. Как следствие, одна из заметных тенденций – усиление различного рода транснациональных идентичностей, которое отмечается фактически во всех регионах с определенной спецификой. Региональная специфика чаще всего заключается в особенностях взаимодействия политического и культурного измерений идентичности. В начале 2000-х годов С. Хантингтон писал, что на национальную гордость «нападают интеллектуалы и выдающиеся ученые», призывающие «искоренить зло национальной идентичности», выделяя регионализацию политического пространства в качестве одной из обсуждаемых тенденций глобального политического развития¹⁵³. Значительно ближе хронологически и концептуально к реалиям современного мира и существованию в нем идентичности выводы И. С. Семененко, которая отмечает укрепление транснациональных и наднациональных объединений в качестве акторов политического процесса, что в свою очередь способствует росту значения и политической активности регионов в составе государства и выходу региональной идентичности в разряд ключевой в политической и социокультурной динамике современного мира¹⁵⁴. Во избежание терминологической путаницы, необходимо отметить, что сложность определения понятия регион способствовала существованию различных подходов к определению региональной идентичности. Например, Е. Б. Михайленко и В. И. Михайленко выделяют в качестве наиболее распространенных – политический, географический, страноведческий и экономический подходы¹⁵⁵. Также понимание регионального зависит от точки зрения субъекта даже в международных документах. Так, в Хартии Европейского союза об основных правах, под регионом понимается часть государства-члена ЕС. В Хартии говорится об уважении национальной индивидуальности «на национальном, региональном и местном уровне», что органично вписывается в институциональную структуру

¹⁵³ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской идентичности... С. 28.

¹⁵⁴ Семененко И.С. Политика идентичности и политическая идентичность... С. 10.

¹⁵⁵ Михайленко, Е. Б. Внешняя региональная политика Европейского союза. Европейский интеррегионализм: монография. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2019. С. 13.

интеграционного объединения, состоящего из национальных государств, которое само по себе находится в одном из мировых регионов (Европе)¹⁵⁶. Далее можно обратиться к примеру глобальной международной организации – ООН и ее Уставу, где довольно часто встречающаяся категория региона подразумевает его транснациональное значение, поскольку речь идет о «региональных соглашениях», «региональных органах», «региональных комитетах»¹⁵⁷. Говоря о региональной власти в классическом «Столкновении цивилизаций», С. Хантингтон имеет виду доминирование стержневых государств внутри цивилизационных регионов¹⁵⁸. Таким образом, можно заключить, что интерпретация региона нередко зависит от методологии конкретного автора и функционального пространства международного института. В данном исследовании региональность и региональная идентичность указывается с уточнением - локальная региональная (внутригосударственная) или региональная транснациональная.

К. Терлоу говорит об усложнении четкого определения регионов с сформированными идентичностями в условиях взаимозависимого и динамичного миропорядка. Однако, это сопровождается, по сути, обратным процессом – ростом значимости регионального политического измерения и, как следствие, региональной автономии, а также возникновением новых форм регионального взаимодействия¹⁵⁹. Появляются новые формы отношений между различными уровнями политического управления, не только в контексте административной иерархии, но также новые формы сотрудничества в вопросах взаимодействия с негосударственными акторами. Меняющиеся вертикальные отношения и растущие горизонтальные связи способствуют формированию новых политических пространств и новых, неустоявшихся форм государственности¹⁶⁰.

¹⁵⁶ Хартия Европейского Союза об основных правах: принята в г. Страсбурге 12.12.2007. Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс». (дата обращения 12.10.2017).

¹⁵⁷ Устав ООН (полный текст) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>. (дата обращения 12.10.2022).

¹⁵⁸ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций... С. 259.

¹⁵⁹ Terlouw K. From thick to thin regional identities... P. 707.

¹⁶⁰ Ibid. P. 708.

А. Пааси говорит о взаимодействии четырех базовых форм регионов и представляет понятную и широко используемую модель для анализа продолжительных процессов формирования региональных идентичностей. По мнению А. Пааси территория является одной из наиболее осязаемых характеристик региона (политического пространства, пространства идентичности). Она включает его границы и историю формирования этих границ. Физические региональные характеристики, например традиции использования территории. Региональные стереотипы (особенности), основанные на территории и, особенно, на характеристиках населения являются естественным источником символического оформления региона. Эти характеристики региона являются символично-ценностным обрамлением и формируют региональную идентичность в сознании людей. Пааси подчеркивает, что институционализация регионального символического пространства не хаотичный, а довольно организованный процесс. Государство и гражданское общество последовательно транслируют региональную идентичность через образовательные институты и СМИ. Как и политическая администрация, управляющая территорией – это часть институционального оформления. Функциональное оформление заключается в сформировавшихся ролях региона на уровне больших систем. Они включают, в частности, экономические связи с соседними регионами или его место в национальной административной иерархии. Эти четыре формы, соединяясь воедино, укрепляют друг друга и создают институционализированные регионы с крепкой региональной идентичностью¹⁶¹. В качестве все более заметных в мировой политике транснациональных региональных идентичностей можно определить также чрезвычайно актуальную и требующую особого внимания цивилизационную идентичность. По мнению ряда исследователей национальное государство как главный элемент системы международных отношений в классическую эпоху, в эпоху глобализации сменяется на цивилизацию, которая становится главным субъектом мирового политического процесса¹⁶². С. Хантингтон уже в конце XX

¹⁶¹ Terlouw K. From thick to thin regional identities... P. 709.

¹⁶² Информация. дипломатия. Психология / Отв. ред. Ю.Б. Кашелев. М.: Известия, 2002. С. 65

века подчеркивал, что, по его мнению, в мире сложится либо порядок цивилизаций, либо вообще никакого¹⁶³. Наконец, следует упомянуть, что особая — цивилизационная роль России закреплена в актуальной Концепции внешней политики РФ от 31 марта 2023 года¹⁶⁴.

Таким образом, сохраняет особое значение фактор территории. Территориальная идентичность может выделяться как компонент идентификаций более высокого уровня, так и в качестве самостоятельной привязанности. Д. Э. Фоссум подчеркивает, что, например, в европейском регионе помимо вертикальной иерархии идентичностей необходимо рассматривать также горизонтальные связи идентичностей, основанных и не основанных на территории, соревнующихся друг с другом¹⁶⁵. Российские антропологи подчеркивают, что «даже если противостояние сообществ имеет культурные основания, оно все равно вписывается в борьбу за присвоение, сохранение и иногда расширение территории, понимаемой как священная для сообщества — национального, местного или «цивилизационного»»¹⁶⁶. Манифестации данного процесса наблюдаются на международном уровне (буферные зоны, становящиеся зонами конфликтов; неприятие «чужаков»; появление Исламского государства; китайский экспансионизм; Россия, ощущающая себя находящейся в кольце врагов). На уровне национальных государств примером служит рост национализма евроскептиков, конфликты с участием национальных меньшинств в многонациональных странах. На локальном уровне исследователи говорят о росте региональных национализмов, а также о стремлении поставить под вопрос некоторые границы в Европе, на Ближнем Востоке и в России, воспринимаемые как нелегитимные. И даже более показательным может быть пример культурно-территориального разделения на

---

¹⁶³ Столкновение цивилизаций... С. 259

¹⁶⁴ Концепция внешней политики РФ (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>. (дата обращения 07.05.2023)

¹⁶⁵ Fossum J.E. Identity-politics in the European Union // Journal of European Integration. 2001. Vol. 23 (4). P. 376.

¹⁶⁶ Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / В. В. Амелин, Я. Беван, Е. Веттер и др.; Под ред. Е. И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия. Телеком, 2018. С. 56.

микролокальном уровне - дезинтеграция окраинных кварталов или неблагополучных районов в центральной части крупных городов — «inner cities», где сконцентрированы иммигранты, во Франции, Великобритании или США¹⁶⁷. Ряд специалистов считает территориализацию идентичностей, реальных и воображаемых, основной проблемой современного мира. Территориализация способствует столкновению культур, порождает соперничества и противостояния, поскольку очерчивает символические и реальные границы, препятствуя естественной коммуникации идентичностей¹⁶⁸. Под территориализацией следует понимать создание прочных (возможно неразрывных) символических связей между территорией и другими компонентами идентичности. Территориализация естественна и сравнительно безопасна, когда речь идет о национальных и этнических идентичностях, в исторически сложившихся и документально закреплённых границах, в то же время, территориализация чрезвычайно конфликтогенный фактор в рамках территориальных споров.

Исследуя региональные идентичности в рамках пространственного подхода, К. Терлоу говорит об использовании идеологий, фокусирующихся на общих интересах региональных сообществ в рамках территории. Интересы регионального сообщества преподносятся как более важные, чем проблемы на национально-государственном уровне, что способствует мобилизации региональной территориальной идентичности¹⁶⁹. Т. Блокланд отмечает, что проживание на одной территории делает представителей сообщества взаимозависимыми и заинтересованными в качестве жизни¹⁷⁰. В то же время, можно оспорить подобные утверждения, поскольку серьезное влияние оказывает исторически сложившийся федеративный/унитарный характер конкретной государственности. Так или иначе, подчеркивается значимость территории и связанность фактора территории с факторами благополучия, удобства, развития. Однако в современных

---

¹⁶⁷ Свой и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы... С. 56.

¹⁶⁸ Там же... С. 58.

¹⁶⁹ Terlouw K. From thick to thin regional identities? // GeoJournal. - 2012. - Vol. 77. - № 5. - P. 708.

¹⁷⁰ Ibid.

международных отношениях территория все чаще принимает символическое значение, являясь неотъемлемым компонентом коллективной идентичности. Подобная трансформация территориально-пространственного фактора отчетливо наблюдается на примере мигрантов как интернациональных, так и внутри государств. В случае отсутствия на ассоциирующей с тем или иным сообществом территории родственников, близких сохраняется исключительно культурный смысл, который легко трансформируется в политический. Примечательно, что мобилизуется идентичность и мигрантов во втором и последующих поколениях. Если в случае людей, непосредственно покинувших символическое пространство можно говорить о связях с прошлым, воспоминаниями и опытом (согласно Ф. Фукуяме), то в случае мигрантов, рожденных в другой стране, мобилизуется действительно этнокультурный ресурс идентичности, где территориально-пространственный фактор сохраняет свое символическое значение.

И.С. Семененко говорит о детерриториализации идентичностей под воздействием глобализации, формирования структуры глобального гражданского общества, сетевых сообществ¹⁷¹. В условиях отсутствия (или вынужденного разрыва) связи сообщества с территорией, оно обращается к другим смысловым опорам идентичности. Таким образом, детерриториализация является одним из факторов становления ценностей в качестве основы идентичностей. В работах И. Д. Звягельской, посвященных изучению особенностей идентификационных трансформаций в Ближневосточном регионе анализируется фактор территории. Так конфликт Израиля и Палестины определяется как борьба не только за территорию, но и за ее символическое содержание – историю, мифы, идентичность¹⁷². В то же время, ряд исследователей отмечает, что процесс детерриториализации идентичности «возможен лишь при условии, что эта идентичность достаточно уверена в себе, умиротворена, признана, а на ее «идеальную территорию» никто не покушается». Под «идеальной» понимается

¹⁷¹ Семененко И.С. Политика идентичности и политическая идентичность... С. 9.

¹⁷² Звягельская, И. Д. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 116.

территория с исторически обоснованными границами, а также культурными атрибутами - традициями, семейными преданиями, коллективной памятью племени или общины, которые не подлежат сомнениям и обсуждению¹⁷³. Однако в дальнейшем мы затронем проблему идентичностей, изначально не привязанных к территории. Согласно исследованиям специалистов в области когнитивных процессов и когнитивной психологии в долговременной памяти человека сохраняются такие блоки информации, как пространственная модель окружающего мира, включающая символные структуры, отражающие образ дома. Подобными структурами может быть непосредственно дом, город, страна и даже планета. Кроме того, наряду с общими знаниями о физических законах, свойствах объектов, сохраняются убеждения и взгляды, в отношении себя самого и других людей, а также модели поведения для конкретных социальных ситуаций, ценности и социальные цели¹⁷⁴. Также специалисты в области когнитивной психологии подчеркивают, что человеку свойственно геоцентрическое представление о вселенной. Первые ученые полагали, что Земля является центром Вселенной, дети помещают свой дом, окруженный ближайшими окрестностями, городом, штатом и страной в центр своего символического мира. Подобные эгоцентрические представления о пространстве обеспечивают эмоциональный комфорт. Ряд исследователей утверждает, что карты, кроме отражения объективных реалий мира в некоторой степени служат субъективной интерпретаций представлений человека о мире, пространстве¹⁷⁵. Подобные характеристики сознания оказывают серьезное воздействие на формирование идентичности и приобретают практический социально-политический смысл. Примечательно исследование, проведенное в конце прошлого века, в рамках которого студенты из 49 стран, изучающие географию, получали задание нарисовать карту мира. Большинство карт отражало европоцентристскую точку зрения, даже если человек, рисовавший карту, был родом из другого региона, например Гонконга, Сингапура и Таиланда¹⁷⁶. Другим

---

¹⁷³ Свой и чужие... С. 65

¹⁷⁴ Когнитивная психология... С. 246.

¹⁷⁵ Когнитивная психология... С. 348.

¹⁷⁶ Когнитивная психология... С. 350.

примером ценностно-символического восприятия пространства и пространственных идентичностей можно считать устойчивую модель интерпретации современных международных отношений — географический конфликт Запада и Востока, концепцию глобального Севера и Юга¹⁷⁷.

К. Терлоу пишет, что отношение идентичности и пространства (территории), которое никогда не было однозначным, сегодня усложняется ввиду индивидуализации, миграций, экономических изменений и политического масштабирования¹⁷⁸. Территория сама по себе — политический, экономический ресурс, для исторического закрепления которого необходимы инструменты культурной коммуникации. И. Ю. Окунев подчеркивает, что не только объективные факторы определяют пространственный аспект политических процессов, а также, пространство влияет на политику через субъективные и нередко искаженные представления, сформированные человеком¹⁷⁹. То есть с учетом идентичности, транслируемой представителями сообщества, занимающего пространство, а также с учетом внешнего представления об этой идентичности и сообществе. Возникающие в связи с природными территориальными особенностями культурные конструкты — мифы, ценности формируют идентичность, закрепляющуюся за сообществами, населяющими территорию. Таким образом территория становится определяющим компонентом идентичности, без которой сформированные мифы и ценности не имеют смысла. Поэтому, даже в случае миграций сообщество сохраняет ценности и символическую привязку к конкретной территории. Фактор территории один из ключевых факторов, мобилизующих идентичность в случае угрозы. Г. Г. Косач приводит мнение ближневосточного исследователя - «национальный дух нуждается в четко

---

¹⁷⁷ Окунев И. Ю. Запад/неЗапад: кривое зеркало мировой политики [Электронный ресурс] // РСМД. 2019. 21 марта. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-nezapad-krivoe-zerkalo-mirovoy-politiki/> (дата обращения 13.02.2022).

¹⁷⁸ Terlouw K. From thick to thin regional identities... P. 710.

¹⁷⁹ Окунев И. Ю. Запад/неЗапад: кривое зеркало мировой политики [Электронный ресурс] // РСМД. 2019. 21 марта. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-nezapad-krivoe-zerkalo-mirovoy-politiki/> (дата обращения 13.02.2022).

очерченном географическом отечестве»¹⁸⁰. Как политизируется территориальный компонент этнической идентичности, в случае атаки извне? Компонент территории коррелирует с родом, семьей, что занимает главенствующую позицию в иерархии привязанностей. Однако, защищая территорию, индивид защищает также государство, режим - политическую идентичность. В качестве актуального примера можно вспомнить мобилизацию национальной идентичности армян по всему миру, активно выступающих на стороне Еревана в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта¹⁸¹. Речь идет в том числе о поколениях мигрантов, родившихся уже за пределами Армении, но сплотившихся и однозначно защищающих символическую территорию национальной идентичности. Самюэль Хантингтон в работе «Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности» подчеркивает корреляцию между укреплением национальной идентичности, ощущением национальной принадлежности и внешней угрозой ее политическому воплощению – национальному государству. В случае опасности человек и общество обращается к национальной, этнической, территориальной идентичности, как к наиболее привычным и сформированным привязанностям. С. Хантингтон утверждает, что ощущение национальной идентичности нарастает и ослабевает под влиянием внешней угрозы, а ее сущность в свою очередь меньше подвержена колебаниям, ввиду долгого формирования¹⁸². Некоторые исследователи отмечают неиерархичность современных систем идентичности, характеризующуюся слабо организованным порядком ориентиров и предпочтений¹⁸³. Однако можно заключить, что ключевым фактором, выстраивающим временную иерархию и актуализирующим конкретные идентичности является угроза существованию сообщества. На данный момент,

---

¹⁸⁰ Косач Г. Г. Арабский мир как феномен Структура и идентичность региона // Свободная мысль. 2021. № 6(1690). С. 61.

¹⁸¹ Армяне Ливана организовали акцию в поддержку Арцаха [Электронный ресурс] // Panorama.am. 2023. 26 Января. URL: <https://www.panorama.am/ru/news/2023/01/26/%D0%90%D1%80%D0%BC%D1%8F%D0%BD%D0%B5-%D0%9B%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD-%D0%90%D1%80%D1%86%D0%B0%D1%85/2786228>. (дата обращения 14.03.2023).

¹⁸² Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской идентичности... С. 30.

¹⁸³ Семененко И.С. Политика идентичности и политическая идентичность... С. 14.

несмотря на активный рост влияния транснациональных и ненациональных идентификаций, в обществе не существует правовых, концептуальных или институциональных основ, которые бы позволили выстраивать общественно-политическое взаимодействие без национальных идентичностей. В дальнейшем также будет рассматриваться противоположный процесс детерриториализации идентичностей, то есть, формированию устойчивых связей и сообществ, на основе различных ценностей, не включающих территорию, однако также конфликтующих друг с другом, посягая на смысловые и ценностные границы. Тем не менее, выход медиа за рамки национального дискурса способствовал выходу множества идентификационных привязанностей за рамки территориальной привязанностей и национальной идентичности. «Электронные СМИ начинают подавлять групповую идентичность на основе «совместного присутствия» и создают множество новых форм доступа и самоопределения, которые имеют мало общего с физическим местонахождением» — пишет Дж. Мейровиц¹⁸⁴. Электронные СМИ деконструируют границы идентичностей, смешивая их, создавая новые. Другими словами, электронные СМИ, такие как телевидение, могут стать «символическим пространством», в котором люди формируют свою коллективную политическую идентичность, в нынешнее время, совершенно неограниченную национальным контекстом. Стоит ли говорить о том, что данная особенность, приписываемая изначально телевидению, представлена в гораздо более совершенном виде на современных цифровых платформах. Кроме того, эти «символически размещенные» идентичности могут быть изменчивыми или, выражаясь более предметно, менее устойчивыми и стабильными¹⁸⁵. Конструирование идентичности на основе совместного присутствия в цифровом пространстве путем выявления общих ценностей, взглядов и предпочтений — универсальная тенденция, наблюдаемая в глобальном масштабе. В любой момент времени у нас есть множество конкурирующих социальных «Я», сформированных на основе общих

¹⁸⁴ Meyrowitz J. No sense of place. NY: Oxford University Press, 1985. P. 213

¹⁸⁵ Nisbet E. C., Teresa A. M. Challenging the State: Transnational TV and Political Identity in the Middle East... P. 349.

социальных, политических, культурных и географических атрибутов — и если «символическое расположение» нашей идентичности меняется, тогда значимость конкретной социальной идентичности может измениться относительно других конкурирующих социальных идентичностей¹⁸⁶. В этом смысле, опосредованные коллективные политические идентичности могут быть укоренены в «символическом пространстве», не обязательно ограниченном традиционными национальными границами или политическими институтами, а скорее социально расположены в общих региональных, культурных, языковых или религиозных контекстах¹⁸⁷.

Далее необходимо подробнее рассмотреть роль информационного пространства в современных трансформациях идентичности. Современное глобализированное информационное пространство способствует детерриториализации политических идентичностей. Политическая идентификация в категориях за/против осуществляется вне пространственных категорий, например, жители Европы активно поддерживают протесты женщин в Иране¹⁸⁸. Кроме того, турбулентность в общественно-политической сфере, переизбыток информации способствуют усилению внутренней, личностной политической неопределенности. Иными словами, избыточное число проблем, требующих решений в категориях «за» и «против» (т.е. идентификации) само по себе усложняет социальные коммуникации, не говоря о том, что любые принятые решения могут вступать в конфликт с другими идентификациями. Здесь следует обратиться к роли информационного пространства и к концепции «информационного пузыря». Социо-политический выбор в категориях свой/чужой осуществляется на основе информации, полученной из цифровых источников с применением современных алгоритмов, фокусирующих внимание человека на том,

---

¹⁸⁶ Meyrowitz J. No sense of place... P. 213.

¹⁸⁷ Nisbet E. C., Teresa A. M. Challenging the State: Transnational TV and Political Identity in the Middle East... P. 349.

¹⁸⁸ Barnes-Dacey J. Three ways European governments can support Iranian protesters [Электронный ресурс] // ECFR. URL: <https://ecfr.eu/article/three-ways-european-governments-can-support-iranian-protesters/> (дата обращения: 15.03.2023).

что интересно ему или структурам, управляющим этими алгоритмами. Возникает замкнутый круг – самоопределение – формирование идентичности – попадание в «информационный пузырь» (ограниченный круг источников) – укрепляющееся самоопределение. Не секрет, что подобное самоопределение может иметь опасный, радикализирующий характер. В. Г. Соколенко уже в 2002 году писал о первичности анализа цивилизационно-культурологического генезиса глобальных информационных сетей. На основе цивилизационно-культурных особенностей, по его мнению, выявляется политическая сущность региональных информационных пространств, что в свою очередь определяет политическую ориентацию и общественное поведение человеческих сообществ – от партии или общественного движения до этноса, национального государства, цивилизации и глобального сообщества¹⁸⁹. В целом, О. Ю. Малинова говорит о становлении коммуникации фактически самостоятельной формой политической деятельности¹⁹⁰.

В начале XXI века исследователи писали о глобальных информационных сетях и о доминировании «атлантизма» (преимущественный контроль евро-атлантических держав) в управлении этими сетями¹⁹¹. Мировой политический контекст, неоспоримое преимущество в уровне технологического развития, культурное доминирование обуславливали данную цивилизационную информационную гегемонию, однако можно заключить, что абсолютный контроль над динамично развивающимся информационным пространством оказался непосильной задачей. Развитие региональных и национальных сетевых пространств, в особенности в региональных и глобальных державах (социальные сети в России, Китае, Иране, Турции), выстраивание новых типов архитектуры информационного обмена адаптировалось под региональный социальный, политический и культурный контекст, что под комплексным воздействием глобализации и глокализации определило развитие транснациональных

---

¹⁸⁹ Информация. дипломатия. Психология... С. 51.

¹⁹⁰ Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики... С. 287.

¹⁹¹ Информация. дипломатия. Психология... С. 65

информационных идентичностей. Необходимо подчеркнуть, что речь идет о транснациональном характере идентификации, вне региональных рамок, иными словами, транснациональные идентичности могут выстраиваться как между соседствующими национальными, так максимально отдаленными в географическом отношении. Мир можно условно поделить на три больших социально-экономических блока: Китай контролируется корпорацией Tencent, аффилированной с правительством КНР, с сетями WeChat/Weixin. На постсоветском пространстве доминирует Мегафон с социальной сетью ВКонтакте, также, напрямую связанные с государством. В остальном мире доминируют сети платформы Meta (платформа признана экстремистской в РФ)¹⁹². Эти информационные источники являются трансляторами ценностей, которые интерпретируют реальность и, следовательно, формируют идентичности, стремительно набирающие вес в современных международных отношениях и мировой политике.

Колоссальное влияние на все сферы жизни оказала (и продолжает оказывать) пандемия COVID-19. В контексте данного исследования, пандемия безусловно рассматривается как катализатор общественно-политических трансформаций, затронувших и пространство идентичности. Как отмечает Е. В. Хахалкина, удар, нанесенный пандемией по базовым уже укоренившимся принципам глобализации (свободе перемещения и торговли), будет иметь долгоиграющий эффект, отражаясь в торгово-экономической и иммиграционной сферах¹⁹³. Можно утверждать, что вынужденное усиление регионализации и даже национализации (деглобализации) экономического и политического пространств, обусловленное пандемией, в некотором смысле, показало политическим акторам возможность сосуществовать в условиях меньшей взаимозависимости, что в контексте предыдущих вызовов (миграционные кризисы, этнополитические конфликты)

¹⁹² World Map of Social Networks [Электронный ресурс] // Alexa/Similar Web. URL: <https://vincos.it/world-map-of-social-networks/> (дата обращения 17.08.2023)

¹⁹³ Хахалкина, Е. В. ЕС в современном мире: проблемы региональной политики и внешнеполитической идентичности / Е. В. Хахалкина // Современная Европа. 2020. № 5(98). С. 204.

усугубляет проблему идентичности. Беспрецедентный для последних лет разрыв годами выстраиваемых связей, интеграционных институтов стал свидетельством существования альтернативных путей, в особенности для акторов, стремившихся пересмотреть мировой порядок и уверенных в неизбежности глобализации. С другой стороны, пандемия как никогда актуализировала значимость информационного (в том числе транснационального) пространства. Во-первых, транснациональные источники информации остались во многом единственной, ключевой связью между представителями различных национальных сообществ. Во-вторых, кризис и общая неопределенность, способствовали укреплению манипулятивной компоненты информационного воздействия, став также важнейшим внешнеполитическим инструментом в условиях сохранившихся и вновь возникающих конфликтов. В этом контексте Е. В. Хахалкина говорит о роли торговой войны между Китаем и США, которая способствует дальнейшей регионализации («ускоренному отступлению от глобализации») и формированию полуавтономных региональных блоков - Китай и его государства-клиенты, Европа, а также Северная и Южная Америка¹⁹⁴. Подобные процессы, в контексте региональной транснационализации информационных пространств, вносят свой вклад в формирование и укрепление транснациональных экономических и региональных цивилизационных идентичностей. Ряд специалистов считает, неизбежным регионализацию цепочек поставок, а также растущую значимость цифрового пространства, трансграничных потоков данных¹⁹⁵.

Ослабление национального государства, как ключевого актора системы международных отношений медленно, но неизбежно влечет за собой ослабление нации, как ключевого, стержневого идентифицируемого сообщества глобального мира. В связи с этим, теряется объединяющий и определяющий потенциал национальной идентичности. Например, приверженность «Запада» единым либерально-демократическим взглядам формирует у членов этого сообщества

---

¹⁹⁴ Хахалкина Е. В. ЕС в современном мире... С. 204.

¹⁹⁵ Там же. С. 211.

ощущение собственной, особенной транснациональной и трансрегиональной коллективной идентичности. В российском общественном дискурсе данная идентичность существует в рамках емкой, но в тоже время слабо определенной категории «коллективный Запад». Данный пример, помимо прочего, примечателен тем, что в нем наблюдается сходство двух функций идентичности, определяющих сообщество внутри него и за его пределами. Распространение по миру либерально-демократической модели развития как универсальной и заведомо эффективной создало парадокс, заключающийся в природе самой идентичности. В каждом конкретном сообществе, на пересечении национального, регионального, этнополитического контекста рождается новый тип этой модели. Иными словами, сообщество не всегда готово принять новый социально-политический контекст, не пропустив его через существующие нормы и устои. Проблема неуниверсальности западных ценностей и экспорта демократии наиболее ярко проявилась в Ближневосточном регионе, затронув в том числе поле идентичности.

Идентичность, изначально считавшаяся исключительно характеристикой личности в связи с активной борьбой представителей некогда маргинализированных групп (женщины, национальные и расовые меньшинства и др.) за признание этой идентичности, стала характеристикой группы – с собственной культурой, в основе которой лежит их общий жизненный опыт – нечто похожее на общую историю, которая когда-то служила основой образования наций и формирования национальной идентичности. Либерально-демократические ценности западной цивилизации способствовали формированию глобальной доктрины «поддержания угнетенного», таким образом, основой формирующихся идентичностей становится не просто общая история, а общие переживания, а переживания, в отличие от истории, могут объединять людей вне географических и даже временных рамок¹⁹⁶. Политизация прошлого и превращение его в ресурс политической борьбы в настоящем – одна из глобальных тенденций и инструментов политики идентичности. Причиной этому по мнению

---

¹⁹⁶ Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия... С. 77.

исследователей служит мифологизированность и вариативность прошлого, возможность выбора интерпретации благоприятной для конкретного контекста. О. Ю. Малинова утверждает, что задачи элит концентрируются на использовании того, что можно назвать политически “пригодным” прошлым¹⁹⁷. Используются те исторические факты, мифы и символы, которые должны обосновать модели внешнеполитического поведения и создать ощущение безальтернативности этих моделей¹⁹⁸. События прошлого становятся символическим ресурсом, оказывающим серьезное влияние как на идентичности, так и на внешнюю политику. Достаточно вспомнить резонансный внешнеполитический процесс признания/непризнания геноцида Армян и заметное охлаждение отношений Турции и США после того, как Конгресс все же признал факт геноцида¹⁹⁹. В то же время политическая эксплуатация прошлого – не новый инструмент реализации политики, однако, в силу ограниченности информационных ресурсов его потенциал был долгое время сконцентрирован в руках власти и/или сравнительно узкого круга образованных людей. Информационное разнообразие сегодня позволяет политизировать прошлое всем и, что особенно важно, каждому по-своему. И. Д. Звягельская также подчеркивает, что символика прошлого эксплуатируется не только государствами. Она в той же степени становится инструментом и для негосударственных акторов, для которых важна идентичность и легитимизация через исторический миф²⁰⁰.

В этом контексте, возникает проблема поиска устойчивого фундамента для новых идентичностей. Таким фундаментом становится символическое пространство и непосредственно коллективные ценности. Ценностный базис

---

¹⁹⁷ Малинова О. Ю. Проблема политически "пригодного" прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2013. № 1. С. 117.

¹⁹⁸ Звягельская, И. Д. Символы и ценности в международных отношениях... С. 111.

¹⁹⁹ Affirming the United States record on the Armenian Genocide. Text - H.Res.296 [Электронный ресурс] // 116th Congress (2019-2020). 2019. October 29. Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-resolution/296/text>. (дата обращения 13.10.2021).

²⁰⁰ Звягельская, И. Д. Символы и ценности в международных отношениях... С. 113.

необходим для формирования любых идентичностей, поскольку ценности формулируют коллективные идеи и стремления. В.В. Лапкин, говоря о модернизации, как стимуляторе трансформаций идентичности, утверждает, что она сопровождается радикальным ценностным и культурным сломом²⁰¹. Особую роль ценностей подчеркивают и И.З. Герштейн и М.А. Казаков. Они определяют ценности и традиции в качестве фундамента практически всех существующих идентичностей. Также И.З. Герштейн и М.А. Казаков в своей работе комбинируют идею воздействия модернизации на трансформацию идентичности с основополагающей позицией ценностей, говоря о социокультурных изменениях, способствующих трансформации индивидуальных и массовых систем ценностных ориентаций, на основе которых в свою очередь формируется новый тип идентичности²⁰². Для динамичной и быстрой транспортировки ценностей, а также их принятию в сообществах с разными этнокультурными идентичностями необходимы символы. Здесь можно вспомнить уже упомянутую этносимволическую теорию Э. Д. Смита и идею «культурно-идеологических мифов», способствующих ощущению принадлежности к сообществу на основе ценностей и идеалов. Ю. Хабермас говорил об определяющей роли символов в формировании нации и национальной идентичности, отмечая, что только символическое оформление «народа» превращает современное государство в национальное государство²⁰³. Здесь речь идет о неотъемлемом компоненте дискурса о формировании идентичностей – символической политике, изучение которой, становится привычным для политической науки²⁰⁴. В. А. Ачкасов определяет ее как деятельность политических агентов с целью не рационального осмысления, а внушения смыслов²⁰⁵. Также стоит упомянуть теорию

---

²⁰¹ Лапкин, В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности... С. 55.

²⁰² Герштейн, И. З. Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология... С. 41.

²⁰³ Habermas J. The postnational constellation: Political essays / J. Habermas, editor M. Pensky, translator M. Pensky, London, England: MIT Press, 2015. P. 64

²⁰⁴ Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики... С. 286.

²⁰⁵ Ачкасов, В. А. "Политика памяти" как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. Т. 16, № 4. С. 112.

символического выбора Мюррея Эдельмана со взаимодействием категорий «миф-символ», где миф – разделяемое группой людей убеждение, а символ – ссылка на миф²⁰⁶. Язык – система символов, отсылающих к событию, явлению, обряду, сообществу, сегодня уже не только реальному, но и виртуальному, помимо прочего, служит инструментом трансляции групповых ценностей. По мнению О. Ю. Малиновой, реальность, где репрезентация событий в СМИ напрямую влияет на оценку событий обществом, превращает манипулирование символическими ресурсами в суррогат «реальной» политики²⁰⁷. Символические ресурсы повсеместно применяются для достижения различных политических целей – в том числе конструирования идентичностей. Френсис Фукуяма подчеркивал идентичность сегодня формируется на основе общего опыта, переживаний²⁰⁸. Очевидно, что данный опыт и переживания должны передаваться языком – символами, идеями, лозунгами. Ценности, выраженные в символах, являются неотъемлемым компонентом политического взаимодействия, без учета которого невозможно решение практических политических проблем. И здесь примером, являются современные транснациональные идентичности, а именно – общественные и политические движения: MeToo - идентифицирует противников сексуального насилия, B.L.M. - идентифицирует сторонников движения за права чернокожих, Brexit - идентифицирует сторонников существования Великобритании вне ЕС, Make America Great Again - идентифицирует сторонников Д. Трампа. И.С. Семененко отмечает, что политическая идентичность индивида закрепляется средствами символической политики, формируемой членами сообщества и включающей имиджи, знаки, ритуалы²⁰⁹. Ф. Фукуяма также утверждает, что фундамент идентичности сегодня все чаще не культура, нация, религия, а опыт, переживания, разделяемые представителями того или иного сообщества. Автором приводится интересная аналогия с немецкими глаголами «erfahren» и «erleben» - соответственно испытать и пережить, что, так или иначе

²⁰⁶ Ближний Восток: Политика и идентичность: Коллективная монография... С.111.

²⁰⁷ Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики... С. 287.

²⁰⁸ Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия... С. 170.

²⁰⁹ Семененко И.С. Политика идентичности и политическая идентичность... С. 8.

тесно коррелирует с политикой памяти. Политика идентичности вращается вокруг совместного опыта, переживаний, ценностей и именно эти объединяющие компоненты становятся основой для формирования сообществ, принадлежность к которым определяется за рамками этнического, национального происхождения и возможно даже политических взглядов. И. С. Семененко отмечает роль идеала и нравственного выбора в формировании политических идентификаций²¹⁰. Также по мнению И.С. Семененко в сообществах существуют базовые ценности, разделяемые его участниками. Базовые ценности опираются на соответствующие, признаваемые сообществом социальные и политико-правовые институты²¹¹. О. В. Попова подчеркивает, что важным компонентом матрицы политической идентичности является восприятие индивидом себя как члена определенного политического сообщества на основе общих политических ценностей и представлений. В этом контексте следует отметить уже упомянутую определяющую функцию идентичности, осуществляющую идентификацию на основе оппозиции «мы – они» или «свои – чужие». О. В. Попова пишет, что степень непохожести «другого» может быть разной в результате чего, формируется отношение в диапазоне от образа «иного» до «врага»²¹². Крайней формой подобного самоопределения можно считать так называемую «негативную идентичность». И.З. Герштейн под негативной национально-государственной идентичностью понимает определение и самоидентификацию государства и общества через отрицание принадлежности к другому государству и общности²¹³. Ряд исследователей подобным образом описывает явление этноцентризма, а именно восприятие элементов своей культуры, включающей различные нормы, социальные роли и ценности в качестве естественных и правильных, в то же время,

---

²¹⁰ Идентичность: Личность, общество, политика... С. 357.

²¹¹ Семененко И.С. Политика идентичности и политическая идентичность... С. 7.

²¹² Попова О. В. Модели идентичности политических акторов... С. 175.

²¹³ Герштейн, И. З. "Негативная" идентичность как фактор современного государствообразования (на примере Беларуси, Украины, ДНР и ЛНР) // *Via in tempore. История. Политология*. 2020. Т. 47, № 3. С. 631.

относясь к компонентам других культур как к неестественным и неправильным²¹⁴. Необходимо подчеркнуть, что формирование и существование негативной идентичности, разной степени концентрации необходимо, что подтверждается наличием известного образа значимого «Другого», относительно которого формируется самоопределение, а для осознания собственной самости, необходим объект противопоставления. В политическом измерении подобная тенденция усиливается, например, в случае, если между двумя сообществами существует исторический политический конфликт с притеснением одним сообществом другого. В условиях международно-политической напряженности политический выбор, становится основой, стартовой позицией развития, формирования и взаимодействия идентичностей. Идентичность «А» трактуется в первую очередь, как идентичность не «Б». Если для неконфликтного взаимодействия характерно представление «в другом сообществе преимущественно все хорошие, но, как и в любом другом, есть плохие». В условиях конфликта характерна политика исключений – «в другом сообществе, преимущественно все плохие, но есть и хорошие». В конце концов, под воздействием ценностно-ориентированной интерпретации идентичности, в международных отношениях подобный принцип нередко трансформируется в известное «враг моего врага – мой друг», то есть субъекты, поддерживающие или просто активно взаимодействующие с противоположной стороной конфликта становятся носителями ее символической идентичности. Кроме того, на примере транснациональных политических идентичностей можно говорить о развитии центризма ценностей – когда сообщество воспринимает свои ценности как универсальные, естественные и единственно верные.

Усиление объединяющей роли ценностей, по сути, способствует сепарации этнокультурного и гражданско-политического измерений идентичности, что в свою очередь является чертой, характерной для постнациональных

---

²¹⁴ Brewer M. B., Campbell D. T. Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence. Nashville, TN: John Wiley & Sons, 1976. 218 p.

трансформаций. Этнические (культурные) компоненты остаются в этническом измерении, позволяя индивиду ощущать и демонстрировать самобытность собственного этноса, в то же время политические компоненты функционируют в политическом измерении, осуществляя политический функционал гражданина – субъекта политического процесса. Однако возможен конфликт измерений, для которого подходит понятие «напряжение идентичности», введенное И.З. Герштейном. Под «напряжением» изначально понималась совокупность экономических, политических, социокультурных факторов, способствующих генезису нации на основе этнической идентичности²¹⁵. В целом можно говорить о «напряжении идентичности», как о комплексе триггеров, стимулирующих стремление одного измерения вмешаться в функционирование другого. Шведский исследователь идентичности Б. Строт довольно точно отметил, что в рамках стабильно сформированного сообщества не требуется концептуализация и осмысление идентичности, поскольку она просто существует сама по себе. Необходимость поиска или дополнительного провозглашения и манифестации идентичности указывает на то, что уже есть определенные проблемы в социальной и политической организации²¹⁶. М.М. Мchedлова и Д.Б. Казаринова считают, что вопросы идентичности сегодня воспринимаются также некритично, как вопросы веры, то есть между сообществами фактически отсутствует диалог, ввиду акцента на эмоциях и чувствах, которые нельзя оскорблять по правилам политкорректности. Как в радикальных религиозных спорах, в конфликтах на фоне идентичности цель оппонентов не понять и прийти к компромиссу, а убедить друг друга в собственной окончательной правоте²¹⁷.

Современные трансформации идентичностей, связанные с их детерриториализацией, ростом значимости транснациональных источников

²¹⁵ Герштейн, И. З. Национальная идентичность как фактор современного государствообразования... С. 34-39.

²¹⁶ Stråth B. Identity and social solidarity: an ignored connection. A historical perspective on the state of Europe and its nations // Nations and Nationalism. 2017. Vol. 23. № 2. P. 245.

²¹⁷ Мchedлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4. С. 21.

информации, усиливающимся влиянием цивилизационных идентификаций и становлением символов и ценностей в основе современных идентичностей можно рассматривать в контексте постнациональной теории. Постнационализм – сравнительно молодой термин в общественно-политической науке, во многом, также, обязан своим появлением успешным интеграционным процессам в Европе²¹⁸. Основной идеей постнационализма и постнациональной теории следует считать формирование институционализированного структурированного сообщества, выходящего за традиционные этнические, государственные, экономические, возможно также культурные, рамки. В традиционной интерпретации постнационализма, ввиду отсутствия традиционных идентификаторов (язык, общая религия, историческая общность и т.д.), служащих для определения членов данного сообщества, их роль преимущественно берет на себя гражданство на основе общей системы ценностей.

На основании анализа различных подходов к изучению процессов формирования постнациональной идентичности можно заключить, что, по сути, механизмы формирования национальных идентичностей выведены на другой уровень, но сохраняют за собой роль концептуальной основы поскольку, как уже отмечалось в начале первой главы, формировавшаяся веками национальная идентичность, служит паттерном для конструирования новых идентичностей в условиях трансформирующегося миропорядка. Как утверждают специалисты из Томского государственного университета - «национальное» является хронологическим и смысловым предшественником «постнационального». Постнациональное строится на переосмыслении и зачастую преодолении национального как опыта, изучение которого необходимо для перехода на новую ступень организации коллективов²¹⁹. Как это очевидно следует из приставки «пост», постнациональная идентичность представляет собой определенную

---

²¹⁸ Checkel J.T., Katzenstein P.J. (eds.) *European*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. P. 133.

²¹⁹ Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности / В. Н. Сыров, О. В. Головашина, Д. А. Аникин [и др.]. Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. С. 113.

идентификацию, существующую или формирующуюся после национальной, в определенном смысле это всегда следующая ступень развития и – новая ступень организации коллективов, то есть сообществ, не ограниченных территориальными, этническими, культурными рамками.

Существует несколько концепций представления постнациональной идентичности, особенностей ее функционирования. В отечественной науке изучение данной проблематики находится на этапе становления, в дополнение к вышеупомянутым исследователям из Томска можно назвать А. А. Болдырихина, Д. А. Аникина, А. В. Овчинникова. В зарубежных, в особенности западных академических кругах проблематика постнационализма начала изучаться раньше, чему были логичные предпосылки. Отцом-основателем постнациональной теории, как уже было упомянуто, можно считать Юргена Хабермаса с его идеями о конституционном патриотизме²²⁰. В целом, все концептуальные основы и характеристики постнациональной идентичности и потенциального постнационального сообщества можно определить как разделение, сепарацию этнических и политических идентификаций индивида, и формирование глубокой привязанности к определенной группе, не базируясь на национальном (в данном контексте этническом) происхождении. Именно так обобщили западные исследователи постнациональную природу европейской идентичности в одноименной книге под редакцией Джеффри Чекела и Питера Катценштайна²²¹. В духе постнациональной теории М. Табачник рассматривает понятие «гражданский национализм», активно применяющееся сегодня в исследованиях национализма и сочетающее в себе территориальную коллективную идентичность с либерально-демократическими ценностями²²².

²²⁰ Habermas, J. Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie / J. Habermas. - Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1999. - 404 S.

²²¹ Checkel J.T., Katzenstein P.J. (eds.) European Identity... P. 77.

²²² Tabachnik M. Untangling liberal democracy from territoriality: from ethnic/civic to ethnic/territorial nationalism: Untangling liberal democracy from territoriality // Nations and nationalism. 2019. № 1 (25). P. 191.

Специалист в области постнациональной идентичности, профессор университета Осло Дж. Э. Фоссум говорит о постнациональной идентичности как о политической форме идентичности. Основой для нее служит признание конституционно закрепленных демократических ценностей и прав человека»²²³. Тем не менее, вынося за скобки очевидную привязку «гражданства» и «конституции» к национальным-государствам как субъектам международно-политического взаимодействия, можно утверждать, что постнациональная логика служит основой современных идентификационных трансформаций. Цивилизационно-миссионерские амбиции глобальных держав формируют транснациональные блоки, объединяющиеся на основе общественно-политических ценностей, с сохранением культурной самобытности. Эти блоки могут оформляться в различного рода международные организации (НАТО, БРИКС, ШОС, ЕАЭС) или не оформляться, сохраняя тем не менее символическое значение (мусульманская цивилизация). Таким образом, постнациональная теория интерпретирует глобальные тенденции трансформаций идентичности, обладающие региональной спецификой, которая будет рассматриваться в дальнейшем.

Выводы по Главе 1

С момента включения категории идентичности в предметное поле исторической и политической наук она претерпела значительные изменения. Трансформировались теоретические подходы и концептуальные особенности идентичности, изменилась ее роль в общественно-политических процессах. Идентичность стала одной из ключевых общественно-научных категорий, имеющих определяющее значение для большинства социально-политических взаимодействий, поскольку, предшествующие ей категории, отвечавшие за интерпретацию индивидом политической реальности и определением своей роли в этой реальности (менталитет, общественное и коллективное сознание, этнос и

---

²²³ Юдина Т.А. Есть ли шанс появления европейской нации... С. 209.

нация) не отвечают требованиям динамичной природы современных общественно-политических процессов.

Ослабление роли национальных государств, обусловленное особенностями современной системы международных отношений, повлекло за собой ослабление национальной идентичности, некогда основного маркера в рамках международного социального взаимодействия. Массовые миграции также носят деструктивный характер по отношению к национальной идентичности. Современные транснациональные, зачастую слабо контролируемые источники информации укрепляют ненациональные и транснациональные идентификации, как правило, в ущерб национальным. Турбулентность в политической сфере закрепила в качестве ключевой функциональной особенности идентичности стремление сообщества к признанию, что в свою очередь, зачастую лишь способствует усилению турбулентности. Тем не менее, национальная идентичность, при всех концептуальных и функциональных лакунах, остается важной академической и практической категорией, оказывающей серьезное, фундаментальное воздействие на международные отношения и выступает в качестве основы для формирования новых типов идентичности.

Политика идентичности вращается вокруг совместного опыта, переживаний, ценностей и именно эти объединяющие компоненты становятся основой для формирования сообществ, принадлежность к которым определяется за рамками этнического, национального, культурного, происхождения, следуя логике постнациональной теории. Динамичная природа современных общественных процессов требует от индивида быстрого самоопределения в рамках выбора социальных ролей. Выход медиа за рамки национального дискурса способствовал выходу ключевых идентификационных привязанностей за рамки территориальных привязанностей и национальной идентичности. Конструирование идентичности на основе совместного присутствия в цифровом пространстве путем выявления общих ценностей, взглядов и предпочтений – универсальная тенденция, наблюдаемая в глобальном масштабе. Утрата национальной информационной повесткой

монополии на разграничение «своего» и «чужого», доступ к транснациональным источникам информации, а также комплексная нестабильность международных отношений заставляют человека принимать решения на основе новых привязанностей, формирующихся вне национальных границ.

Глава 2. Фрактальный подход к моделированию идентичности

2.1. Фрактальная модель идентичности

В рамках настоящего исследования предлагается использование фрактальной модели идентичности для описания комплексных, многочисленных и нередко конфликтующих друг с другом идентификационных связей индивида. Нация – ключевая категория как для внутренней, так и для внешней политики, поскольку национальная принадлежность функционирует как внутри страны, так и за ее пределами. Поэтому идентичности нового типа во многом формируются по образу и подобию национальной идентичности, поскольку также служат инструментом определения сообщества в масштабах межгосударственного и международного взаимодействия. В исследовании национальной идентичности, проведенном Международной программой социальных исследований ISSP (International Social Survey Program), были выявлены следующие критерии национальной идентичности: быть рожденным в стране; иметь национальность страны; прожить в стране большую часть жизни; говорить на языке страны; исповедовать религию страны; уважать политические институты и законы страны; ощущать национальность страны; иметь предков в стране²²⁴. Учитывая основополагающую дихотомию политической и культурной идентичности, можно отметить, что предложенные критерии также равномерно распределяются на культурные и политические категории. Язык, религия, предки и ощущение национальной идентичности относится к культурным проявлениям национальной идентичности, в свою очередь формальная национальность и уважение законов и политических институтов – к политическим. На основании постнациональной теории, а также других упомянутых в первой главе подходов и концепций, в рамках настоящего исследования предлагается системное фрактальное моделирование

---

²²⁴ Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics: comparative quantitative analysis // J. Balt. Stud. 2018. Vol. 49, № 3. P. 312.

комплекса идентификаций, служащего инструментом анализа идентичностей в международных отношениях. Ключевым этапом построения модели является выделение двух измерений - *культурного* (рисунки 1, 3) и *политического* (рисунки 2, 4). Выделение данных измерений можно объяснить в контексте ряда методологических подходов, предлагаемых исследователями, в частности, вышеупомянутой концепции толстых и тонких идентичностей. Российский антрополог В.А. Тишков выделяет этнические и территориально-политические сообщества. Также, говоря о типах национализма связывает гражданский и государственный с одной стороны, и культурный и этнический с другой. Они перекликаются и не всегда взаимоисключают друг друга. Более того, Тишков говорит, что гражданский национализм исходит из политической общности, но обладает референтной культурой, тогда как, культурный основан на этнической общности, но имеет политико-государственный компонент²²⁵. Иными словами, политическое измерение не исключает уплотнение и культурное обрамление политических смыслов, а культурное единство допускает политизацию. Другой известный российский исследователь, В. Э. Багдасарян рассматривает идентичности в рамках двухуровневой модели, выделяя первый уровень – этнический и второй уровень — цивилизационный. В качестве примера приводится комплекс идентичностей в Российской империи, где в одном измерении можно было обладать великороссийской, армянской, грузинской, татарской идентичностью и при этом быть носителем русской цивилизационной идентичности. По мнению В. Э. Багдасаряна, русская, будучи цивилизационной идентичностью, не замещает этническую идентичность. Далее русская цивилизационная идентичность трансформировалась в советскую²²⁶.

²²⁵ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. С. 139.

²²⁶ Багдасарян, В. Э. Трехуровневая модель идентичностей против одноуровневой модели этнического национализма / В. Э. Багдасарян // Возможности и сценарии перехода к постлиберальной модели России : Материалы постоянно действующего научного семинара / Центр научной политической мысли и идеологии Институт законодательства и нормативно правовых разработок Институт системных исследований общества. Том Выпуск 3. М.: Наука и политика, 2014. С. 71.

В. Э. Багдасарян также утверждает, что существование этнического в отрыве от цивилизационного, представляет собой угрозу²²⁷. Данное утверждение подтверждается примерами конфликтов на почве несоответствия этнических и цивилизационных измерений (существование Израиля в исламской цивилизации).

Как уже отмечалось ранее, национальная идентичность служит одновременно структурным и функциональным паттерном для других идентичностей и медиатором для трансляции политических взглядов. С. В. Акопов и О. Ю. Малинова говорят, что все «присутствующие в публичном дискурсе способы определения сообщества, конституируется через принадлежность к конкретному государству» - то есть, посредством национальной идентичности²²⁸. Поскольку, как уже отмечалось в первой главе, культурные компоненты национальной идентичности обладают большей стабильностью, в предлагаемой фрактальной модели *политическое измерение* выступает в качестве надстройки над *культурным измерением*. Таким образом модель отражает фундаментальный характер культурных компонентов и переменчивый характер политических. Политические компоненты – находятся «сверху», поэтому они «легче», динамичнее, однако под воздействием различных факторов, эти компоненты могут «спускаться» в рамках процесса *аккультурации*. В связи с чем, политические идентичности совершившие переход в *культурное измерение* могут обретать большую плотность, укорененность в сообществе, становиться менее подверженными изменениям, а также получают возможность воздействовать на идентичности/идентификации, вновь появляющиеся «сверху». Также, в такой конфигурации модель отражает практику формирования идентичности, которая может зарождаться как снизу – от культуры к политике, так и сверху – от политики к культуре²²⁹.

---

²²⁷ Трехуровневая модель идентичностей против одноуровневой модели этнического национализма... С. 70.

²²⁸ Акопов С. В. Транснациональная модель идентификации... С. 3

²²⁹ Everyday nationalism and Making Identity Count... P. 1002.

Ранние исследования идентичности способствовали ее представлению в качестве стабильного, исторически сложившегося и обоснованного состояния. Однако, в современных работах все чаще говорится о ее динамической, переменчивой природе, о том, что это все больше процесс идентификации, чем состояние идентичности, что совершенно логично в контексте господствующих тенденций в МО, МП и в целом в мире²³⁰. Уже в 2000 г. Р. Брубейкер и Ф. Купер предложили использовать термин *идентификация*, по их мнению, лучше выражающий идею изменчивости идентичности и стоящих за ней процессов²³¹. В то же время, такой подход оспаривает российский историк С. В. Соколовский, утверждая, что любой даже кратковременный процесс идентификации завершается формированием идентичности²³². Принимая во внимание различные концепции *плотных* и *устоявшихся идентичностей* и *динамичных* и *переменчивых идентификаций*, представляется разумным ввести обе этих категории во фрактальную модель. Таким образом, под идентичностями следует понимать устоявшиеся, исторически сложившиеся ассоциации в культурном и политическом измерениях, а идентификации представляют собой динамичные, отсылающие к актуальным событиям и контекстам, не стабилизировавшиеся ощущения принадлежности. Также, на основании подхода, предлагаемого К. Терлоу, дифференциация традиционных «толстых», исторически укорененных идентичностей и новых динамичных, сетевых и ориентированных на будущее идентификаций осуществляется не в качестве дихотомии, а в качестве модели континуума, где плотная (идентичность) и динамичная (идентификация) представляют собой две крайности ощущения принадлежности²³³. Идентификации, как стихийные проявления солидарности, на основе быстрого политического выбора или недавно зародившейся культурной практики, как неустоявшиеся, связанные с конкретным политическим режимом, событием, течением,

²³⁰ Разумова, Л. В., Михалева С. Н. Динамический характер процесса социокультурной идентификации // Гуманитарный вектор. 2012. № 3(31). С. 205-216.

²³¹ Brubaker R., Cooper F. Beyond "Identity" // Theory and Society. 2000. № 29(1). P. 1-47.

²³² Свои и чужие... С. 35.

²³³ Terlouw K. From thick to thin regional identities... P. 717.

правительством, системой временные политические и/или культурные особенности, в рамках своего трансформационного пути, либо «укрепляются», сохраняясь и укореняясь в общественном сознании, либо исчезают вместе с событием или институтом, послужившим причиной их появления. Нередко, одной из особенностей современных международных отношений является проблема гармонизации устоявшихся идентичностей и быстрых идентификаций.

Ф. Майнеке, изучая основы генезиса немецкой нации, в начале XX века считал, что два пути (гражданско-политический и этнокультурный) формирования нации фактически приводят к одному результату. Теоретики современных исследований нации подчеркивают, что национальные идентичности все же находятся в серьезной зависимости от способа их формирования²³⁴. Поскольку национализм имеет два ключевых компонента – культура и государство, компонент, сформировавшийся первым, играет определяющую роль в полноценной нации²³⁵. М. Каллон и Б. Латур активно разрабатывавшие акторно-сетевую теорию в своих исследованиях подчеркивали разницу воздействия акторов на социальные системы²³⁶. Также с учетом упомянутой в первой главе модели сравнительных семантических признаков в рамках предлагаемой фрактальной модели следует ввести категорию системообразующих компонентов, идентификаций и идентичностей, обладающих наибольшим потенциалом объединения.

В рамках обоих измерений следует выделить 3 уровня, состоящих, следуя логике определяющих и второстепенных характеристик, из ключевых стабильных атрибутов принадлежности к сообществу – *компонентов* идентичности, и динамических, изменяющихся атрибутов – *идентификаций*. Нижний – локальный или микрорегиональный уровень представляет собой идентичность на до-

²³⁴ Gellner E. Nations and Nationalism. 2nd ed. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. P. 113.

²³⁵ Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics: comparative quantitative analysis // J. Balt. Stud. 2018. Vol. 49, № 3. P. 307.

²³⁶ Ефременко Д.В., Яницкий О.Н., Ермолаева П.О. О социобиотехнических системах // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 142.

национально-государственном уровне²³⁷. Уровень национальной идентичности, согласно национальному государству также в культурном и политическом измерении, и уровень региональной идентичности, представляющий собой связь с регионом, включающим несколько государств. В структуре идентичности на всех уровнях выделяются: *экономические, социокультурные и политические компоненты и идентификации*. Выбор компонентов и идентификаций осуществлен на основе уже упомянутых в первой главе факторов формирования национальной идентичности, согласно Э. Д. Смит²³⁸. Также по мнению С. Хантингтона национальная идентичность складывается из многочисленных зачастую конфликтующих между собой социальных, экономических и политических трендов²³⁹. В то же время, сама национальная идентичность выступает в качестве паттерна, поскольку, несмотря на укрепление и политизацию других идентичностей, она остается в центре современного международного политического взаимодействия.

Структура культурного измерения

В рамках *культурного измерения* идентичности можно выделить группу *экономических компонентов и идентификаций*. В данную группу входят существующие в сообществе культурные особенности экономических отношений: этническая (локальная) специфика ведения хозяйства, решения финансовых вопросов, отношение к экономике, частной и общественной собственности, исторически сложившаяся специализация региона/сообщества. Иными словами, речь идет об экономических маркерах сообщества не обусловленных конкретной, существующей в рассматриваемый момент времени политической системой, позволяющих идентифицировать его как изнутри, так и снаружи. Существование культурно-экономических особенностей естественно для любого сообщества, поскольку институционализация экономических и хозяйственных практик может

---

²³⁷ Алексеев Н. Н. Система идентичностей гражданина ЕС: перспективы перехода к постнационализму // Мировая политика. 2019. № 2. С. 22-32.

²³⁸ Smith A. D. National identity... P. 14.

²³⁹ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской идентичности... С. 30.

осуществляться как со стороны власти, так и со стороны общества. Так, Р. Алонци отмечает, что западный либерализм как политическая и экономическая модель с ее наиболее типичными чертами (защита права на жизнь, собственность, центральное место индивида в обществе) максимально тесно связан с христианством, то есть культурные особенности, если не стали основой, то прочно встроились в экономическую и политическую системы²⁴⁰.

Затем следует выделить группу *культурно-символических компонентов и идентификаций*, оформляющих непосредственно культурный, символический образ рассматриваемой идентичности. Группа включает такие категории, как язык, мифы, коллективные традиции, устои, менталитет, система ценностей и т.д. Огромное значение ожидаемо имеет языковой компонент идентичности. Язык в широком смысле выполняет функцию фиксации, сохранения и трансляции ценностей группы. Как отмечают исследователи когнитивной роли языка, члены языковой группы с помощью языковых кодов осваивают культурные ценности, в том числе, связанные с выживанием. Именно культурные потребности определяют развитие конкретных языковых кодов. Более того, отвечая на распространенный вопрос – влияет ли сам язык на формирование идентичности, специалисты отмечают, что развитие кодов языка способно определять, какая информация будет кодироваться, трансформироваться и запоминаться, то есть настраивать вектор дальнейшего формирования идентичности²⁴¹. Например, такая важная категория политики как власть, в английском языке будет иметь такие синонимы как сила и мощь (power), а в немецком одним из ключевых синонимов к слову власть является насилие (die Gewalt). Язык играет особую роль в национальной идентичности, поскольку другие важные категории, такие как семейное происхождение и место рождения изменить нельзя, тогда как язык можно выучить²⁴². Поскольку свободное владение языком требует значительного времени и усилий, выполнение этого формального требования, в особенности для языка, нераспространенного за

²⁴⁰ Алонци, Р. Роль христианства в формировании политической идентичности Евросоюза: размышления папы Бенедикта XVI // Современная Европа. 2020. № 4(97). С. 145.

²⁴¹ Когнитивная психология... С. 371.

²⁴² Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics... P. 327.

пределами государства является проявлением сильной привязанности к нации²⁴³. Исследователи отмечают также значительную роль любых языковых единиц, включая местоимения, притяжательные прилагательные, локативы и любые ссылки на более широкие структуры принадлежности (например, «В этом обществе...», «Мы всегда были торговцами», «Наша империя была по существу либеральной»)²⁴⁴.

Наконец, в культурном измерении идентичности можно выделить группу *социо-политических компонентов и идентификаций*, относящихся к существующим механизмам общественной организации, иерархии, структуре общественных отношений. Здесь можно назвать такие компоненты, как исторические особенности социального развития, механизмы общественных отношений, отношение к власти, системам управления, открытость/закрытость от внешнего взаимодействия, гендерное равенство/неравенство и т.д. Социо-политический компонент можно наблюдать и в разрезе внешней политики. Внешнеполитические решения оказывают серьезное воздействие на формирование и трансформацию идентичности, поскольку каждое решение создает для индивида новый или актуализирует уже существующий выбор в категориях «за» и «против», относящийся к конкретному историко-культурному, политическому контексту. И. Д. Звягельская подчеркивает, что внешняя политика оказывается индикатором статуса государства, возможностей и авторитетности его элит в региональном и глобальном масштабах. Внешнеполитические решения, в особенности в рамках конфликтов, способствуют укреплению культурной самобытности, таким образом в прямой корреляции находятся внешняя политика и культурное измерение идентичности. Внешняя политика реализует претензии на особую роль, демонстрирует готовность решительно отстаивать свою версию истории и свой историко-политический нарратив²⁴⁵. Наконец, элиты, принимая

²⁴³ Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics... P. 316.

²⁴⁴ Everyday nationalism and Making Identity Count... P. 1007.

²⁴⁵ Звягельская, И. Д. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке... С. 106.

внешнеполитические решения, во-первых, в той или иной степени ориентируются на массы, которые задают общий «политический настрой»²⁴⁶, а во-вторых, сами являются носителями той же идентичности. Выделение И. Д. Звягельской историко-политического нарратива объясняет существование политического компонента в культурном измерении.

Структура политического измерения

Политическое измерение идентичности, которое символически расположено над культурным, но также может послужить основой формирования идентичности, состоит из схожим образом сформированных компонентов и идентификаций, отражающих особенности общественной организации в ключевых областях, но уже с учетом конкретной политической системы, не в рамках культурных признаков, а в рамках институционализированных отношений, механизмов и структур, существующих в конкретный момент времени. Политический институт, отражающий стремление идентичности служит для манифестации идентичности посредством политической активности индивида. Институт здесь – это сообщество, партия, государство, регион и т.д. Очевидно, важные *экономические компоненты и идентификации*, включающие, например, гражданские финансовые обязательства и привилегии, непосредственное участие в экономических процессах, включенность в контекст общего уровня государственного (общественного) благосостояния. Группа *социокультурных компонентов и идентификаций* включает неэтнические черты политической и общественной культуры, социальных отношений, участие в общественных организациях, движениях и т.д. Наконец, группа *гражданско-политических компонентов и идентификаций*, отражающих политическую идентичность, привязанность к конкретному политическому образованию (национальному государству, его региону, международной организации, состоящей из нескольких государств) включает компоненты политической активности индивида – реализация политических прав, участие в выборах, принятии политических решений, участие

---

²⁴⁶ Making identity count... P. 211

в политической жизни или простое ассоциирование себя с конкретным политическим движением, течением, системой. В целом, политическое измерение представляет собой совокупность политических ассоциаций индивида с существующими политическими институтами на до-национальном, национальном и транснациональном уровнях. Причем, лояльность политическим институтам на одном уровне перманентно или в конкретный момент времени может быть больше, чем на других. Таким образом, политическое измерение этого уровня будет более развито, чем политическое измерение на других уровнях.

Идентичность, ее компоненты и идентификации в культурном и политическом измерениях представляют собой неотъемлемые составляющие процессов коммуникации внутри сообщества и за его пределами. В первую очередь естественно язык, но и другие, порой неочевидные, маркеры (например, метрическая система в США, левостороннее автомобильное движение). Также эти маркеры идентифицируют сообщество «снаружи». Все компоненты объединяются в уровень идентичности – локальный, национальный, региональный. Смоделированный уровень идентичности включает в себя компоненты и идентификации из обоих измерений, его строение на рисунке 5. Устоявшиеся компоненты отражены более насыщенным цветом. Далее можно собрать уровни в единую фрактальную модель.

Концепты политического и культурного измерений идентичности представляют собой базовые, стартовые категории. Говоря о базовых, идеалистичных категориях, исследователи отмечают, что они представляют собой аналитические концепты, которые не соответствуют сложной реальности. Идеалистичные концепты не предназначены для объяснения реальности во всем ее многообразии, но помогают понять различные механизмы, формирующие реальность, инкорпорируют различные аспекты в свою логически упрощенную форму²⁴⁷. Представленные теоретические категории политического и культурного измерений могут трансформироваться и конкретизироваться, включая специфику

---

²⁴⁷ Terlouw K. From thick to thin regional identities... P. 710.

отдельных моделей, систем и уровней (этнокультурное и этнополитическое, регионально-культурное и регионально-политическое, национально-культурное и национально-политическое и др.), а также могут быть представлены как в равной степени, так и с преобладанием конкретного измерения, уровня, компонента, идентификаций. Соответственно компоненты могут политизироваться - в условиях угрозы, необходимости практического применения для достижения конкретных целей и деполитизироваться, обретать культурную форму, то есть переходить в разряд естественной данности, культурной особенности сообщества.

Исследователи идентичности в международных отношениях, в особенности в англоязычной академической среде нередко употребляют термин – валентность идентичности. Данная характеристика должна быть внедрена во фрактальную модель. Валентность компонента/идентификации/идентичности – способность образовывать связи с другими компонентами, служить связующим звеном в системе идентичностей. Сильной валентностью обладают исторические компоненты, сформированные на основе коллективных, национальных успехов и трагедий. Как писал С. В. Акопов - «память о коллективных политических жертвах» и «память о коллективных политических триумфах»²⁴⁸. Яркие примеры – Холокост для государства Израиль, Великая Отечественная война для РФ. Например, многие из тех, кто опирается на учения Тайфела, Тернера, Московичи и других для изучения связи между психологией национальной идентификации и политическими действиями, признают, что коллективный опыт и история имеют чрезвычайно большой связующий потенциал - валентность²⁴⁹. Психосоциальная теория Эриксона подчеркивает, что общие валентности идентичностей людей (также называемые «валентностью содержания идентичности») определяются на основе как социокультурно положительных, так и отрицательных элементов

---

²⁴⁸ Акопов С. В. Транснациональная модель идентификации... С. 15.

²⁴⁹ Making identity count... P. 203.

идентичности, которые являются важными аспектами личности, которые служат основой их идентичностей²⁵⁰.

На рисунке 6 представлена базовая, гармоничная модель с равномерным распределением компонентов и идентификаций. Их соотношение способно изменяться в соответствии с конкретным примером идентичности, например, случай Каталонии - регион Испании, который борется за политическую независимость и создание собственного государства. Модель каталонской идентичности должна отражать политизацию, то есть переход культурных компонентов в политическое измерение на локальном и национально-государственном уровнях, что является выражением их желания оформления Каталонии в виде национального-государства и выхода из состава Испании. В этом контексте, В.А. Тишков выделяет процессы национализации и этнизации, подчеркивая, что ни нация, ни этнос не отличаются тотальной целостностью²⁵¹. Таким образом, отдельные компоненты и идентификации могут трансформироваться в том и в другом направлении, то есть политизироваться, деполитизироваться, а также претерпевать аккультурацию. Культурные компоненты и идентификации на рисунке 7 обретают контуры цвета политического измерения, то есть сообщество стремится трансформировать элементы культурного единства в политические институты или идентичность приобретает политические стремления – процесс политизации. Обратным примером может послужить ненациональный регион, например ненациональный субъекта РФ – модель представлена на рисунке 8. Региональная, локальная идентичность здесь будет представлена исключительно культурными идентификациями, поскольку региональное сообщество не связано крепкими этническими узами, не имеет языка и других значимых культурных отличий. Безусловно, в любом исторически сложившемся сообществе можно выделить

---

²⁵⁰ Hihara S. et al. Positive and negative valences of identities: Longitudinal associations of identity content valences with adaptive and maladaptive functioning among Japanese young adults // *Dev. Psychopathol.* 2022. Vol. 34, № 4. P. 1516.

²⁵¹ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. С. 152.

общую культуру и особенности, но основная идентичность связана с политическим институтом – субъектом РФ или административными единицами, предшествующими ему хронологически, поэтому в политическом измерении все компоненты окрашены в насыщенный цвет. Также, особое значение приобретает компонент территории, выступающий в качестве главной основы, отражающий историческую преемственность.

Одной из основных особенностей предлагаемой модели является ее фрактальность. Фрактальное представление идентичности изредка встречается в зарубежных работах психологов, но не задействуется в политической науке. Основная суть фрактала – самоподобие, то есть фрактальный объект частично или полностью подобен сам себе. Как отмечает специалист в области моделирования социальных и политических процессов А. Ю. Петухов «самоподобие означает, что структура или процесс выглядят одинаково в различных масштабах или на различных по продолжительности интервалах времени». Он также является сторонником применения фрактальных моделей, подчеркивая их эффективность для описания и моделирования ряда сложнейших динамических нелинейных систем в современной науке²⁵². Д. В. Ефременко, О. Н. Яницкий, П. О. Ермолаева говорят об идентичности как о социотехнических и социобиотехнических системах, которые по своей природе асимметричны, поскольку «человеческий фактор» в них играет ключевую роль²⁵³. Идентичность можно также рассматривать как сложную, динамичную, нелинейную систему, поскольку в тесной взаимосвязанности и взаимозависимости находится множество сложно управляемых элементов и трудно прогнозируемых явлений²⁵⁴. Анализируя структуру идентичности в международных отношениях, можно заключить, она отличается определенной фрактальностью. Фрактальность структуры проявляется

---

²⁵² Колобов О. А., Петухов А. Ю. Фрактальный метод в применении к политическим и общественным системам // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 269.

²⁵³ Ефременко Д.В., Яницкий О.Н., Ермолаева П.О. О социобиотехнических системах // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 142.

²⁵⁴ Там же.

в неоднородности, наличии множества компонентов, выделении двух глобальных измерений, плотности культурного измерения и динамичности политического, возможности перехода компонентов между измерениями (политизация и аккультурация), наличии системообразующих компонентов. Также фрактальная природа национальной идентичности заключается в том, что она, с одной стороны включает в себя региональные, городские, общинные идентичности «снизу» и, с другой стороны сама является компонентом региональных транснациональных идентичностей «сверху». Наконец, политическое измерение может напрямую воздействовать на культурное, посредством трансформации в рамках реализации государственной политики, так и культурное измерение влияет на политическое, создавая социокультурный контекст, обуславливающий принятие конкретных политических решений. Различные общественные сферы, например наука, имеют как культурное, так и политическое значение и оказывают воздействие на формирование идентичности²⁵⁵.

Мы также можем наблюдать фрактальность идентичности не только в вертикальном, но и в горизонтальном направлении, то есть группы компонентов и идентификаций во многом повторяют друг друга в политическом и в культурном измерениях. Как уже упоминалось в первой главе – политическая идентичность это политизированная социальная. Например, в контексте тенденции к политизации прошлого, можем выделить как исключительно культурное (этнический, национальный нарратив, обычай), так и политико-культурное проявление (манифестация) коллективного прошлого, поэтому в рамках модели культурные компоненты выделяются в обоих измерениях. Возможная дифференциация компонентов и идентификаций в культурном и политическом измерениях показана в Таблице 1.

---

²⁵⁵ Встреча с молодыми учёными 01.12.2022 г. [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69967> (дата обращения 16.02.2023).

Таблица 1. Дифференциация культурного и политического измерений

	Культурное измерение	Политическое измерение
Экономические	Отношение к общественной/частной собственности, значимость финансового благосостояния в системе потребностей, бережливость/расточительность	Налоговая принадлежность, род деятельности, уровень дохода, потребления
Политические	Отношение к власти, иерархии общественных отношений, склонность к политической активности/бездействию	Гражданская принадлежность, поддержка политических партий, движений, взглядов и т.д.
Социокультурные	Этнокультурные исторические особенности, традиции, обычаи	Элементы политической культуры, культурное оформление актуальных политических событий

Также, исследователи отмечают, что культурные различия сами по себе не являются драйверами конфликта, а становятся таковыми в процессе их политизации, то есть политическом применении. Политизированная идентичность

выводит конфликт в парадигму с жестким противопоставлением «мы» и «они»²⁵⁶. В результате конфликт политических интересов перерастает в конфликт ценностей, что серьезно затрудняет возможности его урегулирования. В этом контексте следует обратиться к концепции впитывающего сознания Н. К. Нэпир и К. Х. Вонга. Ими описан так называемый процесс аккультурации – неотъемлемый компонент общественно-политического взаимодействия. Нэпир и Вонг основываясь на трудах Дж. У. Берри выделяют четыре режима аккультурации: 1 - ассимиляция, когда люди не испытывают никаких угрызений совести за сохранение исключительно своей культурной идентичности, а скорее стремятся к взаимодействию с другими культурами; 2 - сепарация, когда люди стремятся высоко ценить приверженность своей собственной культуре и при этом стремятся избегать взаимодействия с другими людьми; 3 - интеграция, когда человек сохраняет некоторый уровень культурной целостности при взаимодействии с другими; 4 - декультурация или маргинализация, когда ни стремление к общению, ни замыкание в своей собственной культуре не доминируют²⁵⁷. Данные режимы аккультурации представляют собой ни что иное, как психологическую основу типичных конфигураций идентичности в том числе, радикальных, приводящих к национализму, этноцентризму, космополитизму и т.п. Конкретные примеры будут описаны в следующих разделах работы, поскольку подобные политико-культурные трансформации идентичности зависят от ряда специфических факторов. В. А. Тишков утверждает, что демократические трансформации сопровождаются ослаблением порядка и кризисом идентичностей, вызывают национализм самого разного толка как своего рода заместительный механизм старых идеологий и практик²⁵⁸. В то же время И. Д. Звягельская отмечает, что наряду с пространством модернизации существует «пространство традиции». Для него характерны традиционные, патриархальные ценности, родственные связи,

²⁵⁶ Ближний Восток: Политика и идентичность: Коллективная монография... С. 250.

²⁵⁷ Vuong Q. H., Napier N. K. Acculturation and global mindsponge: An emerging market perspective // International Journal of Intercultural Relations. 2015. Vol. 49. P. 355.

²⁵⁸ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. С. 141

коллективизм, религиозное мировосприятие, этнические и субэтнические образцы культуры. На восприятие окружающего мира серьезным образом влияют мифологизированное сознание, типичное для традиционных сообществ, что также транслируется во внешнюю политику²⁵⁹. Тривиальное геополитическое соперничество обретает новые формы, такие, как борьба за дефиниции и за смыслонавязывание в рамках единого мирового политического поля. Глобальный обмен научными, литературными и информационными текстами, межгрупповые коллизии на разных уровнях способствуют становлению неравенства, соперничества и доминирования в качестве обязательных форм человеческого существования²⁶⁰. На нынешнем переходном этапе, когда национальная идентичность утрачивает ключевую, определяющую роль, а политические идентичности нового порядка недостаточно сформированы, актуализируются общественно-политические идентичности в общем смысле. Они формируют комплексы, системы, представляющие собой различные конфигурации многочисленных идентификаций с разной степенью политической активности. Предлагаемая фрактальная модель идентичности позволяет конструировать сложные динамичные системы, изучать процессы, протекающие внутри комплексов идентичностей. Тем не менее, исследователи подчеркивают, что все виды подобных систем являются конфликтными, противоречивыми и внутренне рискогенными. Эти их свойства обусловлены борьбой интересов за доминирование и ресурсы, конфликтом краткосрочного политического успеха и долгосрочных трендов, олицетворяющие культурные и политические идентификации и идентичности, представленные во фрактальной модели²⁶¹.

В теориях управления идентичностью, вдохновленных социальной психологией существует также концепция, согласно которой элиты, обладающие инструментами управления идентичностью легитимизируют или

---

²⁵⁹ Звягельская, И. Д. Символы и ценности в международных отношениях... С. 114.

²⁶⁰ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. С. 153.

²⁶¹ Ефременко Д.В., Яницкий О.Н., Ермолаева П.О. О социобиотехнических системах // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 143.

секьюритизируют отдельные компоненты²⁶², что очевидно может дестабилизировать систему. Здесь ключевую роль играет функция «соответствия» или «конгруэнтности» фрейма преобладающим установкам и мнениям общественности или публики²⁶³.

2.2. Анализ идентичностей в международных отношениях с применением фрактальной модели

В данном разделе рассматриваются конкретные примеры применения предлагаемой фрактальной модели как инструмента анализа идентичностей в международных отношениях. В начале необходимо сфокусироваться на упомянутой категории системообразующих компонентов. Различные системы идентичностей имеют различные определяющие компоненты или группы компонентов, формирующие идентификации и идентичности. Они также обладают различной валентностью и фундаментальностью. Исторические, культурные, социальные особенности нации, существующие продолжительное время нередко выступают такими системообразующими компонентами, а также служат поводом для появления различных оснований национальной гордости. Например, согласно данным опросов общественного мнения, гордость за историю и социальное обеспечение в Литве несколько выше, чем в Латвии и Эстонии, а в Эстонии превалирует гордость за науку и технику, вооруженные силы и демократию²⁶⁴. На данном примере видно, как предмет национальной гордости является одной из основ, системообразующих компонентов идентичности с сильной валентностью. Значимой вехой национальной истории Литвы является существование Великого княжества Литовского как одного из важных акторов европейской политики, что делает исторический компонент достаточно «прочным» и валентным, чтобы

---

²⁶² Making identity count... P. 211.

²⁶³ Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics... P. 316.

²⁶⁴ Ibid.

послужить фундаментом для конструирования идентичности²⁶⁵. В свою очередь в Латвии гордость развитостью демократии в стране значительно сильнее, чем в Эстонии и Литве, что объясняется определенной прогрессивностью латвийского политического режима в развитии западного понимания демократии²⁶⁶. Отмечается, что в нациях, основанных на культурном и этническом единстве, более значительна корреляция между степенью приверженности политической системе и общей уверенности в успехе нации, на которую, в свою очередь, могут влиять ее достижения в различных сферах, не связанных напрямую с политикой – спорт, искусство²⁶⁷. Необходимо отметить, что стремление испытывать чувство гордости (национальной или другой) своим сообществом – также естественно, как стремление к признанию. Гордость подчеркивает самобытность, уникальность. Сообщества зачастую выбирают сферу/область, где у него больший потенциал для успеха, концентрируя национальную/коллективную гордость в этой области. Ярким примером неэтнической национальной идентичности с сильным чувством гордости – США. Системообразующими компонентами национальных идентичностей на Ближнем Востоке является ислам, идея великого прошлого. Эти же компоненты формируют ценностное ядро, которое, будучи в культурном измерении является очень прочным.

Далее необходимо уделить внимание различным конфигурационным ролям ключевых компонентов. Религиозный компонент играет особую роль в каждой конкретной системе идентичностей. Например, он служит системообразующим компонентом и для культурного, и для политического измерений в исламских монархиях и Израиле, но приблизительно в равной степени представлен и в культурном, и в политическом измерении в РФ. Непросто обстоят дела с Турцией, где религиозный компонент, с одной стороны, можно считать системообразующим

---

²⁶⁵ Фадеева, Л. А. Политика памяти и идентичности в Европейском союзе: сопряженные понятия, рассогласованные практики // Международная аналитика. 2022. Т. 13, № 3. С. 89.

²⁶⁶ Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics... P. 317.

²⁶⁷ Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics... P. 327.

компонентом из культурного измерений, но также полностью политизированным с учетом периода тотальной светскости при Ататюрке.

Языковой компонент политизирован в государствах, где обязательно доказывать знание языка для получения гражданства. Подтверждение знания языка необходимо для получения гражданства во многих государствах, но примечательно, что в их числе также западные гражданские демократии: Германия, Франция, США²⁶⁸. Определенным элементом региональной европейской политизации языкового компонента является введение Общеввропейских компетенций владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка (Common European Framework of Reference, CEFR) на основании которых проводятся тесты в государствах-членах ЕС. Также политизация языкового компонента идентичности – сравнительно недавняя тенденция в Европе, вероятно обусловленная растущими внутренними и внешними миграциями. Согласно докладу Совета Европы и Европейской ассоциации экзаменационных советов по иностранным языкам (ALTE) в 2018 году 33 из 40 государств-членов ввели языковые тесты в качестве требования для получения гражданства, тогда как в 2003 году такие тесты были лишь у 8 государств из 19²⁶⁹. Создает ли формальное наличие гражданства ощущение национальной идентичности? Очевидно нет, поскольку для общественного восприятия в условиях политизации необходимо не просто быть членом общества и иметь необходимый культурный бэкграунд, но и проявлять идентичность в политическом действии, высказываниях. По данным М. Фабрикант в качестве критериев национальной идентичности для респондентов из Латвии, Эстонии, Литвы знание языка и «ощущение национальной

---

²⁶⁸ The Immigration and Nationality Act (INA) [Электронный ресурс] // U.S. Citizenship and Immigration Services. Режим доступа: <https://www.uscis.gov/laws-and-policy/legislation/immigration-and-nationality-act> (дата обращения 15.04.2022 г.); Staatsangehörigkeitsgesetz (StAG) [Электронный ресурс] // Bundesministerium der Justiz. – Режим доступа: <https://www.gesetze-im-internet.de/stag/BJNR005830913.html> (дата обращения 16.04.2022 г.)

²⁶⁹ Bonotti M., Willoughby L. Citizenship, language tests, and political participation // Nations Nat. 2022. Vol. 28, № 2. P. 450.

принадлежности» значительно важнее, чем формальное гражданство и даже уважение к политическим институтам и законам²⁷⁰.

В период исключительного доминирования национальных государств в системе международных отношений национальная идентичность выполняла функцию ключевого маркера международного самоопределения и являлась инструментом международной коммуникации. Соответственно, во фрактальной модели международно-политические компоненты максимально развиты преимущественно на национальном и региональном уровнях, поскольку именно на них осуществляется межгосударственное взаимодействие. Однако, ослабление национальных государств и как следствие национальной идентичности способствует распределению политического потенциала с национального уровня на локальный и региональный уровни. Этот процесс сопровождается комплексной политизацией – в политический ресурс превращаются компоненты идентичности – нарративы, смыслы на всех уровнях. Как следствие, с одной стороны, все чаще субъектами мировой политики становятся локальные политические деятели и институты, с другой стороны объясняется укрепление цивилизационных идентичностей, глобальных интеграционных объединений.

Как уже говорилось ранее, модель выстраивается с учетом давно изучаемой дихотомии гражданской и этнической национальной идентичности. Поскольку национальные идентичности могут быть сформированы как культурно, так и политически, подобную механику можно наблюдать на других коллективных идентичностях, основываясь либо на общей культуре, которая в последствии политизируется (национальные идентичности этнического происхождения), либо на политическом течении, которое в последствии обрывает культурными компонентами (BLM, Зеленое движение, Феминизм).

Разнонаправленные процессы глобализации и глокализации способствуют комплексной политизации всех уровней жизни, а также, унифицируют

---

²⁷⁰ Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics... P. 315.

политическое пространство на разных уровнях, делая идентичность фрактальной. Концентрация локальных, национальных, транснациональных дискурсов в источниках одного рода (социальных сетях), растущая взаимозависимость внутренней и внешней политики также обуславливают фрактальность идентичности, где локальный уровень – преимущественно внутривнутриполитический, региональный – преимущественно внешнеполитический, а национальный имеет равное значение для внутренней и внешней политики. Социальные сети позволяют конструировать и укреплять идентичности благодаря эффекту взаимного присутствия, а также представляют новую площадку для манифестации идентичности. Иными словами, для манифестации не требуется активных физических действий – достаточно активности в виртуальном пространстве. В свою очередь, значимость сетевых манифестаций идентичности растет, что подтверждается распространением блокировки постов, социальных сетей или аккаунтов конкретных деятелей, как инструмента внутренней и внешней политики по всему миру²⁷¹.

Необходимо подчеркнуть значимость действия для превращения идентификации в идентичность. Политическая идентификация, чтобы стать идентичностью должна перейти в форму политической воли - подкрепиться действием/бездействием, выступлением/невывступлением в пользу конкретной политической силы. Идентичность РФ как глобальной державы была неосязаема до начала активных внешнеполитических действий. Ближневосточные транснациональные идентичности неосязаемы поскольку отсутствуют значимые единые действия. Хорошим иллюстративным примером транснациональной идентичности, сформированной в политическом измерении, но в последствии получившей культурные черты является «идентичность борьбы с терроризмом». Идентичность борьбы с терроризмом до активных действий была лишь

---

²⁷¹ Council Regulation (EU) 2022/350 of 1 March 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine [Электронный ресурс] // The Council of the European Union. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2022.065.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A065%3ATOC (дата обращения 13.07.2022)

идентификацией, основанной на солидарности. Системообразующие компоненты – социокультурные и гражданско-политические – общая история и опыт, а символическое обрамление – события 11 сентября 2001 года. Политическая идентификация, появившаяся стихийно, как реакция на конкретное событие и формирующаяся в рамках конкретных политических систем и режимов впоследствии претерпела аккультурацию в сообществе посредством каждодневных практик, символических действий. Исследователи также отмечают, что правительства Соединенных Штатов и их ключевых союзников, сформировав «идентичность войны с терроризмом», узаконили вторжение в Ирак в 2003 году. Иными словами, без особой трактовки терактов 11 сентября и последующей интервенции в Афганистане война в Ираке не произошла бы, по крайней мере, в той же форме «коалиции желающих»²⁷². Следует упомянуть, что события 9/11 породили целый культурный нарратив, выражающийся в борьбе США со «вселенским злом». Именно на период 2001-2010 гг. приходится небывалый взлет популярности экшн-фильмов по американским комиксам, несмотря на то что сами комиксы берут свое начало еще в годы Второй Мировой войны. Более того, данная особенность позволяет выявить известную закономерность – создание образа врага – появление соответствующего информационного контекста. Специфика американского нарратива заключается в его транснациональном применении, в качестве очевидного элемента «мягкой силы».

В качестве одной из самых масштабных, но очень слабо осязаемых транснациональных идентичностей можно определить демократическую идентичность – идентичность, основанная на ценностях, подкрепленная экономическими механизмами и общими мифами – мифами о демократии. Как и мифы других сообществ в них выделяются определяющие исторические события – Великая Французская революция, Война за независимость США, «холодная война», трансформировавшиеся из политических явлений и событий в культурно-символические и социо-политические компоненты культурного измерения. Таким

---

²⁷² Making identity count... P. 207.

образом, демократическая идентичность формировалась как политическая, однако приобрела собственную культуру.

Двойственная природа идентичности проявляется также в причинно-следственной зависимости от политических событий. Социальные психологи уже давно изучают национальную идентичность как причину политических действий²⁷³. Идентичность может быть как следствием политического выбора, так и его причиной. В контексте международных отношений идентичность можно рассматривать как систему взглядов, ценностей, идей, обуславливающих конкретные политические решения или влекущих за собой последствия, воздействующие на сферу международных отношений. Так, одной из причин миграционного кризиса в ЕС является крах политики мультикультурализма, обусловленной ценностями Европейской идентичности. В то же время идентичность можно интерпретировать как систему взглядов, ценностей, идей, сформировавшихся в результате конкретных политических решений, событий. Например, движение Хиппи в США, против войны во Вьетнаме, а также, в очередной раз миграционный кризис в ЕС, трансформировавший национальные идентичности в Европе. Однако очевидна манипулятивная роль информационных источников в любом из выше определенных контекстов.

Процессы политизации и деполитизации (аккультурации) имеют особое значение в трансформациях систем идентичности. Один из примеров - условное окончание холодной войны, крах биполярной системы с последующей деактуализацией и некоторой деполитизацией контекста оформляющего противостояние Запада и Востока, СССР и США, ОВД и НАТО. Под «некоторой деполитизацией» следует понимать деактуализацию - снятие вопроса с повестки и его переход в разряд пережитого коллективного прошлого и приобретенного коллективного опыта. Д. В. Ефременко подчеркивает, что «изменение социально-политических условий и целенаправленные усилия ключевых акторов трансформируют идентичность, придают ей новые качества, а также активируют

---

²⁷³ Making identity count... P. 203.

либо деактивируют те или иные ее аспекты, сформировавшиеся на более ранних исторических этапах»²⁷⁴.

Еще одним примером может послужить переход идеи Европейской интеграции как компонента европейской идентичности в разряд естественных культурных компонентов на фоне масштабного расширения ЕС в 2004 г. и в целом, динамичного углубления интеграционных процессов в Евросоюзе середины 1980-х гг. В то же время, политическая реальность 2010-2020-х гг. (экономические проблемы, миграционный кризис, Brexit, COVID-19 и др.) обусловили политизацию данного компонента, с последующей поляризацией сообщества в рамках выборов сторон за/против и формированием различных систем идентичностей. С другой стороны, Европейская идентичность в рамках ЕС формировалась как политическая идентичность на основе достаточно прочных, но не безупречных культурно-цивилизационных компонентов: общая история, преимущественно христианская культура. Со временем созданные надстроенные компоненты политической идентичности укрепились – перешли в культурное измерение. Причинами были успешная интеграция, а также рост числа людей из поколений, рожденных в рамках «единой Европы». Элементы интеграции и европейской идентичности в этом случае воспринимаются как естественная данность. Последовавшие затем кризис интеграции, растущее число евроскептиков, репутационные удары вроде выхода Великобритании способствовали ослаблению современных компонентов политической идентичности ЕС (идеи об углублении оборонной, социокультурной интеграции), в то же время, укрепившиеся компоненты, ставшие частью культурного измерения сохраняют свою значимость, поэтому можно говорить о достаточно плотном культурном измерении идентичности ЕС. Для западной культуры и национальных идентичностей западных стран также характерна сформированность и определенная самодостаточность всех уровней политической идентичности,

---

²⁷⁴ Ефременко Д.В. Идентичность и сецессия: казус отделения Словении и Хорватии от Югославии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 75.

обусловленной длительным доминированием Запада в международных отношениях. То есть существует ярко выраженный локальный, национальный, межнациональный политический контекст, в котором функционируют конкретные политические силы, имеется пространство для проявления гражданской активности. Как уже было отмечено, основа ближневосточных национальных идентичностей преимущественно в культурном измерении, следовательно и пространство для их политического применения ограничено. Также для ближневосточных идентичностей характерно доминирование политической идентичности национального уровня, межнациональный представлен слабее, но существует с учетом транснациональных движений и идей (панарабизм, пантюркизм и т.д.), локальный – в основном культурный. Данная особенность тесно связана со склонностью ближневосточных политических режимов к единоначалию власти (монархии, небольшому числу политических партий или их полному отсутствию). Также в ближневосточных государствах существенно ограничена (нередко исключена) возможность получения гражданства – идея национальной исключительности.

Можно выделить категорию компонентов катализаторов политизации. Компонент, который в силу ряда внутренних и внешних факторов мобилизует идентичность и распространяет политизационный потенциал на соседние компоненты, иными словами, превращает в политический ресурс то, что изначально им не являлось. Подобный процесс мы видим очень часто на примере серьезных конфликтов, когда как следствие происходит интернирование, «культура отмены» и прочее. Причем, это пример также перехода политизации из внешней политики во внутреннюю, может быть и наоборот - в случае, когда конфликт между официальной властью и другим сообществом внутри государства, а внешние акторы поддерживают восставших. Принцип «враг моего врага - мой друг»

Основными, известными катализаторами является факторы угрозы и успеха. В данном случае угрозу необходимо понимать как прямую угрозу существованию

того или иного сообщества и следовательно его идентичности, например, в рамках вооруженного конфликта, так и символическую угрозу – ограничения в проявлении идентичности, воздействие на ценностное ядро. Что касается фактора успеха, то он наиболее заметен в случае национальных успехов в различных сферах, например в рамках спорта, науки, культуры. Успех укрепляет национальную идентичность посредством ощущения всеобщей причастности. Однако фактор успеха имеет такое же значение для транснациональных и ненациональных идентичностей. Успех европейских интеграционных процессов способствовал укреплению Европейской идентичности. Успех движения BLM или экологической повестки, с сопутствующим общественным резонансом и вниманием политических институтов способствовал распространению и укреплению этих идентичностей.

Д. В. Ефременко подчеркивает, что трансформация идентичности не происходит в вакууме, она выступает результатом взаимодействия (во многих случаях конфликтного) различных идентичностей, включая и этнические²⁷⁵. Так, вектор на активное расширение ЕС в начале 2000-х гг. спровоцировал появление известного Движения Идентистов, зародившегося во Франции. Динамичное развитие и трансформации политического измерения европейской идентичности с либерально-демократическим гражданским ценностным ядром поставило под угрозу национальную идентичность с культурно обусловленными, исторически сложившимися ценностями.

Продолжая мысль о невозможности независимой трансформации идентичности, необходимо затронуть тему баланса компонентов. Избыток однородных компонентов, способствует их конфликтному взаимодействию, дестабилизации всей системы идентичности. Например, в регионах со стремлениями к обретению государственности (Каталония) и, в особенности, если такая государственность была в прошлом (республики бывшей Югославии)

---

²⁷⁵ Ефременко Д.В. Идентичность и сецессия: казус отделения Словении и Хорватии от Югославии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 83.

компоненты политического измерения на локальном уровне вступают в конфликт с аналогичными компонентами на национальном. Другой пример - уже упомянутые национальные идентичности ближневосточных государства. Поскольку системообразующую роль играют культурные компоненты, политика во многом формируется в культурном измерении. Неизбежное появление новых политических компонентов, например в условиях влияния международных СМИ, способствует дестабилизации идентичности, вызванной избытком политических компонентов и конфликтом культурного и политического измерений. Манифестацией подобных процессов можно считать протесты женщин в Иране.

В целом, несоответствие различных компонентов идентичности является серьезным триггером внутренних, системных конфликтов. Под несоответствием следует понимать существенные различия между экономическим, культурным, политическим и другими атрибутами идентичности. Говоря об «идентичности великих держав», Т. Хопф и Б. Б. Аллан пишут - важно, как именно это государство осознает себя в качестве великой державы. Формулировка «государство осознает», оставляет за рамками принципиальную деталь этого «осознания» - кто именно осознает государство? Имеется в виду своеобразное коллективное осознание в рамках воображаемого сообщества или же осознание, сформированное конкретными политическими элитами для реализации конкретных политических программ? Тем не менее, практика показывает, что, если и возможно определенное расхождение в этих двух ипостасях национальной идентичности – оно не должно быть радикальным, иначе идентичность дестабилизируется. Опять же подчеркивается значимость фактора признания. Так, фактически, в некоторых случаях, как в случае с Россией и Турцией, другие великие державы, по мнению Хопфа и Аллана, никогда не предоставляли им равный статус, что способствовало формированию негативной идентичности по отношению к Европе. Наиболее интересные послевоенные идентичности великих держав, пожалуй, наблюдаются в Японии и Германии, где, как показали Катценштайн и Бергер, осознание великодержавности формируется вокруг экономических компонентов

идентичности, но фактически отсутствуют традиционные компоненты военной мощи и политического влияния²⁷⁶.

Национальная идентичность Германии является также особенным примером, где в качестве ключевого негативного компонента выступает отрицание собственного нацистского прошлого, что продолжает серьезным образом отражаться как на отношениях с другими странами (в особенности с Израилем), так и на самой стабильности идентичности²⁷⁷. Данный пример отражает стремление руководства послевоенной Германии выстроить идентичность на основе компонента со слабой валентностью, что послужило причиной формирования комплекса вины и дестабилизировало идентичность. Интересным примером в очередной раз является распад Советского Союза. Советское прошлое, как исторический компонент проявляется во всех постсоветских государствах, причем как сравнительно позитивно (РФ, Беларусь), так и исключительно негативно (Украина, Балтийские страны, страны ЦВЕ). В последнее время в общественном сознании в РФ стремления в той или иной форме вернуть СССР наблюдаются все чаще, а в практическое поле российской политики возвращаются некоторые практики, что можно считать политизацией советской идентичности, как следствие, политизацией прошлого²⁷⁸. В то же время, необходимо подчеркнуть, что возврат одного или нескольких компонентов в политическое измерение естественным образом оказывает влияние на всю систему. Так, согласно данным социологических опросов, наряду с усиливающимися стремлениями восстановить или во всяком случае негативно рассматривать распад СССР, растут стремления дистанцироваться от Европы, что может восприниматься как стремление в очередной раз отгородиться от либерально-демократического мира. Причиной этому неотъемлемый компонент советской идентичности — негативная

---

²⁷⁶ Making identity count... P. 10.

²⁷⁷ Making identity count: Building a national identity database editors T. Hopf, B. B. Allan, New York, NY: Oxford University Press, 2016. P. 16.

²⁷⁸ Распад СССР: восприятие россиян [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 16-17 марта 2021. URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/raspad-sssr-vosprijatie-rossijan>. (дата обращения 03.12.2022).

идентичность по отношению к капиталистическому Западу, как минимум в роли значимого Другого. Совмещение нарративов советской идентичности и позитивного отношения к Западу представляется маловероятным, в особенности в нынешних реалиях, так, Россию считают европейской страной 29%, а неевропейской 64%²⁷⁹. Негативность идентичности, с учетом ее системного характера, проявляется в негативности ее компонентов в максимально возможной степени. Например, выстраивая свою национальную идентичность как негативную по отношению к СССР, Прибалтийские страны негативизировали ее компоненты: культурные, экономические, политические, демонтируя элементы культурного советского наследия, перестраивая экономику, вступая в ЕС и НАТО. Долговременная европоцентричность (или западоцентричность) системы международных отношений, а также колониальное, а затем биполярное прошлое большинства современных государств способствовали становлению элементов западной идентичности в качестве отправных значений, важных компонентов или даже политических основ для формирования национальных идентичностей. Идентичности новых государств, в особенности в биполярный период, формировались в условиях глобального политического, ценностно-культурного противостояния двух международных блоков. Поэтому они в значительной степени развивались по образу и подобию либерально-демократической/социалистической идентичностей, но с определенными изменениями, что и обусловило существование палитры идентичностей после распада СССР и окончания холодной войны.

В определенной корреляции находятся конфликтогенный потенциал и природа национальной идентичности. Гражданский тип с доминирующим политическим измерением, естественно, обладает большей пропускной способностью и значимые этнические меньшинства могут сосуществовать

---

²⁷⁹ Прощай, Европа? [Электронный ресурс] // Левада-центр. URL: <https://www.levada.ru/2021/04/16/proshhaj-evropa/> (дата обращения: 08.02.2023); АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

сравнительно мирно, будучи объединенными в первую очередь в политическом измерении и сохранив этнокультурную самобытность. В национальных идентичностях, с основополагающей ролью культурного измерения с высокой долей вероятности начинаются конфликты. Чем выше число отличий в ценностном ядре, тем выше интенсивность этих конфликтов. Показательны примеры столкновения этих национальных идентичностей, в частности в рамках миграционного кризиса в ЕС. Как уже упоминалось основой идентичности ЕС являлось все же политическое измерение, поэтому, масштабное вливание в социальные отношения мигрантов-носителей ближневосточных национальных идентичностей, с культурными системообразующими компонентами способствовало значительному росту напряженности и конфликтности. Необходимо также учитывать в качестве особой черты идентичности исламский прозелитизм – стремление максимально распространить свою веру.

Исламский фактор также способствует фокусировке идентичности в прошлом, консервации. Пример адаптации религиозного компонента под политические ценности - выступления Папы Римского в поддержку ЛГБТ и т.д.²⁸⁰ Таким образом, разница заключается в том, что в случае ближневосточных национальных идентичностей с сильным влиянием ислама – религиозный компонент, как стержневой компонент культурного измерения формирует ценностное ядро, сложно поддающееся трансформациям, и оказывает определяющее воздействие на политическое измерение идентичности. Это также объясняется упомянутым стремлением подчеркнуть прошлое величие, которое во многом связано с исламом (периоды Халифата для арабских наций, Османской империи для Турции). В Европе – гражданские ценности, выступающие стержневым компонентом идентичности, воздействуют на религиозный компонент – адаптируя его под соответствующий ценностный каркас.

---

²⁸⁰ Pullella P. Pope Francis says laws criminalising LGBT people are a 'sin' and an injustice [Электронный ресурс] // Reuters. 2023. February 6. URL: <https://www.reuters.com/world/pope-francis-says-laws-criminalising-lgbt-people-are-sin-an-injustice-2023-02-05/>. (дата обращения 17.05.2023 г.)

С помощью фрактальной модели можно интерпретировать взаимозависимость уровней по нисходящей линии – от регионального к локальному. Так, в случае конфликта идентичностей в региональном измерении, конфликт в той или иной степени затронет национальное и локальное. Например, начало обострение отношений России и ЕС с 2022 года можно рассматривать на уровне региональной идентичности для государств-членов ЕС, с дальнейшим переходом на национальные уровни (закрытия дипломатических ведомств, границ) и локальные уровни (прекращение межрегиональных контактов). Негативная идентичность обладает высоким потенциалом распространения на всех уровнях.

Прогностический потенциал данного подхода заключается в анализе воздействия внешнего актора на компоненты идентичности, который должен быть максимально чувствительным, следовательно обладать высоким потенциалом политизации в системе конкретного сообщества. К примеру, имея цель разобщить ближневосточные сообщества - воздействия на религиозный компонент идентичности вполне естественно, однако воздействие на религиозный компонент национальных идентичностей государств ЕС вряд ли принесет такой же результат.

Выводы по Главе 2

Исследователи идентичностей индивида давно пришли к выводу об их многочисленном, комплексном характере, обусловленном усложнением общественно-политических отношений, ростом числа идентификационных привязанностей и сообществ для конкретного индивида. Понимание гетерогенности идентичности определило становление в качестве одной из основных концептуальных задач объяснение механизмов взаимодействия нескольких идентичностей. Для анализа многоуровневых и сложносоставных идентичностей исследователями активно применяется системный подход и системное моделирование, позволяющие изучать многочисленные элементы идентификационных систем. Отечественным и зарубежным академическими

сообществами представлен ряд системных моделей, интерпретирующих различные функциональные особенности идентичностей.

В рамках данного исследования предлагается методика фрактального моделирования, разработанная на основе существующих системных моделей и теоретических подходов к изучению идентичности. В основе методики стоит фрактальная модель идентичности, заключающаяся в самоподобии идентичности как системы, а также ее отдельных компонентов на различных уровнях анализа. Паттерном для построения модели служит национальная идентичность, обладающая культурным и политическим измерениями и сохраняющая свою роль основополагающей идентичности в международных отношениях. Предлагаемая методика фрактального моделирования учитывает отмечаемый многими исследователями неиерархический или не строго иерархический характер идентификационных привязанностей, допуская усиление и интенсификацию отдельных уровней, компонентов, идентификаций в зависимости от общественно-политического контекста, внутри- и внешнеполитических факторов. Методика позволяет анализировать свойства и функции идентичности на разных уровнях (до-национальном, национальном, транснациональном) и в двух измерениях (политическом и культурном). На основе исследований когнитивных процессов, сопутствующих идентификации, выделяются группы компонентов – устоявшихся, исторически обоснованных ассоциаций и динамичных, соответствующих актуальному контексту идентификаций. Применение фрактальной модели как инструмента анализа идентичности в международных отношениях способствует качественному пониманию особенностей взаимодействия и конфликтов различных компонентов идентичности, что позволит более точно использовать ее конфликтогенный и стабилизирующий потенциал.

Глава 3. Особенности идентификационных трансформаций в Ближневосточном и Европейском регионах

3.1. «Единство в многообразии»: метаморфозы идентичностей в Европе от постнационализма до национальной исключительности

Европейский регион и европейская цивилизация традиционно находились в авангарде как политической мысли, так и внедрения передовых политических практик. Истоки европейской идентичности как категории регионального самоопределения восходят не только к раннехристианскому, но даже античному периоду европейской истории²⁸¹. В Европе, несмотря на сложный период, функционирует наиболее развитое интеграционное объединение с сохраняющимися элементами наднациональности, чей экономический, политический и социокультурный потенциал, до недавних пор предопределял безусловную притягательность европейской, либерально-демократической модели развития фактически, заявляя о ее универсальности и уникальности. Создание Европейского союза нередко рассматривается как закономерный результат развития европейской цивилизации, но след европейского влияния в силу исторических причин распространяется далеко за пределы географической, политической и культурной Европы. Однако исследователи подчеркивают, что в контексте глобальных преобразований в системе международных отношений и тенденций к формированию многополярного мира Европа, как один из ключевых элементов Западной цивилизации теряет свое миссионерское значение²⁸².

В дискурсе о европейской интеграции и европейской политике непременно фигурирует категория европейской идентичности. Европа, по сути, первая столкнулась с проблемой политизации идентичности, когда Европейский союз

---

²⁸¹ Браницкий, А. Г. Процесс объединения Европы: поиск универсальной парадигмы идентичности: дисс. ... доктора исторических наук. Нижний Новгород, 2006. С. 60.

²⁸² Громько А. А. Метаморфозы политического неолиберализма // Современная Европа. 2020. № 2. С. 16.

довольно успешно политизировал региональную, территориальную и цивилизационную идентичность, встроив в фундамент неотъемлемый, в некотором роде системообразующий компонент в виде ценностей²⁸³. В разные периоды существования ЕС исследователи делали соответствующие прогнозы о будущем наиболее сформированной транснациональной идентичности – от гармоничного сосуществования и дополнения национальных идентичностей единой европейской (например, в рамках постнациональной модели), до фактического отказа от национальных привязанностей в пользу транснациональных²⁸⁴. Очевидно, что на данный момент Евросоюз проходит через множество трудностей от кризиса интеграции до нового роста национализма и пандемии, тем не менее, Евросоюз по праву может считаться наиболее продвинутым интеграционным объединением в современной истории. В пользу этого утверждения говорят, как минимум, результаты, достигнутые в области экономической и политической интеграции, а именно подлинно наднациональный уровень взаимодействия. Успешно функционирующие Шенгенское пространство и общая валюта, пусть не во всех 27 странах, наконец, достаточно сформированное символическое поле, способствующее уже социокультурному объединению – общий флаг, гимн, гражданские документы, регистрационные знаки автомобилей и т.д. Готовность государств-членов делегировать определенные вопросы на наднациональный уровень, жертвуя собственным суверенитетом. Безусловно, начало Специальной военной операции на Украине значительно отодвинуло интеграционную, а вместе с ней и постнациональную повестку. Также ЕС испытал в последние годы ряд репутационных ударов (Миграционный кризис, Brexit). Однако импульс интеграционных процессов, а также несколько поколений людей, выросших и воспитанных на идее единого европейского гражданства и Европейской идентичности достаточно прочно укрепили единую идентичность в природе сообщества ЕС. Европейская идентичность стала способствовать формированию

---

²⁸³ Договор о Европейском Союзе [Электронный ресурс]: подписан в г. Маастрихте 07.02.1992. – Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (с изм. и доп. от 13.12.2007). (дата обращения 17.06.2017)

²⁸⁴ Юдина Т.А. Есть ли шанс появления европейской нации... С. 209.

транснационального гражданского самосознания, связанного с четко определенным, обладающим правосубъектностью, Европейским союзом. Иными словами, Европейский союз, как интеграционное объединение, начал выходить за рамки существования внутри Европы, как институционализированное сообщество в составе региона. ЕС предъявил претензии на то, чтобы «стать» как минимум символической Европой в сознании людей. На практике это проявляется, например, в том, что термины «Европа» и «Европейский союз» все чаще используются, как взаимозаменяемые, в том числе в официальных документах («общая внешняя политика ЕС укрепляет индивидуальность Европы»)²⁸⁵. Обращение к Евросоюзу как к Европе, типично не только внутри ЕС. В выступлениях С. В. Лаврова и других российских (и не только) политических деятелей встречается обращение к «европейцам»²⁸⁶. Уже с момента создания Европейских сообществ распространены формулировки, выражающие стремление «заложить основу для все более тесного союза европейских народов»²⁸⁷. Также, согласно традиционным опросам общественного мнения по программе «Евробарометр», средние по ЕС показатели ощущения, «принадлежности к Европе» и «принадлежности к Евросоюзу», практически уравнились²⁸⁸. Об этом, не в последнюю очередь, свидетельствует притягательность членства в ЕС для многих государств, а также тот факт, что государства - не члены союза, начали восприниматься некоторыми в мире, как «недостаточно Европейские». Даже в

---

²⁸⁵ Договор о Европейском Союзе [Электронный ресурс]: подписан в г. Маастрихте 07.02.1992. – Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (с изм. и доп. от 13.12.2007). (дата обращения 17.06.2017)

²⁸⁶ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова по итогам Совещания «Россия-АСЕАН», Джакарта, 13 июля 2023 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [сайт]. [2023] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1896772/ (дата обращения 14.08.2023)

²⁸⁷ Договор, учреждающий Европейское сообщество [Электронный ресурс]: подписан в г. Риме 25.03.1957. Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (с изм. и доп. от 26.02.2001). (дата обращения 13.04.2020)

²⁸⁸ Eurobarometer 60. Public opinion in the European Union. February, 2004 [Электронный ресурс] / Directorate-General for Communication. [сайт]. [2004] URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb60/eb60_rapport_standard_en.pdf. (Дата обращения: 12.10.2018)

глубоко критикуемом высказывании главы европейской дипломатии Ж. Борреля присутствовала формулировка – «Европа — это сад. Мы создали сад²⁸⁹». Однако, анализируя данные статистики Евробарометра, можно обнаружить, что только для 32% респондентов европейская идентичность стоит на первом месте по сравнению с национальной, 74% респондентов, в принципе, могут идентифицировать себя как европейцы, 94% респондентов также ощущают свою национальную идентичность²⁹⁰. Соответственно, можно сделать вывод, что идентичность европейцев двойственна и, несмотря на приоритетность национальных идентификационных привязанностей, транснациональная идентичность достаточно сильно развита.

Описанные ранее тенденции развития современной системы международных отношений обусловили актуализацию транснациональных идентичностей. Институциональный кризис национального государства в СМО, рост числа государств, сохраняющаяся (и усугубляющаяся) проблема гармонизации этнического и политического измерений нации, массовые миграции, современные коммуникационные технологии вне национальных рамок стимулируют поиск новых оснований и форм политического определения. Кризис либерально-демократической модели, стремление к признанию, перегруженность общественно-политического контекста, укрепление ценностей в качестве основы новых идентичностей – глобальные тенденции, особенно четко наблюдаемые в Европе. Как отмечают исследователи идентичности в международных отношениях, изучение европейской идентичности, как элемента процесса Европеизации должно включать не только ЕС, как институт, но покрывать контекст основателей и

---

²⁸⁹ European Diplomatic Academy: Opening remarks by High Representative Josep Borrell at the inauguration of the pilot programme [Электронный ресурс] / The Diplomatic Service of the European Union. 2022. October 13. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-diplomatic-academy-opening-remarks-high-representative-josep-borrell-inauguration_en (дата обращения 14.11.2022 г.)

²⁹⁰ Eurobarometer 71. Future of Europe. January, 2010 [Электронный ресурс] // Directorate-General for Communication. URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf. (дата обращения 01.06.2017)

последователей, больших и малых государств, кандидатов и соседей, поскольку европейская идентичность у всех своя²⁹¹.

В качестве документа, который первый ввел понятие европейской идентичности в практическое поле европейской политики можно назвать Декларацию о Европейской идентичности, подписанную 1973 году в Копенгагене главами девяти Европейских государств²⁹². Документ отличается элементами типичного для европейской идентичности символизма. В тексте Декларации, страны-подписанты называются «девять государств-членов Европейских сообществ»²⁹³. Необходимо подчеркнуть, что «Европейские сообщества» на тот период, по сути, неинституционализированный субъект региональной политики, включающий три ключевых, формально независимых международных организации (ЕЭС, ЕВРАТОМ, ЕОУС). Подобный шаг является демонстрацией осознания сообществами собственной единой идентичности и готовности к ее дальнейшему распространению. Девять государств, именуемые в Декларации, не иначе, как «девятка» (которым, как известно предшествовала «шестерка»), с одной стороны, подчеркивают свою исключительность, в то же время, стремятся к дальнейшему распространению Европейской идентичности за пределы институтов Европейских сообществ²⁹⁴. В частности, они признают «динамическую природу объединения Европы» и, наконец, напрямую заявляют о «намерении конструировать единую Европу»²⁹⁵. Иными словами, девять (на тот момент) членов интеграционного объединения признавали общность путей и целей развития, тесные исторические и социокультурные связи не только внутри «своего клуба»,

---

²⁹¹ Making identity count... P. 212.

²⁹² Declaration on European Identity of 1973 [Электронный ресурс] // Bulletin of the European Communities. December 1973. Lux.: Office for official publications of the European Communities, 2013.

URL: http://www.cvce.eu/en/obj/declaration_on_european_identity_copenhagen_14_december_1973-en-02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32.html

²⁹³ Оригинальный текст – «The Nine Member Countries of the European Communities»

²⁹⁴ Оригинальный текст – «the Nine»

²⁹⁵ Оригинальный текст – «the dynamic nature of European unification», «the construction of a United Europe».

но и практически на всем континенте, а также утвердили основные принципы поддержания и укрепления этих связей²⁹⁶.

Проблема границ европейской идентичности, как и границ Европы широко обсуждается до сих пор. Г.С. Климова задает типичный не только исследовательский, но и практический вопрос, напрямую связанный с особенностями метаморфоз идентичности в Европе – что значит сегодня быть европейцем? Значит ли это, быть либеральным демократом, христианином или гражданином ЕС? В международных отношениях и мировой политике существует ряд сложившихся, устоявшихся образов Европы. Тем не менее, Г. С. Климова подчеркивает, что даже в религиозном контексте, несмотря на прочную цивилизационную связь Европы и христианства, в европейском регионе существует мусульманская Европа, иудаистская Европа, атеистическая и даже языческая Европа – на севере и на юге²⁹⁷. Разнообразные национальные, религиозные и культурные идентичности, сплетаясь воедино на различных этапах европейской истории формировали общую «единую в своем многообразии» идентичность, в результате сформировав для каждого конкретного индивида «свою Европу» и многочисленные уникальные европейские идентичности. Сплетение идентичностей, помимо прочего, это сплетение мировоззрений, а сплетение мировоззрений в политическом измерении приводит к их конфликтам и трансформации общественно-политических систем.

Внутри Европы выделяется ряд самобытных регионов, которые обладают довольно сформированной собственной региональной идентичностью и оказывают прямое или косвенное влияние на европейскую политику. Для стран Скандинавской Европы исследователи выделяют так называемую «Nordic Identity» (северная, нордическая идентичность)²⁹⁸. В состав данного «региона

---

²⁹⁶ Алексеев Н. Н. Система идентичностей гражданина ЕС: перспективы перехода к постнационализму // Мировая политика. 2019. № 2. С. 24.

²⁹⁷ Klimova G. S. European Identity between Religiousness and Secularity // RUDN Journal of Political Science. 2020. Vol. 22. No 4. P. 618.

²⁹⁸ Фадеева, Л. А. Политика памяти и идентичности в Европейском союзе... С. 89.

идентичности» включают Данию, Финляндию, Швецию, Норвегию (единственное государство – не член ЕС). Также, как часть Северной Европы нередко позиционирует себя Эстония, которая, впрочем, традиционно считается частью другого значимого региона с собственной идентичностью – Прибалтики²⁹⁹. На этом примере следует остановиться, поскольку, если Скандинавия, как регион отличается сравнительной целостностью самоопределения, то категория Прибалтийских государств, по мнению ряда исследователей представляет собой больше «конструкт Запада», чем категорию самоопределения. В частности, наряду с Эстонией, относящей себя к Северной Европе, Литва позиционирует себя как государство Центральной Европы и три прибалтийских государства (Латвия, Литва, Эстония) имеют гораздо больше различий, чем предполагается на Западе³⁰⁰. В то же время, очевидно, что социальные и культурные особенности прибалтийских государств как правило объясняются их общим историческим прошлым, в связи с чем, они часто воспринимаются как одно целое. Кроме того, данный кейс – примечательный пример влияния прошлого – страны бывшего соцлагеря – носители ушедшей социалистической идентичности (от следов которой многие старательно пытаются избавиться) определяются на Западе зачастую как страны ЦВЕ (Центральной-Восточной Европы), причем в эту категорию попадают, как Прибалтийские страны, так и Балканские государства. Помимо прочего, наблюдается очередное противопоставление Запада и неЗапада. В свою очередь Балканский регион представляет собой во многом уникальный пример сосуществования многочисленных идентичностей, являющихся результатом различных идентификационных трансформаций, причем, за довольно непродолжительный исторический период и на сравнительно небольшой территории. Именно Балканский регион является своеобразным «котлом» для цивилизационных идентичностей практически всей Европы, учитывая положение небольших национальных образований в течение долгого времени, зажатых в кольцо крупными интернациональными империями. По территории Балкан

---

²⁹⁹ Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics... P. 306.

³⁰⁰ Ibid.

проходит и религиозное разделение между католицизмом, православием и/или исламом, что оказывается колоссальное воздействие на интерпретации европейской идентичности. Как отмечает Е. Субботич, большая готовность Хорватии нести внутривнутриполитические и экономические издержки вступления в ЕС в 1990-е годы, чем готовность Сербии в тот же период, объясняется большим весом европейской идентичности в Хорватии по сравнению с Сербией, у которой была конкурирующая славянская идентичность, что привело к большей привлекательности России, чем Брюсселя³⁰¹. Кроме того, в европейской палитре идентичностей страны Балканского полуострова выделяются также тем, что мусульмане составляют значимую автохтонную часть от всего населения страны, таким образом Балканы могут считаться центром не иммигрантской мусульманской Европы³⁰². Наконец, выделяются такие региональные идентичности, как Бенилюкс, идентичность Вишеградской группы. С. В. Лавров говорит о формирующейся идентичности Черноморского региона, а также о препятствовании этому процессу странами «западного блока»³⁰³. Таким образом, помимо национальных и «больших» европейских идентичностей в региональных международных отношениях присутствуют другие значимые транснациональные акторы, усложняющие как концентрацию на «большой европейской идентичности», так и полноценный возврат к национальным идентичностям.

Проблема гармонизации многочисленных идентичностей - один из актуальных вызовов мировой политики и международных отношений, отличается особой спецификой и динамикой в Европе. Идеологическая и ценностная неограниченность, лежащая в основе либерально-демократической модели и европейских ценностей, на фоне растущей общественно-политической и

---

³⁰¹ Making identity count... Р. 9.

³⁰² Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения : сборник научных статей. СПб : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. С. 160.

³⁰³ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на 46-м заседании СМД ЧЭС 13 июня 2023 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [сайт]. [2023] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1887611/ (дата обращения 17.08.2023)

гражданской активности, способствует перманентному формированию новых идентичностей, стремящихся к признанию, то есть институционализации и легитимизации в рамках существующих систем. Так, по мнению И.С. Семененко безбрежная политкорректность подрывает уровень доверия в обществе, стимулируя его искать (или бесконечно расширять) границы толерантности³⁰⁴. В Европе максимально активно применяется политика идентичности, в контексте политической активности различных групп меньшинств, направленной на борьбу с дискриминацией и участие в политическом процессе³⁰⁵. По мнению Т.А. Юдиной, подобные подходы применяются в ЕС всеми акторами на национальном и региональном уровнях, как социальными группами, так и отдельными личностями. Также, она выделяет концептуальный конфликт – одновременное существование потребностей в признании равного достоинства каждого и в то же время в собственном отличии, уникальности³⁰⁶. Даже в академическом дискурсе идентичности наблюдается определенное влияние данных политических тенденций и практических решений. Так В.А. Тишков пишет, что в западной научной традиции исследователи сообществ должны отдавать предпочтения тем категориям, политическим словам и обозначениям, которые используются представителями этих сообществ для самокатегоризации³⁰⁷. Иными словами, начинающаяся на тот момент острая фаза политкорректности, в контексте стремящихся к признанию сообществ способствовала расслоению и перегрузке европейского общественного и политического пространства многочисленными идентичностями. Интересы носителей этих идентификаций неизбежно пересекаются, конфликтуют, способствуют обострению политической борьбы за влияние, что существенно усложняет или делает невозможным их гармонизацию.

---

³⁰⁴ Семененко И.С. Политика идентичности и политическая идентичность... С. 22.

³⁰⁵ Noury A., Roland G. Identity Politics and Populism in Europe // *Annu. Rev. Polit. Sci.* 2020. Т. 23. № 1. Р. 423.

³⁰⁶ Юдина Т.А. Есть ли шанс появления европейской нации... С. 222.

³⁰⁷ Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. С. 148.

Кроме того, эрозия материалистических ценностей в европейском сообществе привела к постепенному росту значимости постматериалистических ценностей, сфокусированных на экологии, мире и безопасности, сексуальной свободе, равенстве полов и уважении прав меньшинств³⁰⁸. В современной Европе именно постматериалистические ценности, все чаще становятся основой идентичностей и идентификаций, стремящихся к признанию, а также субъектом политизации и целью политической борьбы, что, впрочем, происходит, как уже говорилось во второй главе с параллельным существованием устоявшихся традиционных культурных идентичностей. По мнению профессора политологии и экономики Калифорнийского университета Жерара Роланда, в целом, в западных демократиях происходят тектонические изменения: референдум по Brexit, появление экстремистских партий (как правых так и левых) в большинстве стран, массовые протестные движения, отказ от глобализации и свободной торговли со стороны широких слоев населения, повышенная враждебность к иммиграции, сильное недоверие к элитам, рост национализма и признаки «отречения» от Евросоюза и наднациональных организаций в целом. А. Ноури и Ж. Роланд подчеркивают, что эти явления были названы популизмом, но концептуально близко связаны с политикой идентичности и нативизмом³⁰⁹. Исследователи нередко связывают рост радикальных левых и правых настроений в Европе со сравнительно неудачной политикой мультикультурализма. Т.А. Юдина справедливо отмечает, что каждая страна в современных условиях становится мультикультурной³¹⁰. Между тем, мультикультурность в европейском регионе не только представлена в особо концентрированном виде, но и является в некотором роде системообразующим, доктринальным ядром европейской политики. Именно в ЕС с его «единством в многообразии» можно говорить о «культуре мультикультурности». Вместе с тем Т.А. Юдина подчеркивает, что государства стремятся добиться признания своей уникальности, ценности для ЕС, равенства в

³⁰⁸ Noury A., Roland G. Identity Politics and Populism in Europe // Annu. Rev. Polit. Sci. - 2020. T. 23. № 1. P. 433.

³⁰⁹ Ibid. P. 422.

³¹⁰ Юдина Т.А. Есть ли шанс появления европейской нации... С. 209.

правах с другими государствами. Борьба за признание своей уникальности основывается на политике поиска различий, в то же время, борьба за равенство в правах основывается на поиске общего³¹¹. Примечательно давно наблюдаемое укрепление в либерально-демократическом европейском социуме национальных идентичностей и их политизации с «правым уклоном». Существует множество факторов, которые способствуют формированию в европейских странах настоящего этнического национализма и влияют на установки национальной идентичности. Например, в случае Прибалтики это сравнительно позднее обретение полной независимости, небольшая территория, пограничное положение этих государств, присутствие значительного этнолингвистического меньшинства, происходящего из бывшего империалистического центра и строгие законы о гражданстве³¹². Многие страны ЕС пропустили этап поступательной, постепенной национализации, находясь в составе более крупных государственных образований. Сильнейший толчок к росту популярности правых партий и в целом идей, отличающихся различной степенью национализма, дал миграционный кризис 2015 года. В этом контексте Т.А. Берцель и Т. Риссе выделяют инклюзивную и эксклюзивную национальные идентичности. Если первая допускает вторичные идентификации, то последняя стремится к исключительности. Популистские евроскептические партии и движения, особенно правые, активно занимались мобилизацией граждан именно с эксклюзивной, исключительной национальной идентичностью. Они намеренно использовали политику идентичности, чтобы превратить латентные ценностные установки граждан в открытое политическое поведение, то есть политизировать их³¹³. Правые и левые партии естественно концентрируют внимание избирателей в первую очередь на основанных на идентичности социальных разрывах – проблемах этноса, национализма, религии, ценностей, политизируя их и превращая в ресурс политической борьбы³¹⁴.

³¹¹ Юдина Т.А. Есть ли шанс появления европейской нации... С. 209.

³¹² Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics... P. 308.

³¹³ Börzel T.A., Risse T. From the euro to the Schengen crises: European integration theories, politicization, and identity politics // Journal of European Public Policy. 2017. Т. 25. № 1. С. 101.

³¹⁴ Noury A., Roland G. Identity Politics and Populism in Europe... P. 430.

Ф. Фукуяма подчеркивает, что левые интерпретации политики идентичности, напротив усиливают стремления к проведению политики идентичности правого толка³¹⁵.

В рамках данной работы уже говорилось о глобальной тенденции к политизации идентичностей, вызванной модернизацией общественно-политических отношений, усложнением комплексов идентичностей. М.М. Мchedлова и Д.Б. Казаринова говорят о политизации идентичностей как о процессе активизации неполитических идентичностей и их трансформации в политические «мегаидентичности»³¹⁶. Ключевые идентичности политизируются в Европе в рамках экологической, климатической, гендерной повесток, правах меньшинств, а также чрезвычайно актуального для ЕС вышеупомянутого стремления сообществ к признанию. Миграционные потоки (как наиболее обсуждаемые внешние, так и внутриевропейские), а также всепоглощающий характер европейских ценностей обусловили перегруженность общественного пространства идентичностями и способствовали политизации изначально неполитических идентичностей. Б. Строт пишет о политизации самой концепции идентичности. Иными словами, коллективную идентичность сегодня вряд ли вообще можно воспринимать вне политики. По мнению Б. Строта, это свидетельствует о глубоком кризисе идентичности в Европе в целом и в ее отдельных странах, сопровождаясь все более громкой националистической и ксенофобской лексикой — политические эмоции заменяют политические институты³¹⁷. Растущая значимость социальных медиа и колоссальное число фейков в информационном пространстве Европы ведут к укреплению общественного скептицизма и недоверия, в особенности, в эпоху постфактического релятивизма, когда проявление идентичности опережает проверку фактов³¹⁸.

---

³¹⁵ Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия... С. 152.

³¹⁶ Мchedлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. 2020. № 4. С. 25.

³¹⁷ Stråth B. Identity and social solidarity: an ignored connection... P. 227.

³¹⁸ Noury A., Roland G. Identity Politics and Populism in Europe... P. 434.

Сторонники универсалистских концепций сообщества и автономии, выступают против тех, кто подчеркивает право на сохранение традиционных сообществ, которым угрожает многокультурное общество³¹⁹. Как уже упоминалось в Европе проходит комплекс «пограничных линий» очерчивающих «зону влияния» различных цивилизационных макроидентичностей - православно-христианской, католической, либерально-демократической и др. Находясь в противоречиях по одним вопросам (консервативная позиция Польши по ЛГБТ-повестке, квоты на прием беженцев, меры по противодействию пандемии), в то же время проявляя сравнительное единство по другим (антироссийские санкции), политизируясь и выстраиваясь в сложные системы, данные идентичности нечетко очерчивают границу, определяя условные «Запад» и «неЗапад», формируя таким образом новые идентичности вне регионального измерения. И. Ю. Окунев также говорит о ментальной границе Европы и России. По его мнению, гражданская война на Украине способствовала оформлению мифа о существовании и параллельном развитии двух государств, вышедших из ядра Древней Руси — европейского демократического украинского и восточного деспотичного российского. Это привело к упомянутому во второй главе формированию негативной идентичности, когда сущность идентичности «А» заключается в первую очередь в том, чтобы не быть подобной идентичности «В». Однако в данном случае антагонизм двух образований привел к реинтерпретации на Украине не только национальной украинской, но и всей европейской идентичности как антироссийской³²⁰. В целом, современное глобализированное информационное пространство детерриториализирует современные политические идентичности. На практике это проявляется в формировании идентичностей общественных движений, объединяющих людей в разных точках планеты и находящихся в сетевом пространстве, например - европейская поддержка протестующих женщин в

---

³¹⁹ IbidP. 432.

³²⁰ Окунев И.Ю. Запад/неЗапад: кривое зеркало мировой политики [Электронный ресурс] // РСМД. 2019. 21 марта. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-nezapad-krivoe-zerkalo-mirovoy-politiki/>. (дата обращения 15.09.2022)

Иране³²¹. Если понимать под политизацией идентичности политический выбор в категориях «свой»-«чужой» по вопросам, относящимся к другим государствам и регионам, то «своими» в этом контексте нередко становятся люди в разных регионах мира, «чужими» – ближайшие соседи.

Другая глобальная тенденция современных идентификационных трансформаций, наблюдаемая в пределах Европейского союза – вневременной характер идентичности. Историческая политика и политика памяти, определяемые О. Ю. Малиновой как деятельность государств и других акторов, направленная на формирование конкретных (выгодных политическим акторам) представлений о коллективном прошлом – неотъемлемая часть современных политических процессов. Кроме непосредственно представлений о прошлом, создается культурная инфраструктура, реализуется образовательная, а в некоторых случаях – законодательная политика для поддержания этих представлений³²². В Европе также активно политизируется прошлое, что особенно важно, в категориях настоящего. Актуальным примером может служить акция противников колониальной политики, которые атаковали короля Карла III, снос памятников советским войнам в прибалтийских странах, переименование улиц³²³. Д.В. Ефременко справедливо замечает, что новые члены ЕС (страны ЦВЕ, присоединившиеся после распада СССР и социалистического блока) способны «пересилить» старый европейский нарратив о Холокосте в политическом контексте, поскольку борьба за прошлое разворачивается вокруг самых чувствительных и неоднозначных тем, которые многие национальные сообщества ЕС стремятся развернуть в свою пользу³²⁴. Однако в историческом контексте это

---

³²¹ To the women in Iran: We hear you. The world sees you. We are with you. [Электронный ресурс] // European Parliament. 2022. October 17. URL: <https://the-president.europarl.europa.eu/home/ep-newsroom/pageContent-area/actualites/to-the-women-in-iran-we-hear-you-the-world-sees-you-we-are-with-you.html>. (дата обращения 16.04.2023)

³²² Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики... С. 291.

³²³ York: Student arrested after eggs thrown at King Charles [Электронный ресурс] // BBC. 2022. November 9. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-york-north-yorkshire-63569908>. (дата обращения 19.12.2022)

³²⁴ Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы... С. 70.

создает значительные коллизии и может провоцировать новые «войны памяти», что подтверждает твердость культурного измерения по сравнению с политическим. Л. А. Фадеева утверждает, что политика памяти в ЕС привела к тому, что нарратив победы антифашистской коалиции несовместим с нарративом о преступлениях тоталитарных режимов и, в существующих внутренне- и внешнеполитических реалиях, происходит сакрализация последнего, тогда как общая победа над главным злом XX века подлежит забвению³²⁵. В контексте фрактальной модели, необходимо подчеркнуть, что победа антифашистской коалиции в данном случае – стихийная идентификация, которую затмевают укоренившиеся в культурном измерении компоненты цивилизационной несовместимости Запада и неЗапада, усиленные холодной войной, начавшейся фактически сразу после победы. Не менее примечателен запрос на бескомпромиссное разграничение идентичностей в контексте политического выбора – «за» и «против». Олицетворением подобного запроса выступает недавнее высказывание вице-премьера Латвии А. Пабрикса – «у нашего русского меньшинства есть выбор: они либо поддерживают эту страну и являются патриотами, либо поддерживают Путина» (прим. - перевод автора, оригинал – «our Russian minority has a choice to make: They have to either support this country and be patriots or support Putin».)³²⁶. О насаждении разделительных линий в духе «либо с нами, либо против нас» и отсутствии компромиссов говорит министр иностранных дел РФ С. В. Лавров³²⁷.

Тем не менее, Европейский союз, несмотря на сложный период является примером сообщества, наиболее близкого к постнациональному, а европейская идентичность в географическом смысле также одна из наиболее осязаемых

---

³²⁵ Фадеева, Л. А. Политика памяти и идентичности в Европейском союзе... С. 90.

³²⁶ Higgins A. Soviet Monuments Become Latest Target of Backlash Against War in Ukraine [Электронный ресурс] // The New York Times. 2022. September 22. URL: <https://www.nytimes.com/2022/09/25/world/europe/soviet-monuments-war.html>. (дата обращения 19.12.2022)

³²⁷ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на общеполитической дискуссии 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 24.09.2022 // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. [сайт]. [2022] URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1831211/ (дата обращения 14.06.2023)

региональных идентичностей. Граждане государств-членов ЕС не готовы полностью отказаться от наций, но наднациональный уровень ряда политических институтов Евросоюза, говорит о готовности жертвовать суверенитетом, который является неотъемлемым компонентом национально-государственной идентичности. Глобальная культура выходит за рамки национальных государств и даже регионов, создавая сообщества, принадлежность к которым определяется по маркерам ценностей и взглядов, с языком в роли инструмента. Осязаемыми остаются границы цивилизаций, определяемые, например, в рамках концепции С. Хантингтона, хотя, в то же время выделяются новые направления регионализации. Постнациональную природу европейской идентичности активно исследовал Ю. Хабермас. Это часть длинной череды исследований, которые, показали, что европейский процесс интеграции, безусловно, подорвал исключительно национальный и государственный взгляд на политику. В частности, в нео-функционалистской литературе было предложено видение интеграционного процесса, который пытался отразить фрагментарный способ, которым послевоенная (Западная) Европа создавалась как единое экономическое и политическое пространство. В рамках этого процесса было высказано предположение, что появление Европейских сообществ, а затем и союза ослабило территориальность и суверенитет, выступавшие в качестве объединяющих принципов как внутренних, так и внешних политических действий. Постепенное построение европейской идентичности - не в противовес национальной и локальной идентичности, а как естественное отражение появления новых наднациональных политических структур и практик, к которым люди все больше адаптировались и которые они больше поддерживали на основе рациональных расчетов, а не эмоциональных привязанностей - было частью этого видения функциональной интеграции. Существует постнациональная концепция Д. Кастильоне, который также разделяет национальную и политическую идентичности, представляя верность и лояльность политике более рациональным и абстрактным, а не эмоциональным образом - несколько оторванным от культурных

и психологических процессов идентификации³²⁸. Эта позиция придает очень мало значения политической идентичности как «исключающей» идентичности. По мнению Кастильоне, приверженность, которую можно иметь к системе законов и прав, разработанных ЕС (даже против национального правительства), проистекает из универсальности принципов, отстаиваемых этой системой, или из-за императивов, ориентированных на эффективность рынка и бюрократического управления. В соответствии с такой точкой зрения, все, что необходимо сделать для того, чтобы выполнить социальные и политические обязательства на европейском уровне — это развивать некое универсальное гражданство, приспособленное к правам других; или вообще игнорировать дискурсы демократической гражданственности и политической идентичности, полностью полагаясь на другие механизмы формальной и материальной легитимности³²⁹.

Впрочем, существует иная, более «республиканская» концепция постнациональной политики, которая не обесценивает важность национальной идентификации, как части процесса политической интеграции. Джеффри Чеккел и Петер Катценштайн настаивают на важности политики идентичности как части новой нормативной базы для демократической политики на наднациональном и постнациональном уровнях. Ю. Хабермас разработал такую версию, предложив «конституционный патриотизм» в качестве основы политической идентичности на европейском уровне³³⁰. Это своего рода патриотизм (отсюда особая привязанность к «европейскому государству»), но тот, который, по мнению Хабермаса, должен основываться на «гражданском» (и космополитическом) понимании принципов, лежащих в основе «европейского государства». Следовательно, оно должно быть открыто для включения «другого», но при этом должно основываться на самопонимании европейской перспективы, объединяя, таким образом, как универсалистские, так и частные случаи. Это то, что делает его одновременно

---

³²⁸ Checkel J.T., Katzenstein P.J. (eds.) *European identity...* P. 33.

³²⁹ Ibid... P. 41.

³³⁰ Habermas J. *Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie.* Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1999. 404 S.

привлекательным и отличающимся в качестве нормативного толкования европейской идентичности. Демонстрация Хабермасом необходимости европейской политической идентичности начинается с наблюдения того, что исчерпаны как объяснительная ценность, так и политическая сила некогда влиятельной неофункциональной теории европейской интеграции как самоходного процесса. Побочный характер экономической и социальной интеграции, предусмотренный неофункционалистской моделью, не требовал «общеевропейского сознания». Более того, общая внешняя политика и политика безопасности нуждаются в более открытых формах формирования мнения и воли и, следовательно, в развитии европейской публичной сферы. Поэтому для Хабермаса решение, принятое в Лакене в 2001 году о начале более открытой дискуссии о написании европейской конституции, было, таким образом, своевременным способом устранения недостатков неофункционалистского нарратива и подхода к европейской интеграции. Конституция обеспечила бы основу для новой формы государственности на наднациональном уровне и для определения структуры внутриполитической власти в ЕС³³¹. Тем не менее, в данном случае следует подчеркнуть сакральную роль конституции, основополагающего документа, выступающего ядром данной модели политической идентичности. Если для политической культуры западных государств подобная сакральность характерна, то в политической культуре, например, Ближневосточного и/или Азиатского региона, большей значимостью нередко являются неполитические традиции и устои. Неудивительно, что значительная часть исследований постнационализма посвящена западным государствам и регионам. В некотором смысле в контексте постнационализма в Европе можно рассматривать идеи Д. Спринга, бывшего руководителя ирландской лейбористской партии и премьер-министра в правительстве Фитцджеральда в 1980-е гг. Спринг говорил о национализме - национальной идентичности, свободной от

---

³³¹ Лаакенская декларация. Будущее Европейского Союза [Электронный ресурс]: принята в г. Лаакене 15.12.2001. – Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (с изм. и доп. от 26.02.2001).

территориальной привязки. По мнению российских исследователей Д. Спринг был сторонником постнационализма и не удивительно, что эта идея родилась в голове ирландского политического деятеля именно в период очередной эскалации в англо-ирландских отношениях и обострением вопроса статуса Северной Ирландии³³². Однако перспективы постнациональной идентичности, о которых говорили в контексте максимального расширения ЕС, идеи общей политики обороны и социокультурной интеграции отошли на второй план, в контексте глубокого кризиса Евросоюза и Евроинтеграции.

Тем не менее, необходимо подчеркнуть, что искусственно конструируемая европейская идентичность не первая в своем роде. Постнациональные процессы, характеризующиеся формированием у индивида привязанности к государству-нации в политическом измерении и сохранением этнической привязанности в культурном измерении, по сути своей являются аналогичными трансформациям идентичности в период становления американской, советской и даже российской государственности. Можно утверждать, что поиск и выявление сообществом людей общих компонентов для объединения и формирования своей уникальной идентичности – закономерный процесс, при взаимодействии различных групп. Глобализация и усиливающаяся унификация общественной жизни, распространение транснациональных идей, взглядов и ценностей (общественные движения в защиту прав кого-либо, против дискриминации, в защиту экологии), на платформе современных коммуникационных технологий вывели этот процесс на качественно новый уровень. Отдельную роль в этом сыграли растущие миграционные потоки, в особенности в США и в ЕС. В этом заключается природа постнациональной идентичности, которая, в отличие от транснациональных привязанностей, имеет более сформированный характер. На настоящий момент углубление европейской интеграции и постнациональные преобразования европейской идентичности находятся в очевидной стагнации, вызванной как внешними, так и внутренними факторами. Тем не менее, звучавшие в конце 2010-

---

³³² Свой и чужие... С. 64.

х гг. идеи создания наднационального оборонного объединения, по сути, долгожданная идея «армии Европы», говорят о имеющемся потенциале для дальнейшего вывода идентификационных привязанностей за пределы национальной идентичности³³³. Оборонные амбиции, а также значимость единой политики безопасности для формирования общей идентичности отмечены уже в Едином Европейском акте («...пришли к соглашению о необходимости развивать подлинно Европейскую идентичность в области безопасности и обороны»)³³⁴.

Итальянский исследователь Р. Алонци видит в качестве основы европейской идентичности совокупность общих правил, которые, однако не относятся к этикорелигиозной сфере, но представляют собой общепринятые принципы. В качестве примера таких принципов приводятся типичные для ЕС права человека и, в очередной раз, охрана окружающей среды. В контексте рассуждений о постнациональном характере идентичности ЕС, примечательно, что Алонци вводит категорию постхристианского государства, основанного на новой гражданской религии, на которую опирается легитимность ЕС³³⁵. Используемая Р. Алонци формулировка «гражданская религия» очень точно описывает ситуацию в Европейском союзе. Либеральная европейская политическая среда характеризуется многочисленными постмодернистскими и постструктуралистскими идентичностями, выходящими за рамки государств и регионов и сформированными на основе идей и ценностей, а роль конфессий нового типа выполняют современные общественные движения. Транснациональные идентичности, распространяющиеся по всему миру и нередко зарождающиеся в Европе оформляются с использованием конфессиональной символики, превращаясь в неотъемлемую часть, если не общественно-

---

³³³ Алексеев Н. Н. Системы безопасности Европейского Союза и Европы: сложности определения, перспективы трансформации, постнациональный контекст // Конфликтология / nota bene. 2020. № 4. С. 79-88.

³³⁴ Единый европейский акт (ЕЕА) [Электронный ресурс]: подписан в г. Люксембурге 17.02.1986 и в г. Гааге 28.02.1986. – Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс». (дата обращения 19.11.2019)

³³⁵ Алонци Р. Роль христианства в формировании политической идентичности Евросоюза: размышления папы Бенедикта XVI // Современная Европа. 2020. № 4(97). С. 145.

политической, то культурной и духовной жизни. В свою очередь, лидеры, важные общественные деятели становятся субъектами культов. Так, в Швеции широкий общественный резонанс приобрели дискуссии о том, что юная шведская экоктивистка Г. Тунберг является преемницей Иисуса Христа (так объявил один из приходов). В результате Церкви Швеции пришлось давать официальные разъяснения³³⁶. В то же время, в пользу неоднородности и Европы, и Европейского союза следует отметить, что А. Д. Смит относит поляков, сербов и хорватов, к числу этнических общин, идентичность которых основана на религиозных критериях дифференциации, в равной степени с шиитскими персами³³⁷.

Как ни парадоксально, но, несмотря на, казалось бы, максимальную сформированность по сравнению с другими региональными, транснациональными идентичностями, идентичность ЕС, по мнению исследователей как во внешне-, так и во внутривнутриполитическом измерениях до сих пор остается «ускользающей» категорией. Ее динамичность, множественные формы, отсутствие привязанности к четким факторам формирования и функционирования до сих пор не позволяют ее четко определить или измерить³³⁸. Е. Б. Михайленко и В. И. Михайленко также утверждают, что европейская идентичность не определяется в традиционных этнических, биологических, территориальных, культурных, языковых, религиозных и национальных категориях³³⁹. Непосредственно наблюдавшие создание Европейского союза известные исследователи Э. Хаас, Ж. Монне, Д. Митрани прогнозировали ослабление национальных государств вплоть до создания европейского «супергосударства»³⁴⁰. Время по мнению Е. В. Хахалкиной

³³⁶ No, Church of Sweden has not proclaimed Greta Thunberg as one of Jesus Christ's successors [Электронный ресурс] // Svenska Kyrkan. 2023. January 9. URL: <https://www.svenskakyrkan.se/ga-till-kallan/no-church-of-sweden-has-not-proclaimed-greta-thunberg-as-one-of-jesus-christs-successors> (дата обращения 15.01.2023)

³³⁷ Smith A. D. National identity... P. 17.

³³⁸ Хахалкина Е. В. ЕС в современном мире: проблемы региональной политики и внешнеполитической идентичности // Современная Европа. 2020. № 5(98). С. 207.

³³⁹ Михайленко, Е. Б. Внешняя региональная политика Европейского союза. Европейский интеррегионализм : монография. Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. 2019. С. 59.

³⁴⁰ Монне, Жан. Реальность и политика : Мемуары / Жан Монне; Пер. с фр. В. Божовича. М: Моск. шк. полит. исслед., 2000. С. 539.

подтвердило ошибочность этих предположений. В качестве аргумента она приводит растерянность Брюсселя в начале пандемии COVID-19 и, в частности, одностороннее закрытие границ некоторыми странами союза без согласования с ЕС, что в условиях возникшей угрозы способствовало актуализации национальной идентичности³⁴¹. Впрочем, необходимо отметить, что закрытие границ не обязательно отражает ослабление транснациональных идентификационных связей. Если в случае локальной угрозы в регионе РФ будут закрыты границы или введен карантин, то это вряд ли будет означать крах государственности. Естественная реакция на угрозу – обращение к более сформированным, четко определенным, ближайшим сообществам. Э. Хаас, Ж. Монне, Д. Митрани вполне логично прогнозировали дальнейшее развитие транснациональных идентичностей в контексте окружающей их политической реальности, не предполагая масштабы вызовов, ожидающие эту реальность в будущем. В то же время, неспособность ЕС скоординировать политику и выступить единым фронтом говорит о существенном недостатке объединяющего потенциала европейской идентичности. Локдаун, как крайняя мера, применявшаяся в той или иной степени практически всеми государствами в рамках борьбы с коронавирусом, поставил под угрозу принцип открытости, лежащий в основе не только Европейского союза, но и общей логики европейских интеграционных процессов. Локализация экономики и ослабление международного сотрудничества, также подорвали фундамент ЕС. Согласно специальному выпуску Евробарометра граждане, опрошенные во всех 27 государствах-членах, считают, что после опыта пандемии люди также будут больше обращаться к местным, национальным поставщикам³⁴². Как результат СМИ и данные социологических опросов свидетельствовали об усилении национальной и локальной привязанностей. Вынужденная локализация проявилась также в информационном пространстве, где большее внимание ожидалось уделялось национальным и региональным событиям. Крайне жесткие меры одних государств-

³⁴¹ Хахалкина, Е. В. ЕС в современном мире... С. 207.

³⁴² Standard Eurobarometer 93. The EU and the coronavirus outbreak. Presentation. October, 2020 [Электронный ресурс] // The European Union. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2262> (дата обращения 13.11.2020).

членов (Германия), вместе с либерально-безразличной политикой других (Швеция) отражают недостаточную сформированность транснациональной идентичности. Не обошлось без традиционного для информационного пространства Евросоюза «объединяющего символизма». Урсула фон дер Ляйен, обращаясь к гражданам ЕС подчеркнула их единство не только в многообразии, но и в невзгодах³⁴³. Значительная разница в уровне лояльности национальной и Европейской идентичности наблюдается отмечается в общественно-политическом дискурсе ключевых государств ЕС – Франции и Германии. Для сравнения был выбран анализ новогодних обращений президента Франции и канцлера Германии. В частности, в обращениях к Франции типичны частные отсылки к нации, национальной идентичности и гораздо реже в обращение вплетается европейская идентичность, хотя она так или иначе присутствует. В 2016 году Ф. Олланд говорил о «наследии нашей истории, нашего языка, нашей культуры, но, прежде всего, это уважение, внушаемое нашими ценностями, нашим образом жизни, нашей привязанностью к свободе»³⁴⁴. Примечательно главенствующая роль ценностей, учитывая гражданскую модель французской национальной идентичности. Поздравление в 2023 году начинается с обращения к армии, национальным службам безопасности, что вписывается в рамки международно-политического контекста, но выделяется на фоне того, что именно Э. Макрон был ключевым идеологом развития европейского оборонного объединения. Также в 2023 году в обращении французского президента звучит «Да здравствует наша Европа», что, впрочем, объясняется началом председательства Франции в ЕС³⁴⁵. Анализируя обращения

---

³⁴³ State of the Union Address by President von der Leyen at the European Parliament Plenary [Электронный ресурс] // European Commission. 2020. September 16. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_20_1655 (дата обращения 17.11.2020 г.)

³⁴⁴ Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur la France face au terrorisme, la lutte contre le chômage et sur la construction européenne [Электронный ресурс] // Élysées. 2015. 31 décembre. URL: <https://www.elysee.fr/francois-hollande/2015/12/31/declaration-de-m-francois-hollande-president-de-la-republique-sur-la-france-face-au-terrorisme-la-lutte-contre-le-chomage-et-sur-la-construction-europeenne-a-paris-le-31-decembre-2015> (дата обращения 15.06.2023)

³⁴⁵ Vœux 2023 aux Français [Электронный ресурс] // Élysées. 2022. 31 décembre. URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/12/31/voeux-2023-aux-francais> (дата обращения 15.04.2023 г.)

немецких канцлеров, четко просматривается самоопределение Германии в качестве «локомотива Евросоюза», обращения к Европе по количеству не уступают, а иногда превышают обращения к нации. Так, в 2015 году термин «нация» встречается один раз – по отношению к национальной команде по женскому футболу, в 2023 году – не встречается ни разу³⁴⁶.

Интересным образом проблемы идентичностей Европы и Ближнего Востока проявились в рамках одного важного глобального события – чемпионата мира по футболу 2022 года в Катаре. Несмотря на звучащие со всех сторон, ставшие мейнстримом истеблишмента тезисы о «спорте вне политики», приходится наблюдать прямо противоположное³⁴⁷. Первый в истории мундиаль на Ближнем Востоке стал поводом для ироничных высказываний о том, что непосредственно футбол интересует многих в последнюю очередь, а также выступил в качестве площадки для «вечной борьбы Запада и Востока»³⁴⁸. Авторитетное немецкое издание Spiegel уделяло гораздо больше внимания акциям в духе политики идентичности – появлению немецкого министра внутренних дел Нэнси Фезер в повязке, поддерживающей представителей ЛГБТ, протестная акция немецкой сборной на первой игре и др³⁴⁹. Примечательно, что после сравнительно быстрого выбывания национальной сборной ФРГ из борьбы за основной титул, новости, связанные непосредственно с турниром, стали появляться чаще. В заключение следует добавить, что поляризация общества на основе конфликтующих

---

³⁴⁶ Neujahrsansprache 2015 [Электронный ресурс] // Die Bundesregierung. 2015. 31. December. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/neujahrsansprache-2015-798300> (дата обращения 14.03.2022 г.); Neujahrsansprache 2023 [Электронный ресурс] // Die Bundesregierung. 2022. 31. December. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/neujahrsansprache-2023-2156084> (дата обращения 05.05.2023 г.)

³⁴⁷ Pascal J. Opinion: The World Cup in Qatar has deepened divisions [Электронный ресурс] / Jochem Pascal // DW. – 2022. – December 16. – URL: <https://www.dw.com/en/opinion-the-world-cup-in-qatar-has-deepened-divisions/a-64126557>. (дата обращения 03.03.2023)

³⁴⁸ Там же.

³⁴⁹ Deutsche Spieler halten sich bei Teamfoto den Mund zu // Spiegel. – 2022. – November 23. – Режим доступа: <https://www.spiegel.de/sport/fussball/wm-2022-deutschland-setzt-ein-zeichen-vor-dem-japan-spiel-protest-gegen-fifa-a-9db51b59-5820-4ba6-82e7-c4e73ce29c44>. – Загл. с экрана.; Faesers «One Love» - Binde soll ins Haus der Geschichte // Spiegel. – 2022. – November 24. – Режим доступа: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/nancy-faeser-one-love-binde-soll-ins-haus-der-geschichte-a-e036b0f6-dba1-4810-980a-b6c690f02aa3>. – Загл. с экрана.

идентичностей – глобальная тенденция, отмечаемая и в Европейском, и в Ближневосточном регионах, с соответствующей спецификой. В проблематике идентичности неизбежно растет количество вопросов как исследовательского, так и практического характера, однако их решение необходимо, для обеспечения стабильности и безопасности любого общественно-политического пространства.

Завершая разговор о метаморфозах европейской идентичности, можно добавить, что она так и не дает однозначного ответа на фундаментальный вопрос, заданный Г. С. Климовой – «что значит сегодня быть европейцем?». Также в этом контексте следует упомянуть одно из недавних высказываний главы Еврокомиссии Урсулы фон дер Ляйен в рамках визита президента Украины Владимира Зеленского³⁵⁰. «Вы говорили очень трогательно, восхваляя европейский образ жизни. И вы добавили, что украинцы хотят вернуться домой – к этому европейскому образу жизни. И конечно, сегодня, вы видите, что мы – одна семья; у нас одно видение»³⁵¹. Скрываясь во внешнеполитической риторике, остаются не отвеченными ключевые вопросы – какой период украинской истории можно считать «нахождением дома» и, конечно, что именно характеризует «европейский образ жизни», тем более что здесь мы можем наблюдать и исторический и культурно-бытовой контекст, которые в свою очередь являются важнейшими компонентами любой идентичности.

3.2. Особенности взаимодействия идентичностей на исламском Ближнем Востоке: религиозный фактор и имперское прошлое

Ближневосточный регион традиционно является одним из наиболее притягательных объектов для исследования среди специалистов по историческим

---

³⁵⁰ Statement by President von der Leyen at the joint press conference with President Michel and Ukrainian President Zelenskyy on the occasion of the special meeting of the European Council of 9 February 2023 / European Commission. – 2023. – February 9. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_23_722. – Загл. с экрана.

³⁵¹ Оригинальный текст – «You spoke in a very moving manner, praising the European way of life. And you added that Ukrainians want to come home to this European way of life. And indeed, today, you see that we are one family; we have one vision».

и политическим наукам, ввиду перманентной актуальности и фундаментальности протекающих в этом регионе процессов, а также значимости данного региона для глобальной стабильности и безопасности. Региональная система международных отношений, как и вся социо-политическая среда Ближнего Востока характеризуется особой самобытностью. Благодаря данным характеристикам, Ближний Восток в цивилизационном аспекте можно считать едва ли не ключевым незападным регионом, оказывающим серьезное воздействие на все сферы мировой политики и международных отношений.

Региональное измерение ближневосточной политики, в отличие от европейской, характеризуется даже большей конкурентностью, обусловленной борьбой государств (и других акторов) за региональное лидерство, кроме того, ближневосточная региональная политика неразрывно связана с сохраняющимися историческими этнополитическими конфликтами и противоречиями, а также, системообразующую роль играют религии и традиции³⁵². Неразделимость религиозных и государственных институтов, большое значение местных идентичностей (племена, расширенные семьи), фрагментированность общества создают самобытную социальную организацию, которая транслируется во внешнюю политику³⁵³. И. Ю. Окунев, анализируя происхождение региональной идентичности Ближнего Востока, приходит к выводу, что она в принципе является не автохтонной, а навязанной. В качестве причин называется колониальный и постколониальный контекст, в рамках которого происходило оформление и осознание самостоятельного Ближневосточного региона. Так, по словам И. Ю. Окунева, Западная Европа, стремящаяся в Средние века осознать собственную цивилизационную идентичность, использовала самый простой метод – негативную идентичность, противопоставляя себя мусульманскому Востоку. Гуманистический поворот способствовал формированию на Западе

---

³⁵² Алексеев, Н. Н., Аверьянова Д. А., Комаха А. А. Актуализация регионального лидерства в современных международных отношениях: сравнительный анализ Европейского и Ближневосточного регионов // Международные отношения. 2021. № 1. С. 19.

³⁵³ Звягельская, И. Д. Символы и ценности в международных отношениях... С. 121.

индивидуализма, соответственно Восток представлялся коллективистским, если на Западе господствует рационализм, то на Востоке мифы и духовность, если в Европе представительная демократия, то на Востоке деспотизм и т.д. В результате, по мнению И. Ю. Окунева, Запад навязал Востоку искусственные представления о нем самом в процессе колонизации, в свою очередь Восток принял эти стереотипы. Все это, подкрепляясь продолжительным доминированием Европы и Запада в мировой политике (в том числе после деколонизации) способствовало тому, что Восток принял и изначально подчиненное положение по отношению к западной культуре³⁵⁴. Формирование новых государств шло согласно европейской модели национального государства, что до сих пор не позволяет стабилизироваться многим политическим системам Ближнего Востока и Африки. Более того, лидерами деколонизации часто становились люди с западным образованием и имевшие опыт службы в колониальных администрациях, поэтому новые государства они строили по образцу бывших метрополий³⁵⁵. Своеобразным подтверждением западно-центричного подхода может служить подписанный 22 марта 1945 года Пакт Лиги арабских государств (в некоторых источниках Хартия), который в геополитическом контексте того периода имеет нетипичный для данного региона, максимально светский характер³⁵⁶. В то же время, в условиях новых реалий в международных отношениях, а также, укреплению международных позиций ряда ближневосточных государств (в особенности Саудовской Аравии) в подписанной в 2004 году Арабской хартии прав человека центральное значение имеет ислам, а Бог упоминается уже в первой статье³⁵⁷. Фундаментальные трансформации в системе международных отношений, а также растущее экономическое и политическое влияние ближневосточных держав стимулирует их,

---

³⁵⁴ Окунев И.Ю. Запад/неЗапад: кривое зеркало мировой политики [Электронный ресурс] // РСМД. 2019. 21 марта. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-nezapad-krivoe-zerkalo-mirovoy-politiki/>. (дата обращения 15.09.2022)

³⁵⁵ Там же.

³⁵⁶ Charter of Arab League [Электронный ресурс] // League of Arab States. 1945. March 22. URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6b3ab18.html>. (дата обращения 13.05.2022)

³⁵⁷ Arab Charter on Human Rights [Электронный ресурс] // UN. Office of the High Commissioner for Human Rights; League of Arab States. 2004. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/551368?ln=ru>. (дата обращения 13.05.2022)

если не к отказу от прошлых идентичностей и навязанных моделей самопозиционирования, то к их фундаментальному пересмотру.

Включенность Ближневосточного региона в глобальное информационное пространство превращает его в площадку для столкновения идентичностей. Фактически в равной конкурентной борьбе находятся национальная, исламская, этнические, а также имперские, этноцивилизационные панарабская, пантюркистская и пан-персидская идентичности. Этноцивилизационная идентичность – особая категория, применяемая исследователями Ближнего Востока. Выделение подобной категории характеризует, если не численно большее, то в очередной раз более конкурентное по сравнению с Европой цивилизационное разнообразие, сохраняющееся и по сей день. Несмотря на то, что, как уже упоминалось, европейская идентичность также трудно определима, она все же представляет собой более осязаемую исследовательскую категорию, тогда как, говорить о единой ближневосточной идентичности пока не приходится. Однако выделяются определенные региональные особенности, в том числе формирующие логику внешнеполитического поведения. Например, для ближневосточных международных отношений характерна очень быстрая эскалация конфликтности, а также ее демонстративно угрожающий характер³⁵⁸.

Импортированные в Ближневосточный регион западные модели идентичности не способствуют стабильному общественному и политическому функционированию, поскольку не учитывают этнокультурную специфику региона. Кроме того, необходимо учитывать различия социальных эволюционных путей, которые прошли Запад и Восток. В этом контексте, как отмечает И.Д. Звягельская, обращение к религии и её политизация становятся характерной чертой современной эпохи и определяющим моментом в поисках новой модели государственности в регионе³⁵⁹. По мнению И.Д. Звягельской общие для мирового развития проблемы наблюдаются на Ближнем Востоке, с соответствующей

³⁵⁸ Звягельская, И. Д. Символы и ценности в международных отношениях... С. 107.

³⁵⁹ Звягельская И. Д., Кузнецов В. А. Государство на Ближнем Востоке будущее началось вчера // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 4(51). С. 18.

спецификой. Среди таких проблем можно выделить протестные настроения и масштабные антиправительственные акции, сигнализирующие о сложности обретения гражданского самосознания, характерный для региона кризис секуляризма и неудачные попытки установить исламское правление, наконец, стремление отказаться от навязанных идентичностей и обращение к корням³⁶⁰. Системообразующая роль религиозного компонента максимально заметна в публичной сфере ближневосточной внутренней и внешней политики. Типичными для официальных выступлений ближневосточных деятелей являются формулировки «да поможет Всевышний» и обращение к дружественным исламским правителям и народам как к «братьям»³⁶¹.

В контексте глобальных общественно-политических тенденций, а также с учетом особенностей региональных МО, в многочисленных гетерогенных сообществах Ближнего Востока наблюдаются процессы идентификационных трансформаций. Ряд исследователей отмечает усиление транснациональной исламской и арабской идентичностей в регионе Ближнего Востока, в ущерб национально-государственной идентичности. Необходимо подчеркнуть, что исламская идентичность – религиозная, тогда как, арабская представляет собой сложный комплекс многочисленных культурных, этнических, религиозных компонентов.

Ведущие отечественные специалисты по Ближневосточному региону, изучая идентичности, подтверждают сложный характер современных идентификационных привязанностей. Коллектив исследователей Ближневосточного региона под руководством И. Д. Звягельской рассматривает комплексный и нередко конфликтный характер многочисленных племенных, этнических, культурных, религиозных, языковых и прочих идентичностей,

---

³⁶⁰ Государство на Ближнем Востоке будущее началось вчера... С. 7.

³⁶¹ King Salman bin Abdulaziz opens the 40th GCC Summit [Электронный ресурс] // Al Arabiya English. 2019. September 10. [сайт]. [2019] URL: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2019/12/10/King-Salman-says-Gulf-unity-is-needed-against-Iran-at-GCC-Summit-> (дата обращения 17.10.2021)

выделяя в рамках данного конструкта уровни, которые способны как взаимодействовать друг с другом, так и существовать обособленно, как быть элементами систем, так и образовывать собственные системные конструкты³⁶². В научном дискурсе об идентичностях Ближнего Востока присутствуют специальные категории, так виднейший российский востоковед Г. Г. Косач подчеркивал, что «арабскую нацию» составляют народы, проживающие в «страновых государствах»³⁶³. Высказывание, на первый взгляд прямо отражающее не только арабскую, но и общую ближневосточную реальность, на самом деле является также абсолютным смешением и без того пересекающихся категорий – народы, «страновые государства», «арабская нация». Х. Каземи утверждает, что рост национальной и транснациональной идентичности на Ближнем Востоке происходит в контексте социальных и культурных расколов. Он подчеркивает, что структура тотального разобщения ближневосточных обществ всегда была ключевым фактором политических конфликтов и нестабильности в региональной среде, подчеркивая таким образом определяющую роль идентичности как ключевой конфликтогенной силы в регионе. По мнению Х. Каземи, в последние годы такие факторы, как несовершенная интеграция в международные процессы, неэффективность националистических и светских авторитарных режимов и, наконец, агрессивная политика Соединенных Штатов на Ближнем Востоке актуализировали два основных раскола ближневосточных обществ: племенно-этнические (субнациональные) и религиозно-фундаменталистские (транснациональные). Таким образом, сформировался набор сил, основанных на идентичности - некая «идентичность сопротивления», не приемлющая установленный порядок, основанный на национально-государственной структуре³⁶⁴. В то же время, Х. Каземи довольно однозначно определяет субнациональный и транснациональный уровень расколов, хотя на практике возникает ряд вопросов. Например, известная проблема курдов и соответствующие

³⁶² Ближний Восток: Политика и идентичность: Коллективная монография... С. 102.

³⁶³ Косач Г. Г. Арабский мир как феномен структура и идентичность региона... С. 58.

³⁶⁴ Kazemi H. Identity Uprisings, Fragile States and Geopolitical Crises in the Middle East // *Geopolitics Quarterly*. 2017. № 45(13). P. 148.

общественные расколы могут рассматриваться как в разрезе субнациональной этнической идентичности, поскольку речь идет об этносе неоформленном в национальное государство, так и в контексте транснационального взаимодействия, поскольку проблема курдов затрагивает Турцию, Сирию, Иран, Ирак и другие государства, в том числе не являющиеся географической частью региона. В целом можно констатировать, что национальное государство на Ближнем Востоке до сих пор рассматривается как колониальный продукт, который не обладает достаточной способностью преодолевать вызовы, возникающие из-за рассредоточенной структуры, а также не может выполнять ожидаемые функции современного государства. Это происходит главным образом потому, что в регионе преобладает сложная и «прочная» социальная структура, основанная на племенной, этнической и религиозной принадлежности. Ряд зарубежных специалистов утверждает, что обострение проявлений идентичности в Ближневосточном регионе способствует превращению слабых государств в несостоявшиеся государства, так называемые *failed states*. Несмотря на то, что данный «статус» можно оспаривать, число потенциальных претендентов среди ближневосточных государств достаточно велико (Ирак, Сирия, Ливия, Йемен, Афганистан и др.)³⁶⁵.

Иранские исследователи утверждают, что геополитические кризисы, разворачивающиеся на Ближнем Востоке в пространстве идентичности, являются продуктом комплексного взаимодействия трех групп акторов: предъявляющие претензии на собственную идентичность зарождающиеся субнациональные и транснациональные силы, слабые национальные государства с ограниченными способностями воздействия на систему и мощные региональные и трансрегиональные державы, стремящиеся к региональной гегемонии³⁶⁶. Неизбежной особенностью любой идентификационно-политической среды является тенденция региональных и международных акторов использовать силы сообществ, стремящихся к проявлению идентичности. В то время как слабые

---

³⁶⁵ Identity Uprisings, Fragile States... P. 156.

³⁶⁶ Ibid. P. 163.

государства Ближнего Востока сталкиваются с усиливающимся кризисом, приводящим к краху, сильные региональные державы (особенно Саудовская Аравия), а также глобальные акторы, как правило, используют «восстание идентичности» в качестве инструмента для оказания давления на своих конкурентов. Они также пытаются мобилизовать имеющиеся у них ресурсы и увеличить свою маневренную мощь.

Объединяющий все ближневосточные нации социо-политический консерватизм находит свое отражение в становлении местных систем идентичностей. Поскольку данный регион уже давно передал статус политического, экономического и, что не маловажно, технологического лидера мира западной цивилизации, мощной объединяющей силой для населения становится привязанность не к настоящему, а к более славному прошлому. Подобное коллективное стремление идентифицировать себя с национальным прошлым наблюдается на разных уровнях в Саудовской Аравии. Панарабизм – одно из транснациональных течений, формирующих транснациональную идентичность, носители которой стремятся пересмотреть современное устройство в контексте прошлого. Г. Г. Косач подчеркивал, что ядро идеи «арабизма», чрезвычайно широкой по своему содержанию, устремленность к национальному возрождению. Речь идет об отказе от нынешних способов организации арабских обществ и придании им нового структурного оформления³⁶⁷. В очередной раз подтверждение фокуса на прошлом – стремление к восстановлению былого, а не в создании нового, хотя и восстановление не исключает определенной степени модернизации. Кроме того, как отмечают авторы, персидская (иранская) цивилизация по праву считается одной из самых древних, что предопределило формирование особых нарративов, связанных с имперским сознанием и конкретными представлениями об «особой миссии», а также заложило фундамент одного из ключевых геополитических противоречий в регионе³⁶⁸. Из

---

³⁶⁷ Арабский мир как феномен Структура и идентичность... С. 59.

³⁶⁸ Ближний Восток: Политика и идентичность... С. 94.

«идентичности особой миссии» проистекает консерватизм, этноцентризм, стремление к миссионерству и определяющая роль ислама и исламской идентичности, которая выступает своеобразным связующим звеном между прошлым и настоящим, а также стержнем региональных и национальных идентичностей³⁶⁹. Фрактальная модель ближневосточных идентичностей формируется на основе традиций, многовековой истории, нарратива о великом прошлом и вытекающего из этого этноцентризма.

Авторы также выделяют в качестве отдельного типа, имеющего особое значение в Ближневосточном регионе, имперскую идентичность. Под имперской идентичностью можно понимать коллективную память и осознание причастности к сообществу, некогда объединявшему многочисленные нации в рамках империи. Таким образом, в Ближневосточном регионе национальная идентичность помимо национально-государственной или этнической привязанности, распространена также в форме привязанности к империи. Расширение смыслового наполнения концепта национальной идентичности является еще одной особенностью идентификационных трансформаций в Ближневосточном регионе, которая также неразрывно связана со спецификой политического становления этого региона. Как отмечает Т. Додж, с окончания Первой Мировой войны Ближний Восток представлял собой группу государств, созданных путем колониальных интервенций и находящихся в борьбе за превращение трансгосударственных и субгосударственных идентичностей в согласованные территориально обоснованные национализмы³⁷⁰. Примечательно отдельное внимание, уделенное исследователем территориальной обоснованности национализмов. Привязанность национализма и национальной идентичности к территории является одним из актуальных вопросов в современных идентитарных исследованиях, что уже упоминалось в первой главе, но на Ближнем Востоке фактор территории имеет

---

³⁶⁹ Хенкин С. М., Кудряшова И. В. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 146.

³⁷⁰ Dodge T. Introduction: Between Wataniyya and Ta'ifia; understanding the relationship between state-based nationalism and sectarian identity in the Middle East // Nations and Nationalism. 2020. № 26. P. 86.

особое значение. Колониальное прошлое региона не позволило государствам пройти путь территориального оформления национальных идентичностей, что также способствовало зарождению палестино-израильского конфликта - одного из ключевых международных противостояний с определяющей ролью территории. В Ближневосточном регионе также отмечается не только постоянное соперничество и переопределение разных типов идентичностей (локальной, национальной, транснациональной, религиозной) наблюдаемое и в других регионах, но и соперничество различных форм национализма и национальной идентичности. Светская идентичность в век национальных государств является функцией соперничества «национальных правд» и оспариваемых претензий на национальное государство в той же мере, в которой она функционирует в соперничестве религиозных правд³⁷¹. Серия затяжных войн сыграла особую роль в формировании соперничества между различными группами идентичностей: транс-государственный арабский национализм (кавмия), государственный национализм (ватания) и религиозная и этническая идентичность (таифия). В рамках изучения столкновения идентичностей на Ближнем Востоке исследователями зачастую применяется термин, который можно перевести как «государство-центричный национализм» (от англ. state-based nationalism)³⁷².

В то же время, исследования идентичностей на Ближнем Востоке неизбежно показывают определяющую, системообразующую роль именно исламской — религиозной идентичности. Поскольку национальные государства, в их европейском понимании, сложились в этом регионе значительно позднее, основы социального взаимодействия, а вместе с ними и основы идентичности закладывались на базе конфессиональных привязанностей³⁷³. Особую роль здесь играет изначально кочевой характер ислама. Пантюркизм-панарабизм-паниранизм — острая борьба за доминирование в регионе уходит корнями в период

---

³⁷¹ Introduction: Between Wataniyya and Ta'ifia... P. 86.

³⁷² Ibid. P. 88.

³⁷³ Беренкова, Н. А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока // Религия и общество на Востоке. 2018. № 2. С. 114.

переплетения исламской идентичности с национальными идентичностями народов и государств Ближнего Востока. На данный момент в Ближневосточном регионе можно констатировать усиление позиций различного рода транснациональных религиозных идентичностей в борьбе с национальными³⁷⁴. Также исторически обусловленные различные подходы к пониманию и трактовке ислама. Подобная неоднородность всегда оказывала воздействие на мусульманское видение собственного сообщества, идентичности и границ между религиозным и светским. Современные исламские сообщества также остаются под воздействием многообразия, а также известной милитаризованности некоторых исламских идентичностей³⁷⁵. На современном Ближнем Востоке религиозные идентичности со светским национализмом стали двумя основными соперниками на политическом поле, находясь в перманентном конкурентном взаимодействии. Однако, как утверждают Хиннебуш и Хаддад в своих работах, религиозно-символический контекст не является доминирующим в межконфессиональных столкновениях на Ближнем Востоке. В основе лежит борьба за определение и контроль конкретных практических категорий и их навязывание в политическом поле страны³⁷⁶. Конфессионализм в постмодернистскую эпоху становится все более инструментальным и все больше связывается с символической (акционистской) политикой³⁷⁷. Также А. Р. Сулейменов, изучая символическое поле современного исламизма, подчеркивает тесную связь между религиозно-символическим и практико-политическим измерениями³⁷⁸.

Несмотря на длительные процессы секуляризации во всех сферах общественной и частной жизни, принципы светскости и их место в политическом пространстве по-прежнему вызывают ожесточенные споры на арабском Ближнем

---

³⁷⁴ Nisbet E. C., Teresa A. M. Challenging the State: Transnational TV and Political Identity in the Middle East... P. 347.

³⁷⁵ Krämer G. Modern but not secular: Religion, identity and the ordre public in the Arab Middle East // International Sociology. 2013. № 28 (6). P. 639.

³⁷⁶ Introduction: Between Wataniyya and Ta'ifia... P. 86.

³⁷⁷ Ближний Восток: Политика и идентичность: Коллективная монография... С. 252.

³⁷⁸ Сулейменов, А. Символическое поле современного исламизма // Конфликтология / nota bene. 2020. № 2. С. 65.

Востоке. Причины как культурные, так и политические. В эпоху колониализма, за которым последовал авторитаризм и ускоренная глобализация, исламисты смогли позиционировать себя защитниками народных прав против иностранного господства и деспотического правления, а также мобилизовать широкие слои населения во имя религии и вышеупомянутой связи с прошлым. На арабском Ближнем Востоке, как и в других частях мусульманского мира, отношение между государством и религией формирует своеобразную конфигурацию секулярности, включающую также отношения между общественным порядком и шариатом или «исламскими отсылками» в более общем смысле³⁷⁹. Можно говорить о существовании различных конфигураций с соответствующим распределением и соотношением идентичностей в религиозном и светском измерениях. Таким образом, необходимо подчеркнуть, что в случае системного моделирования идентичностей Ближнего Востока важнейшую роль играет выделение религиозного и светского измерений внутри базовых культурного и политического. «Импорт» конструктов национального государства и института представительства в правящих кругах способствовал созданию в регионе государство-центричных сообществ с новым, перевернутым чувством владения и принадлежности к государству, однако не утратившим значительную религиозную привязанность.

Еще одной специфической категорией, представленной в палитре идентичностей в Ближневосточном регионе, является сектарианизм. В контексте данной работы намеренно не используется устоявшийся в русскоязычном научном сообществе термин «сектантство», который имеет преимущественно религиозное значение в то время, как сектарианизм (от англ. *sectarianism*) включает в равной степени сильную приверженность политическим группам. Сектарианизм на Ближнем Востоке рассматривается как относительная практическая категория, которая, наряду с национализмом и этнической принадлежностью соперничает с другими формами идентификационной привязанности за лояльность населения в

---

³⁷⁹ Modern but not secular: Religion, identity... P. 629.

политическом поле³⁸⁰. В целом сектарианизм как категория идентичности активно задействуется в политическом измерении Ближнего Востока. На этом фоне, как утверждает Т. Додж, арабский национализм, государственный национализм, исламизм и сектарианизм на Ближнем Востоке находятся в интерактивном соперничестве за навязывание конкретных практических категорий, институтов, идеологии³⁸¹. В частности, в Иране это проявляется в легитимизации некоторых религиозных сект³⁸². У. Макдиси отмечает, что политики и сектантские деятели стремятся навязывать религиозные различия как «основной маркер современной политической идентичности»³⁸³. Таким образом, сектарианская политическая активность направлена на формирование радикальных форм религиозной и политической идентичности. Исследователи подчеркивают, что подобные идентичности стремятся в первую очередь закрепить и интенсифицировать комплекс различий, существующий между религиозными и политическими сообществами³⁸⁴. Наиболее известный «разрыв» - различия суннитского и шиитского ислама³⁸⁵.

Современные суннитско-шиитские разногласия относятся также к конкурирующим национальным нарративам в разных пропорциях, включающих и исключающих, легитимизирующих и маргинализирующих определенные сектарианские идентичности. В то же время, подчеркивается, что сектарианские идентичности Ближнего Востока часто не отвергают институт национального государства и активно участвуют в борьбе за доступ к национально-государственным институтам, стремятся иметь влияние и присутствие в национальном нарративе и быть включенным в господствующие концепции

---

³⁸⁰ Brubaker R., Cooper F. Beyond "Identity" / Rogers Brubaker, Frederick Cooper // *Theory and Society*. 2000. № 29(1). P. 10.

³⁸¹ Introduction: Between Wataniyya and Ta'ifia... P. 86.

³⁸² Рыжов И. В., Бородин М. Ю. Этнические проблемы в современном Иране // *Ислам на Ближнем и Среднем Востоке*. 2015. № 9. С. 358.

³⁸³ Makdisi U. *The Culture of Sectarianism; Community, History, and Violence in Nineteenth-Century Ottoman Lebanon*. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 2000. P. 7.

³⁸⁴ Barth F. *Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference*. Boston: Massachusetts: Little, Brown and Company, 1969. P. 15.

³⁸⁵ Introduction: Between Wataniyya and Ta'ifia... P. 86.

гражданской идентичности (в работе Ф. Хаддада от нем. – *staatsvolk* – «государственный народ»). Схожим образом мифы о национальной исключительности и этнической чистоте используются, чтобы возвышать или девальвировать сообщества в рамках национального государства³⁸⁶. По словам Т. Доджа, идентичности соревнуются за право навязать доминирующее видение того, что из себя представляет страна и ее население³⁸⁷. Здесь можно выделить еще одну функциональную особенность взаимодействия идентичностей на Ближнем Востоке, отличную от Европы. В европейском регионе большую актуальность имеют идентичности сообществ, стремящихся к признанию и институционализации. В Ближневосточном регионе основная конкуренция разворачивается между идентичностями сообществ, стремящихся к абсолютному доминированию в общественно-политическом пространстве.

Среди причин современных идентификационных трансформаций на Ближнем Востоке называется также активная работа транснациональных арабских СМИ³⁸⁸. Проблема определения, интерпретации и соотношения процессов с национальным и ненациональным началом, а также вытекающий из этого конфликт идентичностей различного уровня представляет собой общественно-политическую реальность Ближнего Востока. Эпоха транснациональных СМИ деконструирует информационное пространство, усиливая транснациональные привязанности, несмотря на сравнительную «замкнутость» национальных дискурсов в этом регионе. Отмечается, что степень укрепляющего воздействия СМИ на транснациональную идентификацию варьируется в зависимости от уровня образования³⁸⁹. До-глобализационные медиа имели национальный характер, в связи с чем, играли значительную роль в формировании национальной идентичности. Об определяющей роли СМИ в росте национализма говорили самые заслуженные ученые, чьи труды внесли огромный вклад в формирование

---

³⁸⁶ Sectarian identity and national identity in the Middle East... P. 133.

³⁸⁷ Ibid. P. 134.

³⁸⁸ Challenging the State: Transnational TV... P. 347.

³⁸⁹ Ibid. P. 350.

проблематики идентичности и смежных вопросов в политической науке (Б. Андресон, К. Калхун, К. В. Дойч, Ю. Хабермас)³⁹⁰. Как отмечает П. Шлезингер, «опосредованная коммуникация имеет центральное значение» в формировании политической идентичности, сосредоточенной на национальном государстве³⁹¹. Иными словами, коммуникативные и интерактивные процессы в рамках границ современного национального государства, связанного как политической территорией, так и культурой и/или языком, укрепляют роль общей национальной идентичности, общего сознания или воображаемого сообщества. Транснациональная природа современных СМИ, способствует выявлению общих черт на транснациональном уровне, нередко ослабляя при этом национальную привязанность³⁹². Исследования показали, что средства массовой информации могут способствовать корректировке баланса сил среди конкурирующих политических идентичностей посредством сочетания социальных и психологических механизмов.

Исследователи из Университета Огайо напрямую сравнивают укрепление транснациональной исламской и арабской идентичности с процессами формирования европейской идентичности, говоря об особой роли медиапространств в формировании «дискурсивно связанного сообщества» и крепкой политической идентичности³⁹³. Они также утверждают, что формирование политической идентичности неразрывно связано с процессами социализации. Выделяются первичные и вторичные процессы социализации. В рамках первичных процессов социализации формирование идентичности происходит с помощью образовательных, семейных, политических и других институциональных

---

³⁹⁰ Anderson, B. *Imagined communities: Reflections on the origins and spread of nationalism*. London: Verso Editions, 1991. 256 p.; Calhoun, C. *Populist politics, communications media, and large-scale societal integration* // *Sociological Theory*. 1988. № 6. P. 219–241.; Deutch K. W. *Nationalism and social communication: An inquiry into the foundations of nationalism*. Cambridge, MA: MIT Press, 1966. 358 p.; Habermas J. *The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society*. Cambridge, UK: Polity Press, 1989. 301 p.

³⁹¹ Schlesinger P. *The nation and communicative space*. In H. Tumber (Ed.), *Media power, professionals, and policies*. New York: Routledge, 2000. P. 105.

³⁹² Ibid.

³⁹³ Ibid.

социализирующих «агентов». Институциональная привязанность в таком случае способствует формированию государство-центричных идентичностей. Следует также подчеркнуть, что устойчивость таких идентичностей зиждется на способности «агентов» формировать чувства правильности, обязательности и легитимности политического порядка. В Европе – с детства воспитывается понимание многочисленных свобод, на Ближнем Востоке – более консервативный уклон. На их основе выстраивается уровень опосредованных (через медиaprостранство) процессов социализации, формирующих политическую идентичность. Транснациональные медиа соответственно способствуют усилению транснациональной идентичности.

Существуют конкретные подтверждения усиления транснациональных арабских и исламских политических идентификаций в арабском сообществе в последние годы. Согласно межнациональному исследованию 2008 г. в рамках опроса на предмет первичной идентичности в шести арабских государствах 39% указали национальную, 36% – мусульманскую и 29% указали арабскую идентичность³⁹⁴. В 2019-2020 гг. 81% респондентов Арабского Индекса Мнений поддержали мнение о том, что различные арабские народы составляют единую нацию, также 86% отметили значительную приверженность транснациональной религиозной идентичности³⁹⁵. Кроме того, в международных арабоязычных СМИ отмечается интенсификация транснационального арабского дискурса. Как отмечают В. И. Белов и Е. М. Савичева, в ближневосточном социуме чрезвычайно массово представлена категория молодежи 18-35 лет³⁹⁶. Эта особенность, в отличие от известной проблемы «старения Европы», объясняет растущую активность, вплоть до явного доминирования ближневосточных пользователей в виртуальном

---

³⁹⁴ Challenging the State: Transnational TV... P. 352.

³⁹⁵ The 2019-2020 Arab Opinion Index: Main Results in Brief [Электронный ресурс] // Arab Center Washington DC. November 16, 2020. URL: <https://arabcenterdc.org/resource/the-2019-2020-arab-opinion-index-main-results-in-brief/>. (дата обращения 07.09.2022)

³⁹⁶ Белов, В.И., Савичева, Е.М. Ближний Восток от настоящего к будущему: вызовы меняющейся идентичности : монография. Москва : РУДН, 2021. С. 52

пространстве³⁹⁷. Кроме того, молодежь традиционно является двигательной силой различных социальных преобразований. Так, отмечается, что в Ближневосточном регионе молодежь говорит о создании альянса ближневосточных государств, демонстрируется стремление к интеграции, укреплению транснациональной, цивилизационной идентичности. Соответственно, М. Линч пишет, что «местные проблемы переосмысливаются — формулируются в терминах более широкого большого нарратива», который детерриториализирует политический дискурс и помещает его внутри общего транснационального символического пространства, в котором могут располагаться политические идентичности³⁹⁸. По мнению Э. Уэстниджа, подобные трансформации идентичности реализуются в многогранных, сложных сетях, меняющихся во времени и пространстве и реагирующих к региональным геополитическим сдвигам³⁹⁹. Г. Г. Косач писал, что «арабизм», как «общенациональная идея» существует, равно как и существует стремление к реализации «общеарабского» национального проекта⁴⁰⁰. Панарабизм, в рамках которого оформляется транснациональная панарабская идентичность, является наиболее заметным и сформированным, но не единственным «пан-движением» на Ближнем Востоке. Одним из наиболее активно действующих в этом направлении государств является Королевство Саудовская Аравия. Эр-Рияд открыто заявляет о национальной исключительности, а также о своей центральной роли не только арабского, но и всего исламского мира⁴⁰¹. В ключевых документах Лиги арабских государств подчеркивается целостность именно национальной арабской идентичности и осознание принадлежности к одной цивилизации⁴⁰². В то

³⁹⁷ World Map of Social Networks [Электронный ресурс] // Alexa/Similar Web. URL: <https://vincos.it/world-map-of-social-networks/> (дата обращения 13.07.2023)

³⁹⁸ Lynch M. Voices of the new Arab public: Iraq, Al-Jazeera, and Middle East politics today / Marc Lynch. NY: Columbia University Press, 2006. P. 117.

³⁹⁹ Wastnidge E. Transnational identity claims, roles and strategic foreign policy narratives in the Middle East // Global Discourse. 2019. № 4. Vol. 9. P. 605–625.

⁴⁰⁰ Косач Г. Г. Арабский мир как феномен... С. 58.

⁴⁰¹ Saudi Vision 2030 [Электронный ресурс] // Government of Saudi Arabia. URL: https://www.vision2030.gov.sa/media/rc0b5oy1/saudi_vision203.pdf. (дата обращения 07.09.2022)

⁴⁰² Arab Charter on Human Rights [Электронный ресурс] // UN. Office of the High Commissioner for Human Rights; League of Arab States. 2004. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/551368?ln=ru>. (дата обращения 13.05.2022)

же время, на данном этапе панарабизм не воспринимается как самостоятельная политическая сила с четко определяемой идентичностью. Доминирование КСА не исключает амбиций других игроков (например Катара), что стимулируется внешними акторами. Недавний конфликт Саудовской Аравии и Катара служит манифестацией ряда процессов, происходящих в пространстве идентичности. Во-первых, стремление КСА к региональному доминированию, основывающееся во многом на вере в особую миссию, то есть политизация великого прошлого. Во-вторых, растущая роль транснациональных СМИ, поскольку создание Катаром главного международного арабского СМИ «Аль-Джазира» сразу способствовало похолоданию отношений⁴⁰³. Наконец, значимость традиций, поскольку, как пишет И. Д. Звягельская в основе антикатарских выступлений КСА вероятно лежали не политические угрозы со стороны Катара, а ущемленное самолюбие, возмущение, желание преподать урок не выказывающим уважения родственникам⁴⁰⁴. Одной из основных связующих сил для компонентов арабской идентичности является палестинский вопрос. В комплексе идентичности арабских народов он попал в особое пространство культурного измерения идентичности, способствуя мобилизации сообщества, независимо от конъюнктурных политических предпочтений, взглядов и течений. Так, «в рамках национально-освободительного движения и социалистической идеологии он представлялся как цель в борьбе против империализма и его приспешников за национальное освобождение. В рамках консервативных подходов больший упор делался на восстановление справедливости. Но и в том, и в другом случае палестинская проблема оставалась важнейшим мобилизующим фактором, почти единственным политическим маркером арабского единства»⁴⁰⁵. Таким образом, компоненты идентичности, если и не существуют в постоянной жесткой иерархии, то способны выстраивать

---

⁴⁰³ Fisher M. How the Saudi-Qatar Rivalry, Now Combusting, Reshaped the Middle East [Электронный ресурс] // The New York Times. 2017. June 13. URL: <https://www.nytimes.com/2017/06/13/world/middleeast/how-the-saudi-qatar-rivalry-now-combusting-reshaped-the-middle-east.html>. (дата обращения 14.07.2022)

⁴⁰⁴ Звягельская, И. Д. Символы и ценности в международных отношениях... С. 110.

⁴⁰⁵ Там же. С. 116.

конструкции, исходя из приоритетности того или иного идеологического оформления идентичности.

Далее можно обратиться к некоторым примерам конкретных государств, оказывающих определяющее воздействие на ближневосточную политику и современные трансформации идентичности. Богатая событиями, связанными с различными преобразованиями этноконфессионального и политического курсов история Турции, является одним из примеров адаптации политики идентичности, как концептуализированного набора действий, а также процесса поиска этой идентичности, как самостоятельного социо-политического процесса к реалиям, окружающим нацию. Очевидно, что влияние оказывает как внешне, так и внутривнутриполитический контекст. Османский Ближний Восток, а вместе с ним и идентичности его населения, безусловно, трансформировались в контексте интеграции региона в глобализирующийся капиталистический рынок в середине XIX века. Этот процесс был ускорен оборонительной модернизацией Османской империи, олицетворенной реформами Танзимата в течение того же периода⁴⁰⁶. Коллектив исследователей под руководством И. Д. Звягельской, как и ряд других специалистов, отмечает очередной разворот курса национальной идентичности в сторону так называемого «неоосманизма», т.е. с претензией на региональное доминирование⁴⁰⁷. Любопытными в контексте настоящего исследования представляются два измерения развития новой идентичности. С одной стороны, специалисты видят возрождение имперской идеи, связывая его с готовностью Турции еще более активно выступать на международной арене⁴⁰⁸. С другой стороны, в риторике президента Р. Т. Эрдогана наблюдается четкий курс на историческую преемственность, неразрывную связь с прошлым как с более далеким исламским, так и с недавним светским⁴⁰⁹. Подобный консервативный уклон можно также отнести к проявлениям общей тенденции незападных

---

⁴⁰⁶ Dodge T. Introduction: Between Wataniyya and Ta'ifia... P. 87.

⁴⁰⁷ Ближний Восток: Политика и идентичность: Коллективная монография... С. 226.

⁴⁰⁸ Жигульская, Д. В. Неоосманская ностальгия в современной Турции // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2021. № 4. С. 123.

⁴⁰⁹ Ближний Восток: Политика и идентичность: Коллективная монография... С. 226.

сообществ к защите собственной «самости» - идентичности. Турция является собой яркий пример радикальных разворотов государственной политики и перестраивания систем идентичностей с различными конфигурациями имперской (османской), национальной (тюркской) и религиозной (исламской) принадлежностей. Подобные переходы применялись с использованием, по сути, универсального инструментария: языковая политика, активное внедрение новых исторических концепций и сильный лидер (М. К. Ататюрк и Р. Т. Эрдоган). В настоящий момент, можно наблюдать попытку конструирования турецкой «мега-идентичности» на основе всего вышеупомянутого комплекса империи, религии и светскости. Также подчеркивается определяющая роль ценностей, а турецкие исследователи начинают говорить о национальной идентичности верхнего и нижнего уровня⁴¹⁰. Ценности и религия присутствуют в качестве лейтмотива множества заявлений Р. Т. Эрдогана, который, хоть и в значительно меньшей по сравнению с арабскими монархиями степени, но все же обращается к Аллаху, а также, прямо квалифицировал сожжение Корана как террористический акт⁴¹¹.

Соединение в рамках иранской культурной традиции персидской и исламской идентичностей началось с VII в. Также иранская идентичность помимо исламской имеет также имперскую «великоперсидскую» и националистскую «арийскую» составляющие⁴¹². Современная национальная идентичность Ирана представляет собой комплекс, включающий историческую память, национализм западного толка и шиитский ислам. И. Д. Звягельская отмечает системный, комплексный характер иранской идентичности, выделяя в качестве элементов ирано-персидскую, исламо-шиитскую, исламо-суннитскую, национальную, многочисленные племенные, народные, религиозные и др. идентичности. Из данного набора идентичностей, в зависимости от тех или иных обстоятельств

---

⁴¹⁰ Ближний Восток: Политика и идентичность... С. 88.

⁴¹¹ «Attacking people's sacred values is not freedom of thought; it is barbarism» [Электронный ресурс] // Presidency of the Republic of Türkiye. 2023. July 12. [сайт]. [2023] URL: <https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/147747/-attacking-people-s-sacred-values-is-not-freedom-of-thought-it-is-barbarism-> (дата обращения 14.08.2023)

⁴¹² Ближний Восток: Политика и идентичность... С. 94.

выбираются компоненты, впоследствии включающиеся в некую общую идентичность. Соотношение компонентов, их значимость и конфигурация при этом индивидуальны в каждом конкретном случае⁴¹³. Исламская республика Иран выделяется даже на фоне насыщенных в этнокультурном смысле ближневосточных государств еще большей концентрацией этнических и национальных идентичностей внутри страны. В этно-национальной палитре иранского государства помимо титульной персидской нации представлены курды, азербайджанцы, арабы, белуджи, туркмены, луры и др.⁴¹⁴. Ситуация усложняется тем, что данные нации отличаются заметными стремлениями к обособлению и сегрегации, следовательно, стремлениями к признанию и политизации своих сообществ в категориях идентичности⁴¹⁵. Проводя политику «Одна страна, одна нация, один язык» государство пыталось навязать персидскую идентичность как цельную иранскую идентичность и систематически маргинализировать, и криминализировать неперсидские идентичности, рассматривая их как «сфабрикованные этнические идентичности»⁴¹⁶. Несмотря на определенные трансформации во внутривнутриполитическом курсе, К. Сулеймани и А. Мухаммадпур отмечают, что почти вся персидская интеллигенция, даже большинство левых интеллектуалов, выступают за приверженность этатистским взглядам, «священность» территориальной целостности и преданность «сладкому персидскому языку» как «национальному языку»⁴¹⁷. Таким образом, проблема гармонизации многочисленных идентичностей чрезвычайно остро стоит в политическом измерении Исламской республики Иран, что подчеркивается отечественными, западными и ближневосточными исследователями⁴¹⁸.

---

⁴¹³ Ближний Восток: Политика и идентичность... С. 102.

⁴¹⁴ Рыжов И. В. Этнические проблемы в современном Иране / И. В. Рыжов, М. Ю. Бородин // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2015. – № 9. – С. 345.

⁴¹⁵ Этнические проблемы в современном Иране... С. 346.

⁴¹⁶ Soleimani K., Mohammadpour A. Can non-Persians speak? The sovereign's narration of "Iranian identity" // Ethnicities. – 2019.-№ 19 (5). - P. 930.

⁴¹⁷ Can non-Persians speak... P. 932.

⁴¹⁸ Этнические проблемы в современном Иране... С. 358.

Выводы по Главе 3

Несмотря на тяжелый период для Европейского союза, обусловленный рядом факторов, импульс интеграционных процессов достаточно силен, чтобы поддерживать зародившиеся в сообществе элементы постнациональной идентичности. Символический комплекс ЕС располагает ключевыми необходимыми элементами для формирования гражданской привязанности, также, в идеологическом контексте, существование в рамках Евросоюза нескольких поколений людей, воспитанных на идеях наднационализма способствует сохранению «институционального патриотизма». Европейский союз, как интеграционное объединение, начал выходить за рамки существования внутри Европы, как институционализированное сообщество в составе региона. ЕС предъявил претензии на то, чтобы «стать» как минимум символической Европой в сознании людей. Тем не менее, идеологическая и ценностная неограниченность, лежащая в основе либерально-демократической модели и европейских ценностей, на фоне растущей общественно-политической и гражданской активности, способствует перманентному формированию новых идентичностей, стремящихся к признанию, то есть институционализации и легитимизации в рамках существующих систем. Постматериалистические ценности, все чаще становятся основой идентичностей, стремящихся к признанию, а также субъектом политизации и целью политической борьбы. Также одной из ключевых особенностей, характеризующих взаимодействие идентичностей в Европейском регионе является перегруженность общественно-политического дискурса многочисленными идентичностями, включая укрепляющиеся националистические идентичности, региональные идентичности, вновь образующиеся транснациональные постмодернистские и постструктуралистские идентичности, основанные на ценностях.

Специфика региональных международных отношений, характерная для Ближневосточного региона, особенности его исторического, социо-политического развития оказывают серьезное влияние на трансформации идентичности в

ближневосточных сообществах. Высокий конфликтогенный потенциал региона, наличие неурегулированных этнических, этнополитических и религиозных конфликтов, уходящих корнями в историю, обуславливает значимость изучения идентичности на Ближнем Востоке, а также актуализирует интерпретацию этих конфликтов в современных категориях идентичности и самоопределения.

В Европейском и Ближневосточном регионах отмечается ослабление позиций национальной идентичности и национального государства. Национальное государство в его «западном» понимании зачастую воспринимается многими на Ближнем Востоке, как «колониальный продукт». Это способствует актуализации в регионе исконных до-национальных и транснациональных привязанностей – этнокультурной, исламской и, в некоторых случаях, имперской. Религиозная идентичность не просто сохраняет свои позиции, но и усиливается в условиях активной работы транснациональных СМИ и самобытных представлений об институте национального государства в регионе. Таким образом, исламская идентичность имеет колоссальное значение для комплекса идентификаций на Ближнем Востоке. В Европе представлены преимущественно постмодернистские и постструктуралистские идентичности, сформированные вне национально-государственных и этнокультурных рамок, на основе ценностей, идей.

В Ближневосточном регионе ярко проявляется ключевой конфликт идентичности в политической сфере, заключающийся в необходимости гармонизации идентификационных привязанностей к неинституционализированным сообществам и к конкретным политическим образованиям. Многонациональный и многоконфессиональный состав ближневосточных государств и сообществ актуализирует конфликт гражданско-политических и этнокультурных идентификаций. Понимание нации одновременно как этнокультурного и гражданско-политического образования на Ближнем Востоке усложняется комплексом крепких племенных, религиозных, субнациональных и имперских принадлежностей. Все это обуславливает высокий конфликтогенный потенциал региона. Таким образом, можно увидеть, как Турция

и Иран, стремящиеся быть региональными лидерами, а также воспринимающие себя как центры более широкой, культурной принадлежности в религиозном, этническом или обоих измерениях. Притязания на транснациональную идентичность бросают вызов фиксированному, пространственному представлению об идентичности, которые обычно ассоциируются с национальным государством и являются вызовом для современных государств. Будучи практически применимыми, такие идентичности уже активно используются, в частности как инструмент построения альянса, что вносит дополнительный дестабилизирующий эффект и без того сложную геополитическую картину региона. Все чаще социокультурный и гражданско-политический нравственный выбор, определение принадлежности к тому или иному сообществу осуществляется на основе общих ценностей, коллективного опыта. Ценности, как основа современных идентичностей способны как объединить людей на разных концах планеты, так и разобщить ближайших соседей. В этом и заключается чрезвычайная актуальность и необходимость идентитарных исследований в условиях современных политических трансформаций.

Конфессиональное и религиозное содержание в Ближневосточном регионе имеет ярко выраженный этнокультурный контекст, восходит к традиционным обычаям и религиям с определяющей ролью мифов и связывает идентичности настоящего с идентичностями коллективного (донационального) прошлого. Фактически в равной конкурентной борьбе находятся национальная, исламская, этнические, а также имперские, этноцивилизационные панарабская, пантюркистская и пан-персидская идентичности.

Политизация прошлого – глобальная тенденция, отмечаемая в обоих регионах. Идентичность (в том числе политическая) все чаще существует вне времени, связывая эпохи и поколения. В Европе одним из примеров являются дискуссии о сносе памятников советским войнам в прибалтийских странах. На Ближнем Востоке мощной объединяющей силой для населения становится привязанность не к настоящему, а к более славному прошлому, здесь следует

упомянуть имеющую особое значение в Ближневосточном регионе, имперскую идентичность.

В режиме соперничества и переопределения на Ближнем Востоке находятся не только разные типы идентичностей (локальная, национальная, транснациональная, религиозная), но и различные формы национализма, национальной идентичности, сектарианизма и религиозной идентичности. Светская идентичность в век национальных государств является функцией соперничества «национальных правд» и оспариваемых претензий на национальное государство в той же мере, в которой она функционирует в соперничестве религиозных правд.

Заключение

Современная постбиполярная реальность актуализировала проблему самоопределения. Нация, как ключевая международно-политическая категория не отвечает требованиям динамических преобразований в системе международных отношений. Ослабевают и трансформируются некогда незыблемые конструкты: нация, государство, суверенитет. В контексте данных процессов, идентичность приобретает определяющее значение для общественно-политического взаимодействия.

С момента включения категории идентичности в предметное поле политической науки и международных отношений она претерпела значительные изменения. Трансформировались теоретические подходы и концептуальные особенности идентичности, изменилась ее роль в общественно-политических процессах. Идентичность заменила предшествующие ей концепты коллективного сознания, менталитета и др. Для международных отношений особое значение имеет конструкт национальной идентичности, поскольку, несмотря на определенную утрату позиций, национальное государство все же остается ключевым и наиболее массово представленным актором международных отношений, а также, в силу очередной актуализации конфликта этнической и национально-государственной идентичности. Сложность и многомерность конструкта «нации» помножилась на сложность и многомерность «идентичности», определив еще большую многогранность для национальной идентичности.

Исследователи идентичностей индивида давно пришли к выводу об их многочисленном, комплексном характере, обусловленном усложнением общественно-политических отношений, ростом числа идентификационных привязанностей и сообществ для конкретного индивида. Понимание гетерогенности идентичности определило становление в качестве одной из основных концептуальных задач объяснение механизмов взаимодействия нескольких идентичностей. На сегодняшний день человек обладает комплексом

политических идентификаций на микрорегиональном (до-национальном), национальном, макрорегиональном (транснациональном) уровнях. Сложность гармонизации данных идентификаций усугубляется возможной политизацией изначально неполитических идентичностей (культурной, профессиональной и др.). Для анализа многоуровневых и сложносоставных идентичностей исследователями активно применяется системный подход, позволяющий изучать многочисленные элементы идентификационных систем. Отечественными и зарубежными исследователями представлен ряд системных моделей, интерпретирующих различные функциональные особенности идентичностей. Национальная идентичность рассматривается как система культурных и политических идентификаций, находящихся в тесном взаимодействии и формирующих различные системы с доминированием культурных и политических идентичностей. Большинство рассмотренных в рамках исследования системных моделей также подчеркивают роль ценностей в качестве основы современных идентичностей.

В международных отношениях наблюдается ряд тенденций к существенной трансформации идентичности. Рост значимости транснациональных акторов, обусловленный особенностями современной системы международных отношений, повлек за собой ослабление национальной идентичности, некогда основного маркера в рамках международного взаимодействия. Массовые миграции также носят деструктивный характер по отношению к национальной идентичности. В то же время, глобальный характер современного человеческого сообщества, сетевое взаимодействие укрепляют позиции транснациональных идентификаций. Современные транснациональные, зачастую слабо контролируемые источники информации также укрепляют ненациональные и транснациональные идентификации, как правило, в ущерб национальным. Утрата национальной информационной повесткой монополии на разграничение «своего» и «чужого», доступ к транснациональным источникам информации, а также комплексная нестабильность международных отношений заставляют человека принимать решения на основе новых привязанностей, формирующихся вне национальных границ, что может представлять угрозу политической стабильности.

Турбулентность в политической сфере закрепила в качестве ключевой функциональной особенности идентичности стремление сообщества к признанию, что в свою очередь, зачастую лишь способствует усилению турбулентности.

Активное развитие транснациональных СМИ, в особенности в результате пандемии COVID-19 способствовало детерриториализации идентичностей, что в свою очередь обусловило становление коллективных ценностей и опыта в качестве основы современных идентичностей. Динамичная природа современных общественных процессов требует от индивида быстрого самоопределения в рамках выбора социальных ролей. Стремление сообществ к признанию, заключающееся в институционализации сообщества в рамках существующих общественно-политических систем, формируется также на основе ценностей данного сообщества, что обуславливает растущую конфликтность общественно-политического взаимодействия и приводит к комплексной политизации и становлению вневременного характера идентичности. Особенностью современных международных отношений и в целом общественно-политического взаимодействия является гармонизация динамичных, неустоявшихся идентификаций и стабильных, исторически обоснованных идентичностей. Правильное понимание и применение данных особенностей современных идентичностей создает инструментарий для управления идентичностью.

В рамках данного исследования предлагается методика фрактального моделирования идентичностей, разработанная на основе существующих системных моделей и теоретических подходов к изучению идентичности. Основой методики является построение фрактальной модели, отличающейся самоподобием идентичности на разных уровнях и в разных измерениях. Подчеркивается существование в составе идентичности культурного и политического измерений, одно из которых выступает в качестве основного. Политическое измерение символически располагается над культурным, поскольку культурные идентичности отличаются большей устойчивостью, в тоже время, политические идентичности могут проходить процесс аккультурации, а культурные

политизироваться. Каждое из измерений состоит из устоявшихся компонентов идентичности и динамичных, стихийно-образующихся идентификаций. В составе измерений также определяются системообразующие компоненты, отличающиеся высокой валентностью – способностью образовывать крепкие идентификационные связи. Методика позволяет анализировать свойства и функции идентичности на до-национальном, национальном, транснациональном уровнях, в политическом, культурном измерениях. Данные уровни и измерения представляют базовые аналитические категории, которые могут трансформироваться, адаптируясь под конкретный пример. Фрактальная модель как инструмент анализа идентичности позволяет более четко описать современную, динамическую природу идентичности, поскольку ранние ее исследования способствуют ее представлению в качестве стабильного, исторически сложившегося и обоснованного состояния. Идентичность и ее компоненты представляют собой неотъемлемые составляющие процессов коммуникации внутри сообщества и за его пределами. Применение методики способствует качественному пониманию особенностей взаимодействия и конфликтов различных компонентов идентичности, что позволит более точно использовать ее конфликтогенный и стабилизирующий потенциал. На основе фрактальной модели представлен анализ различных идентичностей, ключевое внимание уделено Европейскому региону, как региону с высокой степенью развитости политического измерения идентичности в силу успешных интеграционных процессов, и Ближневосточному региону, отличающемуся системообразующей ролью религиозного компонента и заметным доминированием культурного измерения идентичности.

Несмотря на сложный период для Европейского союза, обусловленный рядом факторов, импульс интеграционных процессов достаточно силен, чтобы поддержать зародившиеся в сообществе элементы постнациональной идентичности. Постнациональная теория предполагает формирование институционализированного структурированного сообщества, выходящего за традиционные этнические, государственные, экономические, возможно также культурные, рамки. Ввиду отсутствия традиционных идентификаторов (язык,

общая религия, историческая общность и т.д.), служащих для определения членов данного сообщества, их роль преимущественно берет на себя гражданство на основе общей системы ценностей. Иными словами, речь идет о сепарации культурного и политического измерений идентичности, с сохранением и гармонизацией привязанностей на каждом уровне. Подобные процессы наблюдаются на примере Европейского союза. Символический комплекс ЕС располагает ключевыми необходимыми элементами для формирования гражданской привязанности, также, в идеологическом контексте, существование в рамках Евросоюза нескольких поколений людей, воспитанных на идеях наднационализма способствует сохранению «институционального патриотизма». Европейский интеграционный проект, являющийся результатом развития Западной цивилизационной идентичности, политизировал европейскую региональную идентичность. В то же время, региональные международные отношения в Европе характеризуются перегруженностью общественно-политического дискурса многочисленными идентичностями. Параллельно с упомянутыми постнациональными тенденциями и укреплением современных идентичностей, основанных на ценностях и опыта наблюдается рост национализма, что дестабилизирует систему идентичностей в Европе.

Специфика региональных международных отношений, характерная для Ближневосточного региона, особенности его исторического развития оказывают серьезное влияние на идентичности в ближневосточных сообществах. Высокий конфликтогенный потенциал региона, наличие неурегулированных этнических и этнополитических конфликтов, уходящих корнями в историю, обуславливает значимость изучения идентичности на Ближнем Востоке. Как и в Европе, отмечается ослабление позиций национальной идентичности и национального государства. Национальное государство в его «западном» понимании зачастую воспринимается многими на Ближнем Востоке, как «колониальный продукт». Это способствует актуализации в регионе исконных транснациональных привязанностей – исламской и, в некоторых случаях, имперской. Имперская

идентичность отмечается в Турции, Иране, Саудовской Аравии (пантюркизм, панарабизм, паниранизм). Укрепление имперских идентичностей в регионе, помимо прочего, обусловлено стремлением к «славному прошлому» в условиях неудовлетворенности современных взаимодействий с «западным миром». Укрепление имперских идентичностей является манифестацией активной борьбы за лидерство в регионе, где сталкиваются несколько цивилизационных идентичностей (арабская, турецкая, персидская). Религиозная идентичность играет системообразующую роль в комплексе идентичностей на Ближнем Востоке, что имеет как позитивное, так и негативное влияние. С одной стороны, сильная религиозная идентичность способна стать основой для интеграции региона, с другой стороны, раздробленность ислама лишь усложняет взаимодействие в условиях целого комплекса существующих на Ближнем Востоке политических и исторических противоречий.

Общими тенденциями, характерными для столь разных Европейского и Ближневосточного регионов, являются укрепление транснациональных идентичностей, во многом, как результат развития транснациональных СМИ, политизация идентичностей, а также становление их вневременного характера.

Изучение трансформаций идентичности необходимо для понимания большинства политических процессов как на уровне внешней, так и внутригосударственной политики. Применение предлагаемой фрактальной модели в качестве инструмента анализа, позволяет изучать и сравнивать идентичности, отличающиеся заметной спецификой. На основании подобных сравнений, выявления системообразующих компонентов и доминирующих измерений идентичности появляется возможность формирования стратегий управления идентичностью, реализации политики идентичности, что позволяет использовать конфликтогенный и миротворческий потенциал идентичности в области международных отношений и мировой политики.

Список использованных источников и литературы

I. Источники

а) Государственные и международные документы

1. Договор о Европейском Союзе [Электронный ресурс]: подписан в г. Маастрихте 07.02.1992. – Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (с изм. и доп. от 13.12.2007).
2. Договор о функционировании Европейского Союза [Электронный ресурс]: подписан в г. Риме 25.03.1957. – Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (с изм. и доп. от 13.12.2007).
3. Договор, учреждающий Европейское сообщество [Электронный ресурс]: подписан в г. Риме 25.03.1957. – Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (с изм. и доп. от 26.02.2001).
4. Единый европейский акт (ЕЕА) [Электронный ресурс]: подписан в г. Люксембурге 17.02.1986 и в г. Гааге 28.02.1986. – Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Заключительный акт Сопещения по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]: подписан в г. Хельсинки 01.08.1975. – Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Концепция внешней политики РФ (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения 15.04.2023).
7. Лаакенская декларация. Будущее Европейского Союза [Электронный ресурс]: принята в г. Лаакене 15.12.2001. – Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс» (с изм. и доп. от 26.02.2001).
8. Ниццкий договор, изменяющий Договор о Европейском Союзе, договоры об учреждении Европейских сообществ и другие основополагающие

акты [Электронный ресурс]: подписан в г. Ницце 26.02.2001. – Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

9. Соглашение о Европейском экономическом пространстве [Электронный ресурс]: заключено в г. Порто 02.05.1992. – Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

10. Устав ООН (полный текст) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения 14.02.2021).

11. Хартия Европейского Союза об основных правах: принята в г. Страсбурге 12.12.2007. – Режим доступа справ.-правовая система «КонсультантПлюс».

12. Affirming the United States record on the Armenian Genocide. Text - H.Res.296 [Электронный ресурс] / 116th Congress (2019-2020). – 2019. – October 29. – URL: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/house-resolution/296/text> (дата обращения 14.02.2021).

13. Arab Charter on Human Rights [Электронный ресурс] // UN. Office of the High Commissioner for Human Rights; League of Arab States. – 2004. – URL: <https://digitallibrary.un.org/record/551368?ln=ru> (дата обращения 14.02.2021).

14. Declaration on European Identity of 1973 [Электронный ресурс] // Bulletin of the European Communities. December 1973. – Lux.: Office for official publications of the European Communities, 2013. – P. 118-122. – URL: http://www.cvce.eu/en/obj/declaration_on_european_identity_copenhagen_14_december_1973-en-02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32.html (дата обращения 14.02.2021).

15. Charter of Arab League [Электронный ресурс] // League of Arab States. – 1945. – March 22. – URL: <https://www.refworld.org/docid/3ae6b3ab18.html> (дата обращения 14.02.2021).

16. Saudi Vision 2030 [Электронный ресурс] // Government of Saudi Arabia. – URL: https://www.vision2030.gov.sa/media/rc0b5oy1/saudi_vision203.pdf (дата обращения 14.02.2021).

17. Council Regulation (EU) 2022/350 of 1 March 2022 amending Regulation (EU) No 833/2014 concerning restrictive measures in view of Russia's actions destabilising the situation in Ukraine [Электронный ресурс] // The Council of the European Union. – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv%3AOJ.L_.2022.065.01.0001.01.ENG&toc=OJ%3AL%3A2022%3A065%3ATOC (дата обращения 14.02.2021).

18. The Immigration and Nationality Act (INA) [Электронный ресурс] // U.S. Citizenship and Immigration Services. – URL: <https://www.uscis.gov/laws-and-policy/legislation/immigration-and-nationality-act> (дата обращения 14.02.2021).

19. Staatsangehörigkeitsgesetz (StAG) [Электронный ресурс] // Bundesministerium der Justiz. – URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/stag/BJNR005830913.html> (дата обращения 14.02.2021).

б) Статистические данные

20. Прощай, Европа? [Электронный ресурс] // Левада-центр. – URL: <https://www.levada.ru/2021/04/16/proshhaj-evropa/> (дата обращения: 08.02.2023).

21. Распад СССР: восприятие россиян [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. 16-17 марта 2021. – URL: <https://wciom.ru/presentation/prezentacii/raspad-sssr-vosprijatie-rossijan> (дата обращения 13.09.2022).

22. The 2019-2020 Arab Opinion Index: Main Results in Brief [Электронный ресурс] // Arab Center Washington DC. November 16, 2020. – URL: <https://arabcenterdc.org/resource/the-2019-2020-arab-opinion-index-main-results-in-brief/> (дата обращения 13.09.2022).

23. Eurobarometer 71. Future of Europe. January, 2010 [Электронный ресурс] // Directorate-General for Communication. – URL: http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/eb/eb71/eb713_future_europe.pdf (дата обращения 13.09.2022).

24. Special Eurobarometer 467. Future of Europe. December, 2010 [Электронный ресурс] // TNS opinion & social. – URL:

http://data.europa.eu/euodp/en/data/dataset/S2179_88_1_467_ENG/resource/6732823d-3fb2-48ff-a12d-c77e102f6fe2. (дата обращения 14.11.2022).

25. Eurobarometer 60. Public opinion in the European Union. February, 2004 [Электронный ресурс] // Directorate-General for Communication. – URL: http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/archives/eb/eb60/eb60_rapport_standard_en.pdf. (дата обращения 14.11.2022).

26. Standard Eurobarometer 86. European Citizenship. November, 2016 [Электронный ресурс] // TNS opinion & social. – URL: <https://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/index.cfm/ResultDoc/download/DocumentKy/79408>. (дата обращения 14.11.2022).

27. Standard Eurobarometer 93. The EU and the coronavirus outbreak. Presentation. October, 2020 [Электронный ресурс] // The European Union. – URL: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2262> (дата обращения 14.11.2022).

28. World Map of Social Networks [Электронный ресурс] // Alexa/Similar Web. URL: <https://vincos.it/world-map-of-social-networks/> (дата обращения 13.07.2023)

в) Источники личного происхождения

29. Монне, Жан. Реальность и политика : Мемуары / Жан Монне; Пер. с фр. В. Божовича. - Москва : Моск. шк. полит. исслед., 2000. – 662 с.

г) Официальные выступления и пресс-релизы

30. Встреча с молодыми учёными 01.12.2022 г. [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69967> (дата обращения 16.02.2023).

31. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на 46-м заседании СМВД ЧЭС 13 июня 2023 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации

Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1887611/ (дата обращения 17.08.2023).

32. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на общеполитической дискуссии 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 24 сентября 2022 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1831211/ (дата обращения 14.06.2023).

33. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова по итогам Совещания «Россия-АСЕАН», Джакарта, 13 июля 2023 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1896772/ (дата обращения 14.08.2023).

34. Пленарное заседание Евразийского экономического форума 24.05.2023 г. [Электронный ресурс] // Официальные сетевые ресурсы Президента России. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71198> (дата обращения 03.06.2023).

35. «Attacking people's sacred values is not freedom of thought; it is barbarism» [Электронный ресурс] // Presidency of the Republic of Türkiye. – 2023. – July 12. – URL: <https://www.tccb.gov.tr/en/news/542/147747/-attacking-people-s-sacred-values-is-not-freedom-of-thought-it-is-barbarism-> (дата обращения 14.08.2023).

36. Déclaration de M. François Hollande, Président de la République, sur la France face au terrorisme, la lutte contre le chômage et sur la construction européenne [Электронный ресурс] // Élysées. – 2015. – 31 décembre. – URL: <https://www.elysee.fr/francois-hollande/2015/12/31/declaration-de-m-francois-hollande-president-de-la-republique-sur-la-france-face-au-terrorisme-la-lutte-contre-le-chomage-et-sur-la-construction-europeenne-a-paris-le-31-decembre-2015> (дата обращения 15.06.2023).

37. European Diplomatic Academy: Opening remarks by High Representative Josep Borrell at the inauguration of the pilot programme [Электронный ресурс] // The Diplomatic Service of the European Union. – 2022. – October 13. – URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/european-diplomatic-academy-opening-remarks-high-representative-josep-borrell-inauguration_en (дата обращения 14.11.2022).

38. King Salman bin Abdulaziz opens the 40th GCC Summit [Электронный ресурс] // Al Arabiya English. – 2019. – September 10. – URL: <https://english.alarabiya.net/News/gulf/2019/12/10/King-Salman-says-Gulf-unity-is-needed-against-Iran-at-GCC-Summit-> (дата обращения 17.10.2021).

39. Standing with the Ukrainian people: EU delivers further energy support for the winter [Электронный ресурс] // European Commission. – 2022. – December 13. - URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_22_7320. (дата обращения 16.07.2023).

40. Statement by President von der Leyen at the joint press conference with President Michel and Ukrainian President Zelenskyy on the occasion of the special meeting of the European Council of 9 February 2023 [Электронный ресурс] / European Commission. – 2023. – February 9. – URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_23_722 (дата обращения 16.04.2023).

41. To the women in Iran: We hear you. The world sees you. We are with you. [Электронный ресурс] // European Parliament. – 2022. – October 17. – URL: <https://the-president.europarl.europa.eu/home/ep-newsroom/pageContent-area/actualites/to-the-women-in-iran-we-hear-you-the-world-sees-you-we-are-with-you.html> (дата обращения 16.04.2023).

42. State of the Union Address by President von der Leyen at the European Parliament Plenary [Электронный ресурс] // European Commission. – 2020. – September 16. – URL:

https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/speech_20_1655 (дата обращения 16.04.2023)

43. Neujahrsansprache 2015 [Электронный ресурс] // Die Bundesregierung. – 2015. – 31. December. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/neujahrsansprache-2015-798300> (дата обращения 14.03.2022)

44. Neujahrsansprache 2023 [Электронный ресурс] // Die Bundesregierung. – 2022. – 31. December. – URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/bulletin/neujahrsansprache-2023-2156084> (дата обращения 05.05.2023)

45. No, Church of Sweden has not proclaimed Greta Thunberg as one of Jesus Christ's successors [Электронный ресурс] // Svenska Kyrkan. – 2023. – January 9. – URL: <https://www.svenskakyrkan.se/ga-till-kallan/no-church-of-sweden-has-not-proclaimed-greta-thunberg-as-one-of-jesus-christs-successors> (дата обращения 16.04.2023)

46. Vilnius Summit Communiqué [Электронный ресурс] // Issued by NATO Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Vilnius 11 July 2023. – 2023. – July 11. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=en (дата обращения 20.08.2023)

47. Vœux 2023 aux Français [Электронный ресурс] // Élysées. – 2022. - 31 décembre. – URL: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2022/12/31/voeux-2023-aux-francais> (дата обращения 15.04.2023)

II. Исследования

48. Бабынина Л.О. Гибкая интеграция в Европейском союзе: теория и практика применения / Л.О. Бабынина. – М.: Изд-во ЛКИ, 2012. – 302 с.

49. Багаева, А.В. Правовые основы европейской интеграции / А. В. Багаева, Л. О. Терновая. – Москва: Этносоциум, 2015. – 290 с.

50. Белов, В.И., Савичева, Е.М. Ближний Восток от настоящего к будущему: вызовы меняющейся идентичности : монография / В.И. Белов, Е.М. Савичева. – Москва : РУДН, 2021. – 208 с.
51. Бирюков, М.М. Европейская интеграция: междунар.-правовой подход: монография / М.М. Бирюков. - М.: Научная книга, 2004. – 206 с
52. Ближний Восток: Политика и идентичность : Коллективная монография / Е. С. Мелкумян, А. С. Богачева, А. А. Давыдов [и др.] ; Под ред. И.Д. Звягельской. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2020. – 336 с.
53. Вердери, К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.
54. Бродель, Ф. Грамматика цивилизаций / Фернан Бродель; Предисл. М. Эмара; Пер. с фр. – М.: Издательство «Весь мир», 2008. – 552 с.
55. Вопрос национальной идентичности в контексте глобализации : сборник научных трудов / А.Н. Чумаков, под ред. — Москва : Проспект, 2014. — 141 с.
56. Вердери К. Куда идут «нация» и «национализм»? // Нации и национализм. – М.: Праксис, 2002. – 416 с.
57. Гобозов, И. А. Государство и национальная идентичность: глобализация или интернационализация? / И. А. Гобозов. – Изд. стер. – Москва: URSS: ЛИБРОКОМ, 2014. – 198 с.
58. Государство, право, общество в условиях глобализирующегося мира / отв. ред. Захаров А.В. - М.: Проспект, 2017. - 336 с.
59. Дьекофф, А. От государства-нации к постнационализму? / А. Дьекофф, К. Жафрело // Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей / под ред. М. М. Лебедевой и П. А. Цыганкова. – М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2001. – 170 с.
60. Европейская интеграция: проблемы теории и практики: монография / под ред. И.В. Яковюка, А.К. Сковикова. – М.: Московский гуманитарный университет, 2012. – 278 с.

61. Европейское право, политика и интеграция: актуальные проблемы: монография / под науч. ред. Л.Х. Мингазова. – Казань: Таглимат, 2005. – 483 с.
62. Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / под общ. ред. Ал. А. Громыко, М.Г. Носова. - М.: Издательство «Весь Мир», 2015. – 592 с.
63. Информация. дипломатия. Психология / Отв. ред. Ю.Б. Кашелев. – М.: Известия, 2002. – 616 с.
64. Калхун, К. Национализм / Крэйг Калхун; пер. с англ. А. Смирнова. – М.: Территория будущего, 2006. – 286 с.
65. Каргалова, М.В. Социальное измерение европейской интеграции / М.В. Каргалова, Е.Н. Егорова. – Москва: Европейский учебный ин-т, 2010. – 283 с.
66. Кедури, Э. Национализм / Эли Кедури; пер. с англ. А. А. Новохатько. – 4-е изд., расш. – СПб: АЛЕТЕЙЯ, 2010. – 134 с.
67. Клаус, В. Европейская интеграция без иллюзий / Вацлав Клаус. - Москва: Художественная литература, 2013. – 190 с.
68. Ковлер, А.И. Европейская интеграция: федералистский проект: (историко-правовой очерк) / А.И. Ковлер. – Москва: Статут, 2016. – 214 с.
69. Кокка, Ю. Границы Европы и идентичность = Europas grenzen und identität: исторический опыт и вызовы современности / Юрген Кокка; пер. с нем. Е.В. Безмен. – Москва: РГГУ, 2007. – 37 с.
70. Кольев, А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции / А.Н. Кольев. – М.: Логос, 2005. – 799 с.
71. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности / В. Н. Сыров, О. В. Головашина, Д. А. Аникин [и др.]. – Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. – 224 с.
72. Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты): монография / отв. ред. Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев. – Москва: ИМЭМО РАН, 2013. – 204 с.

73. Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: коллективная монография / Российский институт культурологии; отв. ред. Н. А. Кочеляева. – Москва: Совпадение, 2012. – 168 с.
74. Малахов, В. С. Государство в условиях глобализации / В. С. Малахов. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: Книжный дом Университет, 2013. – 252 с.
75. Малахов, В.С. Интеграция мигрантов: европейский опыт и перспективы / В. С. Малахов. – М.: Спецкнига, 2014. – 22 с.
76. Мариносян, Х. Э. Генезис и диалектика национализма / Х. Э. Мариносян. – Москва: Академия гуманитарных исследований, 2006. – 198 с.
77. Марченко, М.Н. Правовая система Европейского союза: монография / М.Н. Марченко, Е.М. Дерябина. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2012. – 704 с.
78. Матвеевский, Ю.А. Европейская интеграция в исторической ретроспективе: монография / Ю.А. Матвеевский. – М.: МГИМО-Университет, 2011. – 286 с.
79. Михайленко, Е. Б. Внешняя региональная политика Европейского союза. Европейский интеррегионализм : монография / Е. Б. Михайленко, В. И. Михайленко ; Министерство науки и высшего образования, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2019. – 330 с.
80. Мифы и заблуждения в изучении империи и национализма / [ред.-сост.: И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов]. – Москва: Новое изд-во, 2010. – 424 с.
81. Мнацаканян, М. О. Нации в современном глобальном мире: модернистские, конструктивистские и постмодернистские теории / М. О. Мнацаканян. – Москва: Анкил, 2011. – 324 с.
82. Мнацаканян, М. О. Национализм и глобализм: национальная жизнь в современном мире / М. О. Мнацаканян. – Москва: Анкил, 2008. – 406 с.

83. Мусаев, И. М. Национализм и его специфика в политических условиях современной Европы: монография / И. М. Мусаев. – Санкт-Петербург: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. – 285 с.
84. От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX-XXI вв.: монография / под ред. А.В. Смолина. – СПб: Изд-во РХГА: Ин-т истории СПбГУ, 2016. – 619 с.
85. Пивоев, В.М. Этнос и нация: проблемы идентификации: монография / В.М. Пивоев. – 2-е изд. – М.: Директ-Медиа, 2013. – 109 с.
86. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы: коллективная монография / под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. – 632 с.
87. Политические работы, 1895-1919 = *Gesammelte Politische Schriften, 1895-1919* / Макс Вебер ; [Пер. с нем. Б.М. Скуратова ; Послесл. Т.А. Дмитриева]. – М. : Праксис, 2003. – 421 с.
88. Пономарев, К.Н. Соотношение европейской и национальной идентичностей: политические и правовые аспекты: монография / К.Н. Пономарев. – Казань: Юниверсум, 2011. – 207 с.
89. Прохоренко, И. Л. Пространственный подход в исследовании международных отношений / И. Л. Прохоренко. – Москва: ИМЭМО РАН, 2015. – 111 с.
90. Сафонов, А. Л. Этнос и глобализация: этнокультурные механизмы распада современных наций: монография / А. Л. Сафонов, А. Д. Орлов. – Санкт-Петербург: ЛИТЕО, 2017. - 335 с.
91. Сафонов, А.Л. Этнос и нации. Онтология совместного бытия: монография / А.Л. Сафонов. – Москва: МГИУ, 2014. – 181 с.
92. Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / В. В. Амелин, Я. Беван, Е. Веттер и др.; Под ред. Е. И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. — М.: Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Горячая линия — Телеком, 2018. — 344 с.

93. Сергеев, В.М. Критерий Европейской идентичности / В.М. Сергеев. – М.: // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – М.: Институт международных исследований МГИМО (У) МИД России, 2012. – С. 33-43.
94. Смит, Э. Д. Национализм и модернизм: критический обзор современной теорий наций и национализма / Энтони Смит; пер. с англ. А. В. Смирнова и др. – М.: Праксис, 2004. – 458 с.
95. Солсо, Р. Когнитивная психология / Роберт Солсо. — 6-е изд. — СПб.: Питер, 2006. — 589 с.
96. Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука. 2003. — 544 с.
97. Фукуяма Ф. Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия / Фрэнсис Фукуяма ; Пер. с англ. – М.: Альпина Паблишер, 2019. – 256 с.
98. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской идентичности / С. Хантингтон ; Пер. с англ. А. Башкирова. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Транзиткнига», 2004. – 635 с.
99. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – Москва: Издательство АСТ, 2020. – 640 с.
100. Хохлов, И.И. Наднациональность в политике Европейского союза / И.И. Хохлов, Е.А. Сидорова. – М.: Междунар. отношения, 2007. – 160 с.
101. Appiah K. A. Cosmopolitanism: Ethnicity in a World of Strangers / K. A. Appiah. – NY: W. W. Norton & Company, 2006. – 196 p.
102. Barth F. Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference / In Fredrik Barth (Ed.) - Boston: Massachusetts: Little, Brown and Company, 1969. – 153 p.
103. Bauman Z. Identity: Conversations with Benedetto Vecchi / Z. Bauman, Oxford, England: Polity Press, 2004. – 140 p.

104. Burton J.W. Conflict: Resolution and Prevention / J.W. Burton // Houndmills; Basingstoke; Hampshire; L.: The Macmillan Press Ltd, 1990. 358 p.
105. Brewer M. B., Campbell D. T. Ethnocentrism and intergroup attitudes: East African evidence / M. B. Brewer, D. T. Campbell, Nashville, TN: John Wiley & Sons, 1976. 218 p.
106. Checkel J.T., Katzenstein P.J. (eds.) European Identity / ed. P.J. Katzenstein, J. Checkel. – Cambridge: Cambridge University Press, 2009. — 265 p.
107. Deutsch K. W. Nationalism and social communication: An inquiry into the foundations of nationalism. / Karl Wolfgang Deutsch. - Cambridge, MA: MIT Press, 1966. – 358 p.
108. Habermas, J. Die Einbeziehung des Anderen. Studien zur politischen Theorie / J. Habermas. - Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1999. - 404 S.
109. Habermas J. The postnational constellation: Political essays / J. Habermas, editor M. Pensky, translator M. Pensky, London, England: MIT Press, 2015. – 210 p.
110. Habermas J. The structural transformation of the public sphere: An inquiry into a category of bourgeois society / Jurgen Habermas. - Cambridge, UK: Polity Press, 1989. – 301 p.
111. Hobsbawm E.J., Ranger T.O. The Invention of tradition / Hobsbawm E.J., Ranger T.O. [et al]. - Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 324 p.
112. Gellner E. Nations and Nationalism. 2nd ed. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2009. – 152 p.
113. Kaina, V. European identity: Theoretical Perspectives and Empirical Insights / ed. P. Karolewski, V. Kaina. – Münster.: LIT Verlag Münster, 2006. – 317 p.
114. Lynch M. Voices of the new Arab public: Iraq, Al-Jazeera, and Middle East politics today / Marc Lynch. - New York: Columbia University Press, 2006. – 293 p.
115. Lebow R.N. National identities and international relations. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2016. – 282 p.
116. Lebow R.N. The politics and ethics of identity: In search of ourselves. Cambridge, England: Cambridge University Press, 2012. – 444 p.

117. Makdisi U. The Culture of Sectarianism; Community, History, and Violence in Nineteenth-Century Ottoman Lebanon / Ussama Makdisi. - Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 2000. – 274 p.
118. Making identity count: Building a national identity database editors T. Hopf, B. B. Allan, New York, NY: Oxford University Press, 2016. – 264 p.
119. McCormick, J. Europeanism / J. McCormick. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – 272 p.
120. Meyrowitz J. No sense of place / J. Meyrowitz. - New York: Oxford University Press, 1985. – 432 p.
121. Mitrany, D. A Working Peace System / D. Mitrany. – Oxford: Oxford University Press, 1944. – 60 p.
122. Schimmelfennig, F. Integration Theory / F. Schimmelfennig ed. By M. Egan, N. Nurgent, W.E. Paterson. L. // Research Agenda in EU Studies. Stalking the Elephant. – Basingstoke: Palgrave, 2010. – P. 37-59.
123. Schlesinger P. The nation and communicative space. In H. Tumber (Ed.), Media power, professionals, and policies. New York: Routledge, 2000.– P. 99–115.
124. Schmitt-Egner, P. Europäische Identität: ein konzeptioneller Leitfaden zu ihrer Erforschung und Nutzung / Peter Schmitt-Egner. – Baden-Baden: Nomos, 2012. – 317 p.
125. Smith, Anthony D. National identity / A.D. Smith // London : Penguin Books, 1991. - 227 p.
126. Smith, Anthony D. The Ethnic Origins of Nations / Anthony D. Smith // Oxford: Blackwell, 1986. – 328 p.

III. Статьи

127. Алексеев Н. Н. Воздействие постнациональных тенденций на современную роль языка в формировании идентичности / Н. Н. Алексеев // VII Международная научно-практическая конференция "Гармонизация

межнациональных отношений в условиях глобального общества", XXVI Нижегородская сессия молодых ученых (гуманитарные науки) : Сборник статей и тезисов молодых ученых, Нижний Новгород, 17–18 ноября 2021 года. – Нижний Новгород: Издательство "Перо", 2021. – С. 72-74.

128. Алексеев Н. Н. Системы безопасности Европейского Союза и Европы: сложности определения, перспективы трансформации, постнациональный контекст / Н. Н. Алексеев // Конфликтология / *nota bene*. – 2020. – № 4. – С. 79-88.

129. Алексеев Н. Н. Система идентичностей гражданина ЕС: перспективы перехода к постнационализму // Мировая политика. – 2019. – № 2. – С. 22-32.

130. Александрова, Н. В. К вопросу о формировании европейской идентичности / Н. В. Александрова // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. – 2008. – Т. 4. – № 3. – С. 270-283.

131. Алонци, Р. Роль христианства в формировании политической идентичности Евросоюза: размышления папы Бенедикта XVI / Р. Алонци // Современная Европа. – 2020. – № 4(97). – С. 144-154.

132. Андросова, Д. Н. Европейская идентичность и европейская интеграция. (Обзор) / Д. Н. Андросова // Актуальные проблемы Европы. – 2010. – № 2. – С. 172-188.

133. Аничкин, Е.С. Соотношение универсальных и национальных конституционных ценностей в странах Европейского Союза / Е.С. Аничкин, Ю.А. Рудт // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 86-88.

134. Антонович И. И. Национальные империи и испытание национализмом / И. И. Антонович // Социология. – 2013. – № 1. – С. 66-80.

135. Аполлонов, И.А. Национальная идентичность и исторический опыт в контексте глобализации / И.А. Аполлонов, И.Д. Тарба // Научные труды Кубанского государственного технологического университета. – 2015. – № 6. – С. 218-231.

136. Астафьева, О.Н. Национально-культурная идентичность в условиях глобализации: сложный вектор развития / О.Н. Астафьева // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 5. – С. 32-41.

137. Ахвердян, Г.К. Национальное государство и национальная идентичность в свете мировых интеграционных процессов / Г.К. Ахвердян // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2012. – № 1. – С. 34-40.

138. Ачкасов, В. А. "Политика памяти" как инструмент строительства постсоциалистических наций / В. А. Ачкасов // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – Т. 16, № 4. – С. 106-123.

139. Багдасарян, В. Э. Трехуровневая модель идентичностей против одноуровневой модели этнического национализма / В. Э. Багдасарян // Возможности и сценарии перехода к постлиберальной модели России : Материалы постоянно действующего научного семинара / Центр научной политической мысли и идеологии Институт законодательства и нормативно правовых разработок Институт системных исследований общества. Том Выпуск 3. – Москва : Наука и политика, 2014. – С. 69-72.

140. Баграмов, Э.А. Национальная проблематика: в поисках новых концептуальных подходов // Вопросы философии. – 2010. – №2. – С. 34-51.

141. Берендеев, М.В. Дискурс европейской идентичности в условиях кризиса в ЕС / М.В. Берендеев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2012. – № 12. – С. 146-154.

142. Берендеев, М.В. «Европейская идентичность» сегодня: категория политической практики или дискурса? / М.В. Берендеев // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – № 6. – С.70-79.

143. Беренкова, Н. А. Особенности шиитских транснациональных движений в арабских странах Ближнего Востока / Н. А. Беренкова // Религия и общество на Востоке. – 2018. – № 2. – С. 113-135.

144. Браницкий, А. Г. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в ЕС / А. Г. Браницкий // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник, Москва, 01–30 декабря 2016 года / Ответственный редактор В.И. Герасимов. – Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2017. – С. 214-216.

145. Браницкий А. Г. Отношение граждан стран-членов ЕС к Евросоюзу и проблема «европейской идентичности» // Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения / сб.ст. – СПб.: СПбГЭУ, 2018. – С. 46-50.

146. Бойко, А. Ю. Национальные интересы и цивилизационная идентичность России и Европы / А. Ю. Бойко // Обозреватель-Observer. – 2015. – № 5. – С. 47-57.

147. Болдырихин, А. А. К проблеме национализма и постнационализма в современной Западной науке / А. А. Болдырихин // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. – 2011. – № 1. – С. 83-86.

148. Болдырихин А. А. Постнационализм как многоуровневая система глобальной взаимозависимости: новые подходы и возможности // Панорама. – 2011. – № 1. – С. 129-138.

149. Болдырихин А. А. Постнациональный этап в трансформации западного общества: теории национализма в современном гуманитарном знании // Российский журнал исследований национализма. – 2012. – № 2;

150. Бугров Р. В. Особенности целеполагания в концепциях идентичности современных государств / Р. В. Бугров, И. З. Герштейн, В. В. Толкачев // Теории и проблемы политических исследований. – 2018. – Т. 7. – № 5А. – С. 154-167.

151. Буторина О.В. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции // Современная Европа. 2020. № 2. С. 20-32.

152. Вайнштейн Г.И. Европейская идентичность: желаемое и реальное / Полис. – 2009. – № 4. – С. 123-134.

153. Васильев, М.В. Европейский национализм XXI века. Перспективы развития / М. В. Васильев // Научный альманах. – 2016. – № 18. – С. 79-82.
154. Васильева, А.С. Уважение прав человека и основных свобод как базовая «ценность» в праве Европейского Союза / А.С. Васильева // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 5. – С. 301-304.
155. Васильева, Т. А. Принцип уважения национальной идентичности государств - членов ЕС: проблемы интерпретации / Т. А. Васильева // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 6. – С. 9-12.
156. Васильева Т. А. Эволюция института гражданства Европейского Союза / Т. А. Васильева // Государство и право. – 2007. – № 12. – С. 22-31.
157. Гаврилов, О.Ф. Современные вызовы европейской идентичности / О.Ф. Гаврилов, Н.П. Гаврилова // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2016. – № 9-10. – С. 53-61.
158. Гаджиев К. С. Национальная идентичность: концептуальный аспект / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2011. – № 10. – С. 3-17.
159. Гаджимурадова Г.И. Миграционная политика стран Северной Европы в отношении иммигрантов из мусульманских стран (на примере Швеции и Финляндии) // Исламоведение. 2019. Т. 10, № 2. С. 5–21.
160. Герштейн, И. З. Национально-государственная идентичность: историческая эволюция моделей и современная типология / И. З. Герштейн, М. А. Казаков // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2016. – № 6. – С. 36-42.
161. Герштейн, И. З. Национальная идентичность как фактор современного государствообразования / И. З. Герштейн // Внешнеполитические интересы России: история и современность : Сборник материалов VII Всероссийской научной конференции, Самара, 26 апреля 2019 года / Ответственные редакторы А.Н. Сквозников, М.В. Черкасова. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 2019. – С. 34-39.
162. Герштейн, И. З. "Негативная" идентичность как фактор современного государствообразования (на примере Беларуси, Украины, ДНР и ЛНР) / И. З.

Герштейн // *Via in tempore. История. Политология.* – 2020. – Т. 47, № 3. – С. 630-639.

163. Гранин, Ю. Д. Глобализация и национализм / Ю. Д. Гранин // *Философские науки.* – 2006. – № 7. – С. 5-23.

164. Гранин Ю. Д. Национальная идентичность в глобализующемся мире / Ю. Д. Гранин // *Вестник Российской Академии наук.* – 2015. – Т. 85, № 9. – С. 805-811.

165. Громыко А. А. Метаморфозы политического неолиберализма // *Современная Европа.* – 2020. - № 2. – С. 6-19.

166. Громыко, А. А. Дез)интеграционные процессы: кризис "глобального мира" / А. А. Громыко // *Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer.* – 2020. – № 7(366). – С. 24-38.

167. Гусев, А.С. Влияние процессов глобализации на национальную и политическую идентичность: пример России / А.С. Гусев // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики.* – 2013. – № 34. – С. 43-48.

168. Гусев, А.С. Европейская идентичность: современные российские исследования / А.С. Гусев // *Известия Алтайского государственного университета.* – 2013. – № (80). – С. 263-267.

169. Демина, Л. А. Мораль, право и международный правопорядок в теории дискурса Юргена Хабермаса // *История государства и права.* – 2014. – № 6. – С. 20-26.

170. Дериглазова, Л.В. Деятельность Европейского Союза по формированию европейской идентичности / Л.В. Дериглазова // *Дневник АШПИ.* – 2013. – № 29. – С. 133-137.

171. Деррида, Ж. Наше обновление после войны: второе рождение после Европы / Ю. Хабермас, Ж. Деррида // *Отечественные записки.* – 2003. – № 6. – С. 17-23.

172. Дятлов, А. В. Идентичность в пространстве Европейского Союза / А. В. Дятлов, А. В. Попов, П. В. Сажин // Гуманитарий Юга России. – 2016. – Т. 22. – № 6. – С. 170-177.
173. Дятлов, А.В. Национальная идентичность – как основа европейской идентичности / А.В. Дятлов, Д.А. Гугуева // Вестник НГУЭУ. – 2017. – № 1. – С. 230-241.
174. Еремина, Н. В Кризис европейской идентичности и brexit / Н. В. Еремина, Ю. А. Борисовская // Азимут научных исследований: экономика и управление. – 2017. – Т. 6. – № 2. – С. 327-330.
175. Ефременко Д.В. Идентичность и сецессия: казус отделения Словении и Хорватии от Югославии // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 1. С. 74–97.
176. Ефременко Д.В., Яницкий О.Н., Ермолаева П.О. О социобиотехнических системах // Вопросы философии. 2019. № 5. С. 138–147.
177. Жапаров, Д. Эволюция национального бытия и новая онтологическая модель этноса / Э. Жапаров // Наука, техника и образование. – 2016. – № 3. – С. 156-161.
178. Жигульская, Д. В. Неоосманская ностальгия в современной Турции / Д. В. Жигульская // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2021. – № 4. – С. 118-127.
179. Захарова, Е. К. Гражданство европейского союза в праве Европейского Союза / Е. К. Захарова // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2014. – Т. 24. – № 4. – С. 19-26.
180. Загрязкина, Т. Ю. Французская национальная идентичность: миф или реальность / Т. Ю. Загрязкина // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2011. – № 1. – С. 39-54.
181. Замараева, Е.И. Проблема национальной идентичности в условиях глобализации / Е. И. Замараева // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2013. – № 3 (11). – С. 129-136.

182. Звягельская И. Д. Государство на Ближнем Востоке будущее началось вчера / И. Д. Звягельская, В. А. Кузнецов // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 4(51). С. 6-19.
183. Звягельская, И. Д. Символы и ценности в международных отношениях на Ближнем Востоке / И. Д. Звягельская // Полис. Политические исследования. – 2019. – № 1. – С. 105-123.
184. Зубков, К. И. Балканская геополитическая сцена: между национализмом и интеграцией / К. И. Зубков // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 2. – С. 117-130.
185. Иванов, И.Д. Анатомия европейских ценностей / И. Д. Иванов // Современная Европа. – 2012. – № 2. – С. 13-23.
186. Иванов, В.Н. Влияние глобализационных процессов на национальную идентичность на современном этапе / В.Н. Иванов // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 8-4. – С. 1003-1007.
187. Искендеров, П. Европа - кризис идентичности или «раздвоение личности» / П. Искендеров // Международная жизнь. – 2012. – № 1. – С. 76-82.
188. Кашкин, Ю.С. Наднациональность в праве Европейского союза / Ю.С. Кашкин // Право и государство: теория и практика. – 2006. – № 5. – С. 91- 97.
189. Кишлакова, Н.М. О проблеме национальной идентичности в условиях глобализации / Н.М. Кишлакова, Т.М. Махаматов // Философия и общество. –2013. – № 4. – С. 157-162.
190. Коваль, Т. И. Национальная идентичность и уровни ее проявления / Т. И. Коваль // Межнациональные отношения в Москве, в России в целом и на постсоветском пространстве: проблемы и перспективы : междунар. науч.-практ. конф. [13-14 дек. 2011 г.]: сб. материалов пленарного заседания, секций, круглого стола и конкурса науч. проектов аспирантов / Рос. гос. социальный ун-т. – Москва: Изд-во РГСУ, 2012. – С. 90-92.
191. Колобов, О. А. Фрактальный метод в применении к политическим и общественным системам / О. А. Колобов, А. Ю. Петухов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – № 6. – С. 268-273.

192. Комаровский, В. С. Бедность и неравенство как вызовы национально-государственной идентичности и формированию гражданской нации России / В. С. Комаровский // Власть. – 2017. – № 1. – С. 5-11.
193. Кортунув, С. В. Глобализация и национальная идентичность / С. В. Кортунув // Вестник аналитики. – 2007. – № 1. – С. 109-123.
194. Косач, Г. Г. Арабский мир как феномен Структура и идентичность региона / Г. Г. Косач // Свободная мысль. – 2021. – № 6(1690). – С. 57-70.
195. Кочетков, В. В. Национальная и этническая идентичность в современном мире / В. В. Кочетков // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2012. – № 2. – С. 144-163.
196. Крестинина, Е. С. Проблема формирования наднациональной политической идентичности (на примере ЕС) / Е. С. Крестинина // Политическая экспертиза (ПОЛИТЭК). – 2011. – Т. 7. – №2. – С. 52-61.
197. Кудряшова И.В. Мусульманская политическая идентичность в современную эпоху: священный Текст и социальный опыт // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2017. №4. С. 349-365.
198. Кузьменков, В.А Европейская система ценностей: состояние и кризис / В.А. Кузьменков, А.А. Грищенко // Национальная Ассоциация Ученых. – 2015. – № 8. – С. 13-16.
199. Кузнецова, С.В. Память о первой мировой войне и европейская идентичность: пределы конструирования / С.В. Кузнецова// Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2015. – № 5-6. – С. 75-80.
200. Купряшкин, И.В. Нации и национальная идентичность в эпоху глобализации / И. В. Купряшкин // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 8. – С. 399-400.
201. Лапкин, В. В. Модернизация, глобализация, идентичность. Общие проблемы и российские особенности / В. В. Лапкин // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 3. – С. 50-58.
202. Леванков, В. А. Национальные культуры и проблемы национальной идентичности в эпоху глобализма / В. А. Леванков // Вестник Санкт-

Петербургского университета. Серия 6. Философия, культурология, политология, право, международные отношения. – 2009. – Вып. 2. – С. 349-357.

203. Левин, З. И. Глобализация и национализм / З. И. Левин // Труды Института востоковедения РАН. – 2017. – № 4. – С. 169-174.

204. Линченко, А.А. Европейская идентичность и целостность исторического сознания / А. А. Линченко, А. О. Романов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 11. – Ч. 1. – С. 51-54.

205. Макуев, Р. Х. Правовое положение личности и институт гражданства Европейского Союза / Р. Х. Макуев // Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – Т. 5. – № 2. – С. 110-119.

206. Малахов, В. С. Методологический национализм - миграция – постнационализм // Пути России. Новые языки социального описания: сборник статей. – М: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 32-46.

207. Малинова, О. Ю. Проблема политически "пригодного" прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России / О. Ю. Малинова // Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. – 2013. – № 1. – С. 114-130.

208. Малинова, О. Ю. Политика памяти как область символической политики / О. Ю. Малинова // Метод. – 2019. – № 9. – С. 285-312.

209. Мchedлова М.М., Казаринова Д.Б. Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 13–35.

210. Мясоедов, Д.Н. Национальная идентичность в условиях глобализации / Д.Н. Мясоедов // Научная перспектива. – 2014. – № 11. – С. 57-58.

211. Окунев И.Ю. Запад/неЗапад: кривое зеркало мировой политики / И.Ю. Окунев // РСМД. – 2019. – 21 марта. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zapad-nezapad-krivoe-zerkalo-mirovoy-politiki/>. – Загл. с экрана.

212. Оленина, К.И. Механизмы формирования европейской идентичности / К. И. Оленина // Социальные явления – журнал международных исследований. – 2013. – № 1. – С. 111-116.

213. Осадчая Г.И., Юдина Т.Н. Политика интеграции иммигрантов стран Евросоюза после миграционного кризиса // Социальная политика и социология. Т. 19. - 2020. - № 1 (134). - С. 56– 63.

214. Осколова, Т. Л. О проблеме соотношения национального и наднационального в идентичности личности в поликультурном обществе / Т. Л. Осколова // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. – 2014. – Т. 3. – № 5. – С. 128-132.

215. Пархоменко, Р. Н. Гражданство и национальная идентичность в понимании Ю. Хабермаса / Р. Н. Пархоменко // Право и политика. – 2014. – № 3. – С. 379-386.

216. Петухов, А. Ю. Влияние современных СМИ на когнитивные установки индивида на примере RT и BBC / А. Ю. Петухов, С. А. Полевая, Е. А. Горбов // Первый Национальный конгресс по когнитивным исследованиям, искусственному интеллекту и нейроинформатике. Девятая международная конференция по когнитивной науке : Сборник научных трудов. В двух частях, Москва, 10–16 октября 2020 года. Том Часть 1. – Москва: Национальный исследовательский ядерный университет "МИФИ", 2021. – С. 44-47.

217. Прокаева, О.Н. Влияние процессов глобализации на проблему национальной идентичности / О.Н. Прокаева // Инновационная наука. – 2016. – № 17. – С. 65-67.

218. Погорельская С. В. Евросоюз – основные вопросы политической консолидации после принятия Лиссабонского договора // Актуальные проблемы Европы. – 2010. - № 2. – С. 12-26.

219. Попова, О. В. Модели идентичности политических акторов в современной России / О. В. Попова // Политическая наука. 2018. № 2. С. 173-194.

220. Потемкина, О. Ю. После кризиса: “новый старт” миграционной политики ЕС / О. Ю. Потемкина // Современная Европа. – 2019. – № 6(92). – С. 18-30.
221. Разумова, Л. В. Динамический характер процесса социокультурной идентификации / Л. В. Разумова, С. Н. Михалева // Гуманитарный вектор. – 2012. – № 3(31). – С. 205-216.
222. Романов, Ю. А. Глобализм и национализм в современном мире / Ю. А. Романов // Российский научный журнал. – 2015. – № 2. – С. 57-61.
223. Рыжов И. В. Проблемы государственной самоидентификации мусульманского населения в Государстве Израиль (2000-2020 гг.) / И. В. Рыжов // Экономические, социально-политические, этноконфессиональные проблемы афро-азиатских стран. – 2020. – № 3. – С. 275-285.
224. Рыжов И. В. Этнические проблемы в современном Иране / И. В. Рыжов, М. Ю. Бородин // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2015. – № 9. – С. 345-360.
225. Рычкова, И.Ю. Влияние современных тенденций глобализации на европейскую идентичность в рамках Европейского Союза / И.Ю. Рычкова // Научные труды Северо-Западного института управления. – 2015. – Т. 6. – № 4. – С. 329-339.
226. Сафонов, А. Л. Постнациональное государство и конец эры прогресса / А.Л. Сафонов, А.Д. Орлов // Социодинамика. – 2017. – № 2. – С. 75-90.
227. Сафран, У. Национальная идентичность во Франции, Германии и США: современные споры / У. Сафран // Политическая наука. – 2011. – № 1. – С. 64-97.
228. Семененко И.С. Идентичность в предметном поле политической науки // Идентичность как предмет политического анализа / Отв. ред. И.С. Семененко, Л.А. Фадеева / РАН. ИМЭМО. – М., 2011. – С. 8–12.
229. Семененко, И. С. Идентичность в системе координат мирового развития / И. С. Семененко, В. В. Лапкин, В. И. Пантин // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 3. – С. 40-59.

230. Семененко, И. С. Метаморфозы европейской идентичности / И. С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2008. – № 3. – С. 80-96.
231. Семененко, И. С. Национальное государство и национальная идентичность: смена парадигмы / И. С. Семененко // Политическая наука: ежегодник. – Москва: РОССПЭН, 2012. – С. 221-248.
232. Семененко, И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст / И.С. Семененко // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8-28.
233. Семененко И.С. Политика идентичности и политическая идентичность / И.С. Семененко // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2011. – Т. 7. – № 2. – С. 5–24.
234. Сергеев, В. М. Критерии европейской идентичности / В.М. Сергеев// Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации. – 2012. – № 1. – С. 33-43.
235. Сереброва, С. О. Концепция европейского гражданства и европейская интеграция. / С. О. Сереброва // Российское право в период социальных реформ. Вып. 4, ч. 1: Материалы конференции «Государство и право: итоги XX века». – Нижний Новгород: Изд-во ННГУ, 2002. – С. 221-223.
236. Страда, В. Национализм русский, национализм советский, постнационализм // Человек. – 1991. – № 6. – С. 59-64.
237. Сулейменов, А. Символическое поле современного исламизма / А. Сулейменов // Конфликтология / nota bene. – 2020. – № 2. – С. 57-73.
238. Терновая, Л.О. Сопряжение европейского права и европейских ценностей / Л.О. Терновая, А.В. Багаева // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2016. – № 2. – С. 55-66.
239. Тиховодова, А.В. Угрозы национальной идентичности в условиях глобализации / А.В. Тиховодова // Казанская наука. – 2015. – № 5. – С. 77-79.

240. Толстухин, А.Э. О наднациональном характере Европейского союза / А.Э. Толстухин // Московский журнал международного права. – 1997. – № 4. – С. 3-18.

241. Трофимова О.В. Европейские подходы к теориям миграции: особенности формирования // Общественные науки и современность. 2020. № 5. С. 53–66.

242. Узнародов, Д.И. Национализм в странах современной Европы и его влияние на национальную идентичность: компаративный анализ / Д.И. Узнародов // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. – 2014. – № 4. – С. 27-33.

243. Фабрикант, М. С. Возможности и последствия националистического поворота: какое будущее станет новым прошлым? / М. С. Фабрикант // Общественные науки и современность. – 2016. – № 1. – С. 129-140.

244. Фадеева Л.А. Сквозь призму политической культуры: нация, класс, регион / Л. А. Фадеева. – Пермь, 2006. – 304 с.

245. Фадеева, Л. А. Идентичность как категория политической науки: когнитивный потенциал и исследовательское поле / Л. А. Фадеева // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / Ответственный редактор монографии О.В.Гаман-Голутвина Ответственный редактор серии - О.В.Гаман-Голутвина. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2015. – С. 78-92.

246. Фадеева, Л. А. Политика памяти и идентичности в Европейском союзе: сопряженные понятия, рассогласованные практики / Л. А. Фадеева // Международная аналитика. – 2022. – Т. 13, № 3. – С. 79-93.

247. Федорцев В. А. Европейский союз: поиск «европейской идентичности» / В. А. Федорцев, Л. К. Мамедова // Проблемы национальной стратегии. – 2011. - №4. – С. 44-56.

248. Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения : сборник научных статей. –

Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2018. 167 с.

249. Фролова, И. В. Сетевая идентичность современного человека: философская рефлексия / И. В. Фролова // Ценности и смыслы. – 2018. – № 2(54). – С. 26-38.

250. Хауер-Тюкаркина, О. Европейская идентичность и европейское гражданское общество: утопия еврооптимистов или реальность? / О. Хауер-Тюкаркина // Дипломатическая служба. – 2015. – № 2. – С. 64-71.

251. Хахалкина, Е. В. ЕС в современном мире: проблемы региональной политики и внешнеполитической идентичности / Е. В. Хахалкина // Современная Европа. – 2020. – № 5(98). – С. 204-213.

252. Хенкин С. М., Кудряшова И. В. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Полис. Политические исследования. 2015. № 2. С. 137-155.

253. Цапенко, И. П. Культурное многообразие и судьбы наций / И. П. Цапенко // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 2. – С. 173-183.

254. Четвериков, А. О. Гражданство европейского союза как правовая форма либерализации трансграничных общественных отношений между государствами-членами ЕС / А. О. Четвериков // Lex Russica. – 2010. – Т. LXIX. – № 4. – С. 860-872.

255. Четвернина, А.В. Миграционный кризис в Европейском Союзе, права беженцев и европейские ценности. (реферативный обзор) / А.В. Четвернина // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. Реферативный журнал. 2017. – № 1. – С. 146-152.

256. Шаповалов, Н. И. Гражданство европейского союза, социально-правовые проблемы его становления / Н. И. Шаповалов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2012. – № 2. – С. 125-135.

257. Шаронова, С. А. Европа в развивающемся мире: между национализмом и глобализмом / С. А. Шаронова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2002. – № 1. – С. 95-99.

258. Шейнис, В. Л. Европейская интеграция вчера и сегодня / В.Л. Шейнис // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. – № 1. – С. 53–66.
259. Шубникова, Т.А. Европейская идентичность как электоральная стратегия на выборах в Европарламент / Т.А. Шубникова // Вестник Пермского университета. Серия: История и Политология. – 2010. – № 2. – С. 87–96.
260. Энтин М. Л. Безальтернативный характер развития ЕС // Современная Европа. – 2020. - №4. – С. 25–36.
261. Юдина Т.А. Есть ли шанс появления европейской нации в современной Европе? // Идеи и идеалы. – 2020. – Т. 12, № 3, ч. 1. – С. 207–227.
262. Anderson B. Imagined communities: Reflections on the origins and spread of nationalism / Benedict Anderson. - London: Verso Editions, 1991. – 256 p.
263. Arndt Kremer (2016) Transitions of a Myth? The Idea of a Language-Defined Kulturnation in Germany / New German Review: A Journal of Germanic Studies, 27(1). - P.53 – 75.
264. Auer, S. ‘New Europe’: Between Cosmopolitan Dreams and Nationalist Nightmares // JCMS: Journal of Common Market Studies. – 2010. – Vol. 48. – № 5. – P. 1163–1184.
265. Baricevic, V. Postnational or National Europe? European Asylum Policies and Immigration Controls / V. Baricevic // Anali Hrvatskog Politoloskog Drustva. – 2011. –Vol. 8. – №1.– P. 137–177.
266. Barnes-Dacey J. Three ways European governments can support Iranian protesters // ECFR [Электронный ресурс]. URL: <https://ecfr.eu/article/three-ways-european-governments-can-support-iranian-protesters/> (дата обращения: 15.03.2023).
267. Bonotti M., Willoughby L. Citizenship, language tests, and political participation // Nations Nat. 2022. Vol. 28, № 2. P. 449–464.
268. Börzel T.A., Risse T. From the euro to the Schengen crises: European integration theories, politicization, and identity politics // Journal of European Public Policy. 2017. T. 25. № 1. С. 83–108.

269. Börzel T.A., Risse T. Identity Politics, Core State Powers and Regional Integration: Europe and beyond // JCMS: Journal of Common Market Studies. 2020. T. 58. № 1. P. 21–40.
270. Brubaker R., Cooper F. Beyond “Identity” / Rogers Brubaker, Frederick Cooper // Theory and Society. – 2000. - № 29(1). – P. 1–47.
271. Calhoun C. Populist politics, communications media, and large-scale societal integration / Craig Calhoun // Sociological Theory. - 1988. - № 6. – P. 219–241.
272. Cinpoes, R. From National Identity to European Identity // Journal of Identity and Migration Studies. – 2008. – № 2. – P. 3-14.
273. Collins A. M., Loftus E. F. A spreading-activation theory of semantic processing // Psychological review. 1975. № 6 (82). C. 407–428.
274. Cram, L. Identity and European integration: diversity as a source of integration / Laura Cram // Nations and Nationalism. – 2009. – Vol. 15. – № 1. – P. 109-128.
275. Dodge T. Introduction: Between Wataniyya and Ta'ifia; understanding the relationship between state-based nationalism and sectarian identity in the Middle East // Nations and Nationalism. – 2020. - № 26. – P. 85-90.
276. Ehala M. Blurring of collective identities in the post-Soviet space // Sociolinguistic Studies. - 2015 № 9. – P. 173-190.
277. Fabrykant M. National identity in the contemporary Baltics: comparative quantitative analysis // J. Balt. Stud. 2018. Vol. 49, № 3. P. 305–331.
278. Fitzgibbon, J. Citizens against Europe? Civil Society and Eurosceptic Protest in Ireland, the United Kingdom and Denmark // JCMS: Journal of Common Market Studies. – 2013 – Vol. 51. – № 1. – P. 105-121.
279. Fligstein, N. European Integration, Nationalism and European Identity / N. Fligstein, A. Polyakova, W.Sandholtz // JCMS: Journal of Common Market Studies. – 2012. – Vol. 50. – № 1. – P. 106-122.
280. Fossum J.E. Identity-politics in the European Union // Journal of European Integration. – 2001. – Vol. 23 (4). – P. 373–406.

281. Fogelson R.D. Person, self, and identity: Some anthropological retrospects, circumspects, and prospects // *Psychosocial Theories of the Self*. Boston, MA: Springer US, 1982. P. 67–109.
282. Glazer, N. Dual Nationality: Threat to National Identity, or Harbinger of a Better World / N. Glazer // *Procedia - Social and Behavioral Sciences*. – 2010. – Vol. 2. – № 5. – P. 6813-6821.
283. Gottfried, P. The Multiculturalist International / P. Gottfried // *Orbis*. – 2002. – Vol. 46. – № 1. – P. 145-158.
284. Guibernau, M. The birth of a united Europe: on why the EU has generated a «non-emotional» identity / Montserrat Guibernau // *Nations and Nationalism*. – 2011. – Vol. 17. – № 2. – P.302-315.
285. Guibernau, M. Anthony D. Smith on nations and national identity: a critical assessment *Nations and Nationalism* / M. Guibernau, 2004. - №10 (1/2). – P. 125–141.
286. Haddad F. Sectarian identity and national identity in the Middle East // *Nations and Nationalism*. – 2020. – № 26. – P. 123–137.
287. Halikiopoulou, D. The paradox of nationalism: The common denominator of radical right and radical left euroscepticism // *European Journal of Political Research*. – 2012. – Vol. 51. – № 4. – P. 504-539.
288. Hihara S. et al. Positive and negative valences of identities: Longitudinal associations of identity content valences with adaptive and maladaptive functioning among Japanese young adults // *Dev. Psychopathol.* 2022. Vol. 34, № 4. P. 1516–1530.
289. Hurrelmann, A. The Politicization of European Integration: More than an Elite Affair? / A. Hurrelmann, A. Gora, A. Wagner // *Political Studies*. – 2015. – Vol. 63. – № 1. – P. 43-59.
290. Jenkins, R. Nations and Nationalisms: Towards More Open Models // *Nations and Nationalism*. – 1995. – Vol. 1. – № 3. – P. 369–390.
291. Ivic, S. Rethinking EU Citizenship: Towards the Postmodern Ethics of Citizenship // *Journal of Identity and Migration Studies*. – 2009. – № 3. – P. 40-62.

292. Kaija E. Schilde. Who are the Europeans? European Identity Outside of European Integration // CMS: Journal of Common Market Studies. – 2014. – Vol. 52. – № 3. – P.650-667.
293. Kazemi H. Identity Uprisings, Fragile States and Geopolitical Crises in the Middle East // Geopolitics Quarterly. – 2017. - № 45(13). – P. 146-172.
294. Klaus, E. The making of a European civil society: «Imagined», «practiced» and «staged» / E. Klaus // Policy and Society. – 2009. – Vol. 28. – № 1. – P. 23-33.
295. Klimova G. S. European Identity between Religiousness and Secularity / G. S. Klimova // RUDN Journal of Political Science. – 2020. – Vol. 22. – No 4. – P. 617-633.
296. Koopmans, R. Challenging the liberal nation-state? Postnationalism, multiculturalism, and the collective claims making of migrants and ethnic minorities in Britain and Germany / R. Koopmans, P. Statham // American Journal of Sociology. – 1999 – Vol. 105 – № 3 – P. 203 – 221.
297. Krämer G. Modern but not secular: Religion, identity and the ordre public in the Arab Middle East // International Sociology. – 2013.-№ 28 (6). – P. 629-644.
298. Kugler, J. Consequences of Reversing the European Union Integration / Jacek Kugler, Ali Fisunoğlu and Birol Yeşilada //Foreign Policy Analysis. – 2015.– Vol. 11. – № 1. – P. 45-67.
299. Kuhn, T. Individual transnationalism, globalisation and euroscepticism: An empirical test of Deutsch's transactionalist theory // European Journal of Political Research. – 2011. – Vol. 50. – № 6. – P. 811-837.
300. Kun, P. European Identity between Ethnic and Civic Identities // Journal of Identity and Migration Studies – 2015. – № 9. – P. 2-17.
301. Marden, P. Locating strangers: multiculturalism, citizenship and nationhood in Australia / P. Marden, D. Mercer // Political Geography. – 1998. – Vol. 17. – № 8. – P. 939-958.
302. Matiuta, C. How to build the European Identity? Attitudes towards the European Union across its countries // Journal of Identity and Migration Studies. –2013. – № 7. – P. 2-10.

303. Nisbet E. C., Teresa A. M. Challenging the State: Transnational TV and Political Identity in the Middle East // *Political Communication*. – 2010. - № 27. – P. 347-366.
304. Noury A., Roland G. Identity Politics and Populism in Europe // *Annu. Rev. Polit. Sci.* - 2020. T. 23. № 1. P. 421–439.
305. Ramadan, A. Hospitality and postnational peace / A. Ramadan // *Political Geography*. – 2011. – Vol. 30. – № 4. – P. 195-196.
306. Rogier Van Reekum. As nation, people and public collide: enacting Dutchness in public discourse // *Nations and Nationalism*. – 2012. – Vol. 18. –№ 4. – P. 583–602.
307. Schimmelfennig, F. Integration Theory / F. Schimmelfennig ed. By M. Egan, N. Nurgent, W.E. Paterson. L. // *Research Agenda in EU Studies. Stalking the Elephant*. – Basingstoke: Palgrave, 2010. – P. 37-59.
308. Shaw, J. Postnational constitutionalism in the European Union / J. Shaw // *Journal of European Policy*/ – 1999. – Vol. 6. – № 5. – P. 79–97.
309. Smith E. E., Shoben E. J., Rips L. J. Structure and process in semantic memory: A featural model for semantic decisions // *Psychological review*. 1974. № 3 (81). C. 214–241.
310. Soleimani K., Mohammadpour A. Can non-Persians speak? The sovereign's narration of "Iranian identity" // *Ethnicities*. – 2019.-№ 19 (5). - P. 925–947.
311. Spohn, W. Die Osterweiterung der Europäischen Union und die Bedeutung kollektiver Identitäten. Ein Vergleich west- und osteuropäischer Staaten // *Berliner Journal für Soziologie*. - 2000. - Heft 2. – S. 21.
312. Stråth B. Identity and social solidarity: an ignored connection. A historical perspective on the state of Europe and its nations // *Nations and Nationalism*. 2017. Vol. 23. № 2. P. 227–247.
313. Tabachnik M. Untangling liberal democracy from territoriality: from ethnic/civic to ethnic/territorial nationalism: Untangling liberal democracy from territoriality // *Nations and nationalism*. 2019. № 1 (25). P. 191–207.

314. Terlouw K. From thick to thin regional identities? // *GeoJournal*. - 2012. - Vol. 77. - № 5. - P. 707–721.
315. Todorova, M. Is there weak nationalism and is it a useful category? // *Nations and Nationalism*. – 2015. – Vol. 21. – № 4. – P. 681–699.
316. Toshkov, D. Does Immigration Undermine Public Support for Integration in the European Union? Dimiter Toshkov and Elitsa Kortenska // *JCMS: Journal of Common Market Studies*. – 2015. – Vol. 53. – № 4. – P. 910-925.
317. Vasilopoulou, S. European Integration and the Radical Right: Three Patterns of Opposition // *Government and Opposition*. – 2011. – Vol. 46. – № 2. – P. 223-244.
318. Verhaegen, S. European Identity and Support for European Integration: A Matter of Perceived Economic Benefits? / S. Verhaegen, M. Hooghe, E. Quintelier // *Kyklos*. – 2014 – Vol. 67. – № 2. – P: 295-314.
319. Vucetic S., Hopf T. Everyday nationalism and Making Identity Count // *Natl. Pap.* 2020. Vol. 48, № 6. P. 1000–1014.
320. Vuong Q. H., Napier N. K. Acculturation and global mindsponge: An emerging market perspective // *International Journal of Intercultural Relations*. 2015. Vol. 49. P. 354–367.
321. Wastnidge E. Transnational identity claims, roles and strategic foreign policy narratives in the Middle East / Edward Wastnidge // *Global Discourse*. – 2019. - № 4. – Vol. 9. – P. 605–625.
322. Wellings, B. Losing the peace: Euroscepticism and the foundations of contemporary English nationalism // *Nations and Nationalism*. – 2010. –Vol.16. – № 3. – P. 488–505.
323. Wimmer, A. Methodological nationalism and beyond: nation-state building, migration and the social sciences / A.Wimmer, N. Glick Schiller // *Global Networks*. – 2002. – Vol. 2. – № 4. – P. 301-334.
324. Wendt A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics / Alexander Wendt // *International Organization*. – 1992. - №2. (Vol. 46). - pp. 391–425.

325. Zolberg, A. The formation of new states as a refugee-generating process / A. Zolberg // The Annals of American Academy of Political and Social Sciences. – Vol. 467: The global refugee problem: US and world response. 1983. May. P. 24-38.

326. Yotova, D. New forms of collective identity in Europe / D. Yotova // Journal of Liberty and International Affairs. – 2017. – Vol.3. – №1. – P. 55-73.

IV. Периодические издания

327. Армяне Ливана организовали акцию в поддержку Арцаха [Электронный ресурс] // Panorama.am. – 2023. – 26 Января. – URL: <https://www.panorama.am/ru/news/2023/01/26/%D0%90%D1%80%D0%BC%D1%8F%D0%BD%D0%B5-%D0%9B%D0%B8%D0%B2%D0%B0%D0%BD-%D0%90%D1%80%D1%86%D0%B0%D1%85/2786228>. (дата обращения 23.08.2023)

328. Deutsche Spieler halten sich bei Teamfoto den Mund zu [Электронный ресурс] // Spiegel. – 2022. – November 23. – URL: <https://www.spiegel.de/sport/fussball/wm-2022-deutschland-setzt-ein-zeichen-vor-dem-japan-spiel-protest-gegen-fifa-a-9db51b59-5820-4ba6-82e7-c4e73ce29c44>. (дата обращения 19.12.2022)

329. Faesers «One Love» - Binde soll ins Haus der Geschichte [Электронный ресурс] // Spiegel. – 2022. – November 24. – URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/nancy-faeser-one-love-binde-soll-ins-haus-der-geschichte-a-e036b0f6-dba1-4810-980a-b6c690f02aa3>. (дата обращения 19.12.2022)

330. Fisher M. How the Saudi-Qatar Rivalry, Now Combusting, Reshaped the Middle East [Электронный ресурс] // The New York Times. – 2017. - June 13. – URL: <https://www.nytimes.com/2017/06/13/world/middleeast/how-the-saudi-qatar-rivalry-now-combusting-reshaped-the-middle-east.html>. (дата обращения 19.12.2022)

331. Higgins A. Soviet Monuments Become Latest Target of Backlash Against War in Ukraine [Электронный ресурс] / Andrew Higgins // The New York Times. – 2022. – September 22. – URL:

<https://www.nytimes.com/2022/09/25/world/europe/soviet-monuments-war.html>. (дата обращения 19.12.2022)

332. Pascal J. Opinion: The World Cup in Qatar has deepened divisions [Электронный ресурс] / Jochem Pascal // DW. – 2022. – December 16. – URL: <https://www.dw.com/en/opinion-the-world-cup-in-qatar-has-deepened-divisions/a-64126557>. (дата обращения 03.03.2023)

333. Pullella P. Pope Francis says laws criminalising LGBT people are a 'sin' and an injustice [Электронный ресурс] / Philipp Pullella // Reuters. – 2023. – February 6. – URL: <https://www.reuters.com/world/pope-francis-says-laws-criminalising-lgbt-people-are-sin-an-injustice-2023-02-05/>. (дата обращения 03.03.2023)

334. York: Student arrested after eggs thrown at King Charles [Электронный ресурс] // BBC. – 2022. - November 9. URL: <https://www.bbc.com/news/uk-england-york-north-yorkshire-63569908>. (дата обращения 19.12.2022)

V. Диссертации

335. Акопов С. В. Транснациональная модель идентификации индивидов с макрополитическими сообществами: метатеоретический анализ: диссертация ... доктора политических наук: 23.00.01 / С. В. Акопов. – Санкт-Петербург, 2015. – 317 с.

336. Бадмаев, В. Н. Феномен национальной идентичности: Социально-философский анализ: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.11. – Волгоград, 2005. – 292 с.

337. Батырев, Д. Н. Проблема национальной идентичности в глобализирующемся мире: социально-философский анализ: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Д. Н. Батырев. – Ростов-на-Дону, 2009. – 196 с.

338. Бида, Д. А. Концептуальные основы и правовое оформление европейской интеграции: опыт Франции: вторая половина XX - начало XXI вв.: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Бида Дарья Александровна. – М., 2016. – 221 с.

339. Браницкий, А. Г. Процесс объединения Европы: поиск универсальной парадигмы идентичности: диссертация ... доктора исторических наук / Браницкий Андрей Геннадьевич. – Нижний Новгород, 2006. – 501 с.

340. Блинов А. С. Национальное государство в условиях глобализации: политико-правовые аспекты: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01. - Москва, 2003. – 185 с.

341. Гончарук, Н. С. Формирование наднациональной идентичности в условиях углубления социально-политических интеграционных процессов в ЕС: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Н. С. Гончарук. – Орел, 2009. – 192 с.

342. Казаринова, Д.Б. Европейская интеграция: Политико-институциональный и социокультурный аспекты: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Казаринова Дарья Борисовна. – М., 2006. – 165 с.

343. Каринцев, О. И. Влияние партийной системы ЕС на процесс европейской интеграции: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Каринцев Олег Игоревич. – М., 2007. – 149 с.

344. Кирчанов, М.В. История становления и развития европейского национализма во второй половине XX века: дис. ... доктора исторических наук: 07.00.03 / Кирчанов Максим Валерьевич. – Воронеж, 2012. – 497 с.

345. Кожевникова, Ю. А. Кризис национальной идентичности в глобализирующемся мире: диссертация ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Ю. А. Кожевникова. – Москва, 2012. – 158 с.

346. Котенева, М.В. Эволюция современной европейской идентичности: геополитический аспект.: дис. ... канд.полит.наук: 23.00.04: защищена 25.03.2004; утв. 17.09.2004 / Котенева Марина Владимировна. – М., 2004. – 143 с.

347. Кузнецов, А. Г. Трансформация государственно-национальной идентичности в условиях глобализации: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / А. Г. Кузнецов. – Волгоград, 2007. – 172 с.

348. Мамытов, Э. А. Формирование европейской (наднациональной) идентичности: противоречия процесса: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Мамытов Эмиль Абакирович. – Бишкек, 2015. – 162 с.

349. Мещерякова, О.М. Наднациональность в праве Европейского союза и проблема суверенитета: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.10/ Мещерякова Ольга Михайловна. – М., 2010. – 42 с

350. Омер, С. О. Формирование национальных идентичностей в контексте глобализации: дифференциация идентификационных матриц: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / С. О. Омер. – Новочеркасск, 2009. – 145 с.

351. Панарина, Е. А. Развитие идеи европейской интеграции в первой половине XX века: дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Панарина Елена Александровна. – Ставрополь, 2006. – 279 с.

352. Солоненко, А. А. Государственная политика регулирования миграционных процессов в Европейском Союзе: диссертация ... кандидата политических наук: 23.00.02 / А. А. Солоненко. – Казань, 2009. – 184 с.

353. Сурова, Е. Э. Трансформация европейской модели идентичности в процессе глобализации: диссертация ... доктора философских наук: 09.00.13 / Е. Э. Сурова. – Санкт-Петербург, 2006. – 298 с.

354. Суслова, Т. Л. Динамика европейской интеграции: теоретические закономерности, политические тенденции и результаты институционализации: дис. ... кандидата политических наук: 23.00.02 / Т. Л. Суслова. – Нижний Новгород, 2005. – 292 с.

355. Щеглова, Д. В. Механизмы воспроизводства национализма в условиях глобализации: дис. ... кандидата философских наук 09.11.11/ Д. В. Щеглова. – Москва, 2016. – 187 с.

VI. Авторефераты диссертаций

356. Браницкий, А.Г. Процесс объединения Европы: поиск универсальной парадигмы идентичности. Процесс объединения Европы (поиск универсальной

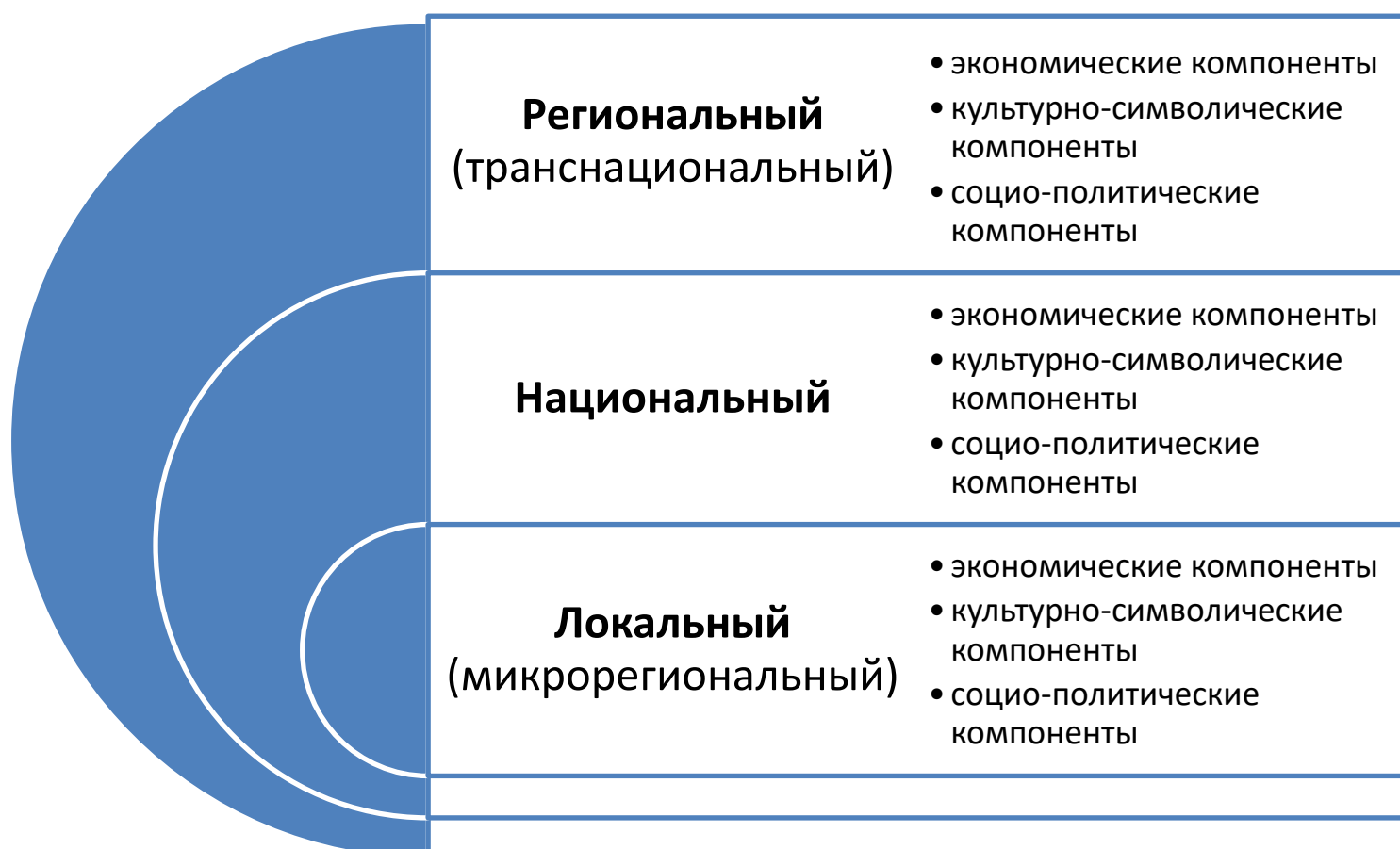
парадигмы идентичности): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.15 / Браницкий Андрей Геннадьевич. - Нижний Новгород, 2006. - 54 с.

357. Гончарук, Н. С. Формирование наднациональной идентичности в условиях углубления социально-политических интеграционных процессов в ЕС: автореф. дис. ... кандидата политических наук: 23.00.04 / Гончарук Наталья Сергеевна. – Орел, 2009. – 23 с.

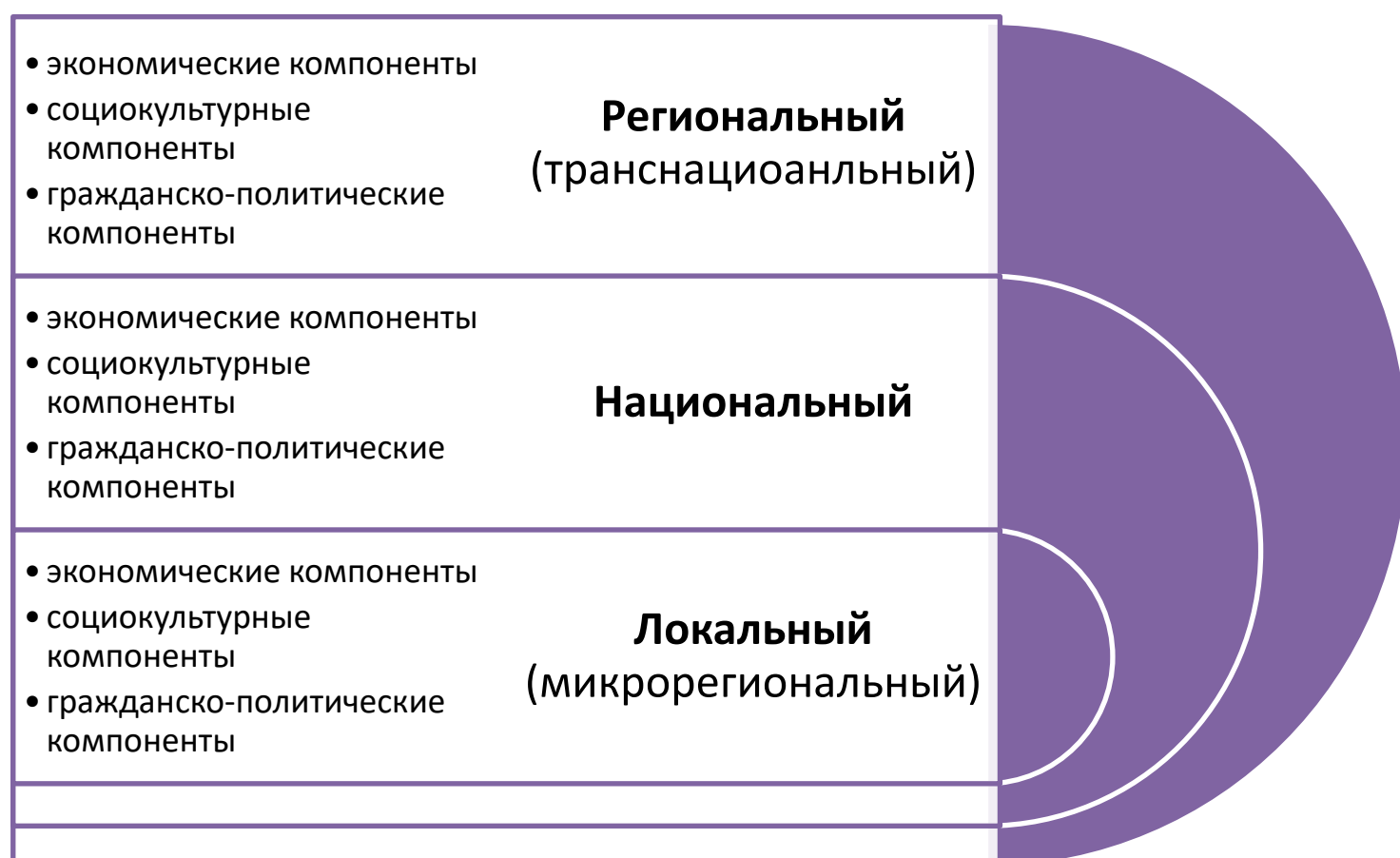
358. Казаринова, Д.Б. Европейская интеграция: политико-институциональный и социокультурный аспекты. автореф. дис. ...канд. полит. наук: 23.00.04 / Казаринова Дарья Борисовна. – М., 2006. – 165 с.

359. Мещерякова, О.М. Наднациональность в праве Европейского союза и проблема суверенитета: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.10 / Мещерякова Ольга Михайловна. – М., 2010. – 42 с

Приложение

Рисунок 1 - Культурное измерение идентичности: уровни культурной идентичности

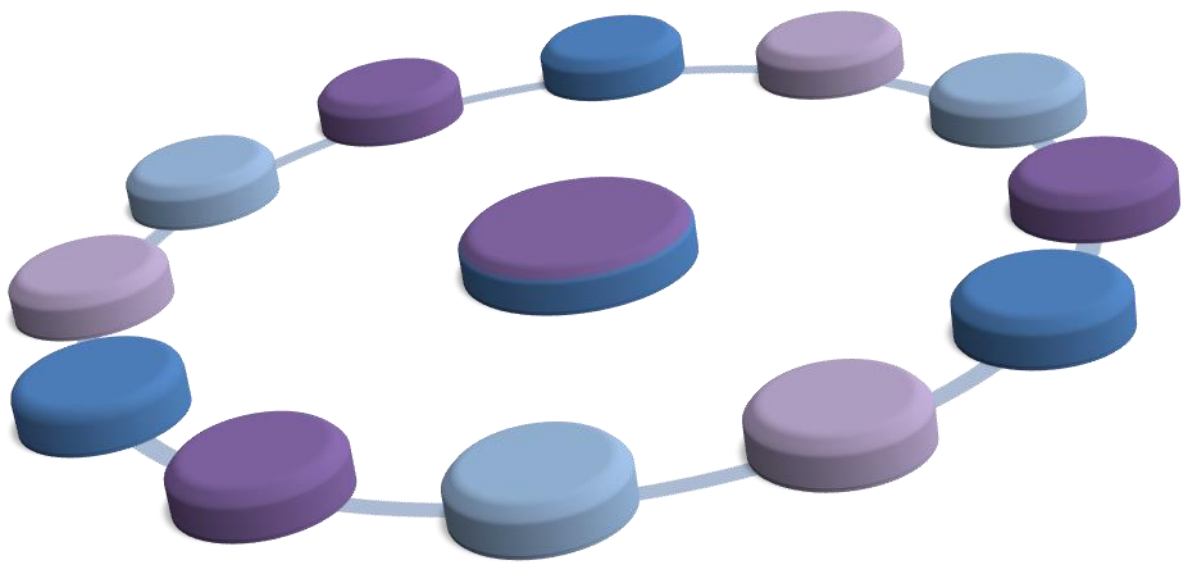
Рисунок 2 - Политическое измерение идентичности: уровни политической идентичности.

Рисунок 3 - Конструкция уровней этнической идентичности

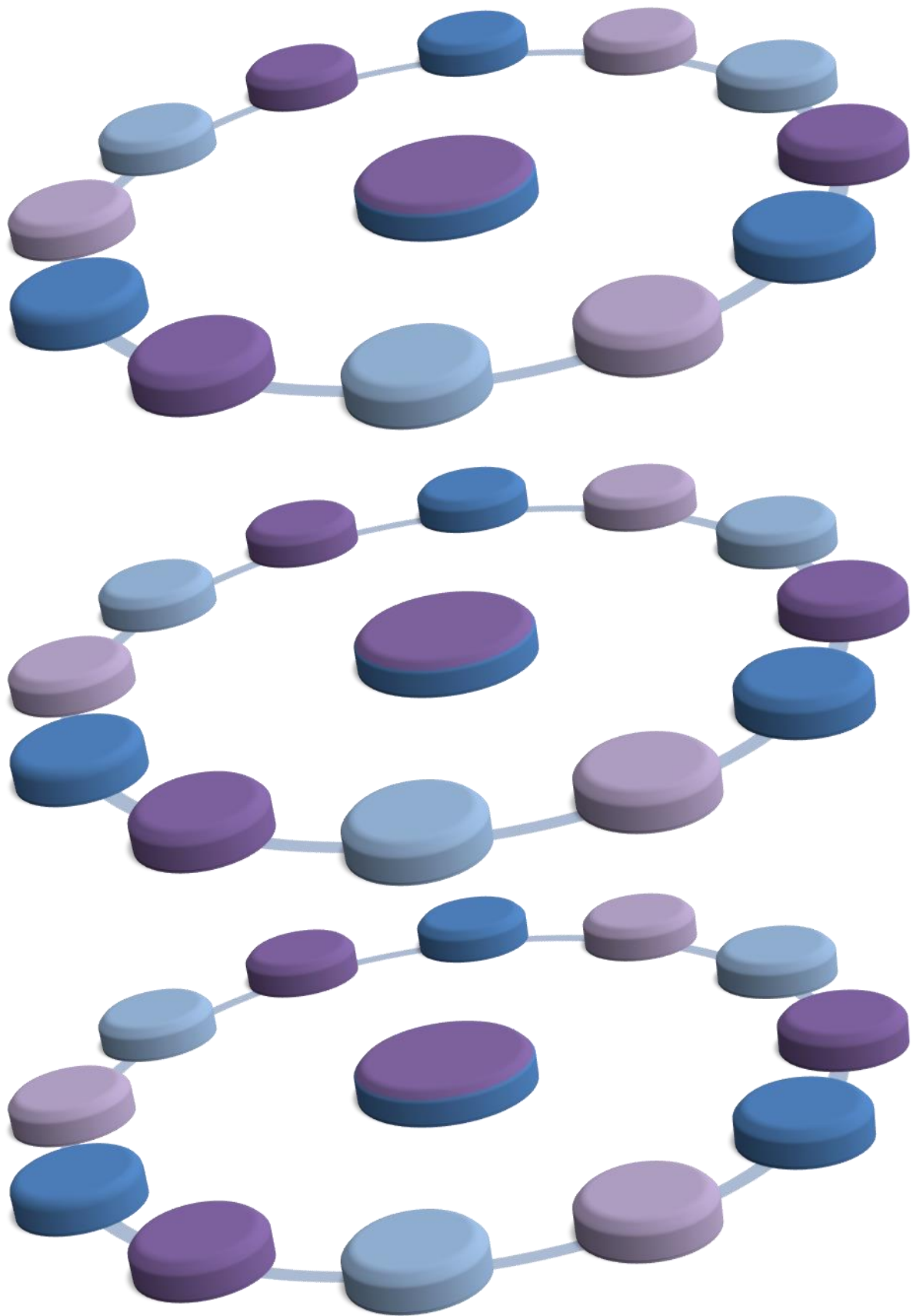

Рисунок 4 - Конструкция уровней политической идентичности

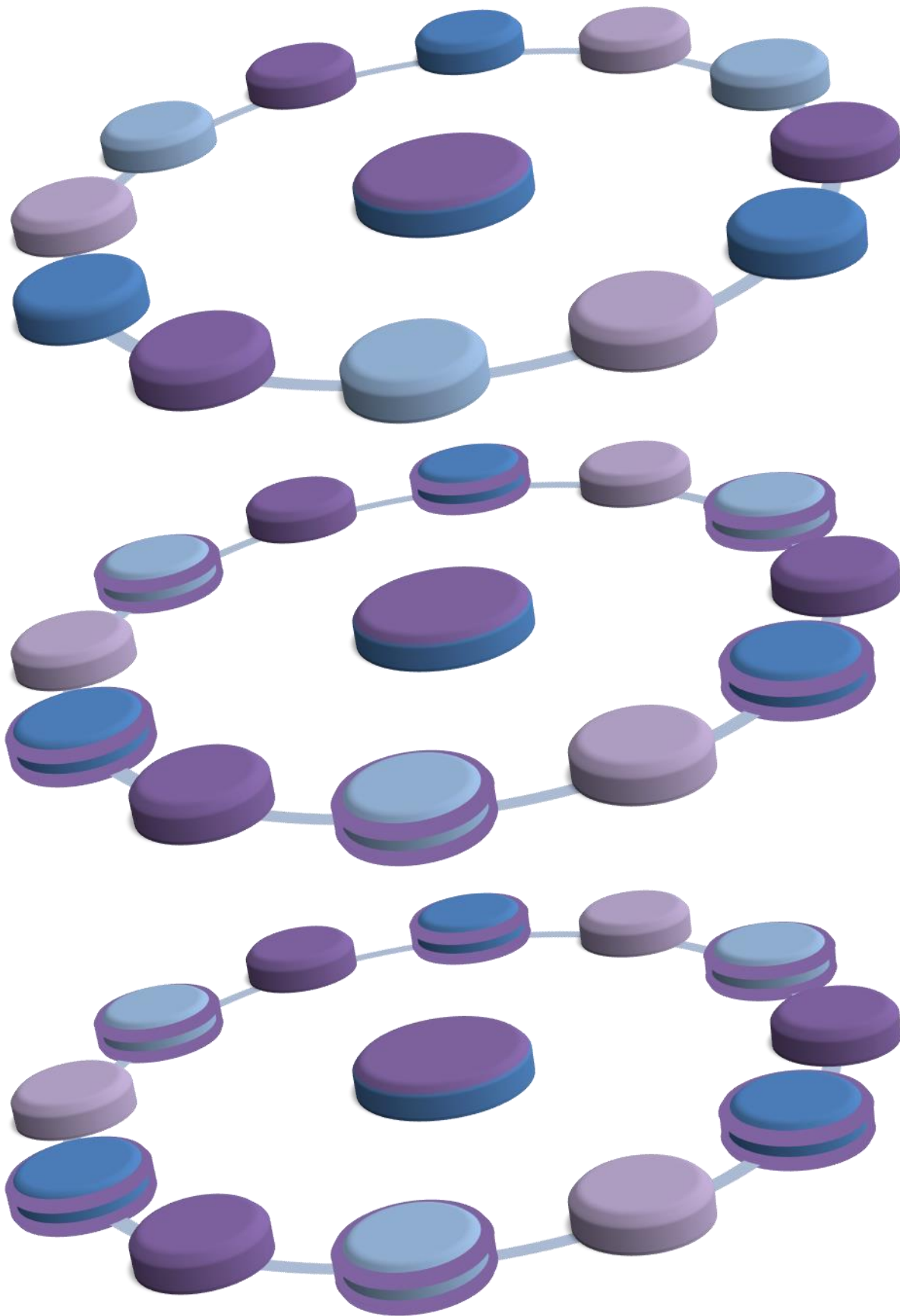

Рисунок 5 – Симулированный уровень идентичности

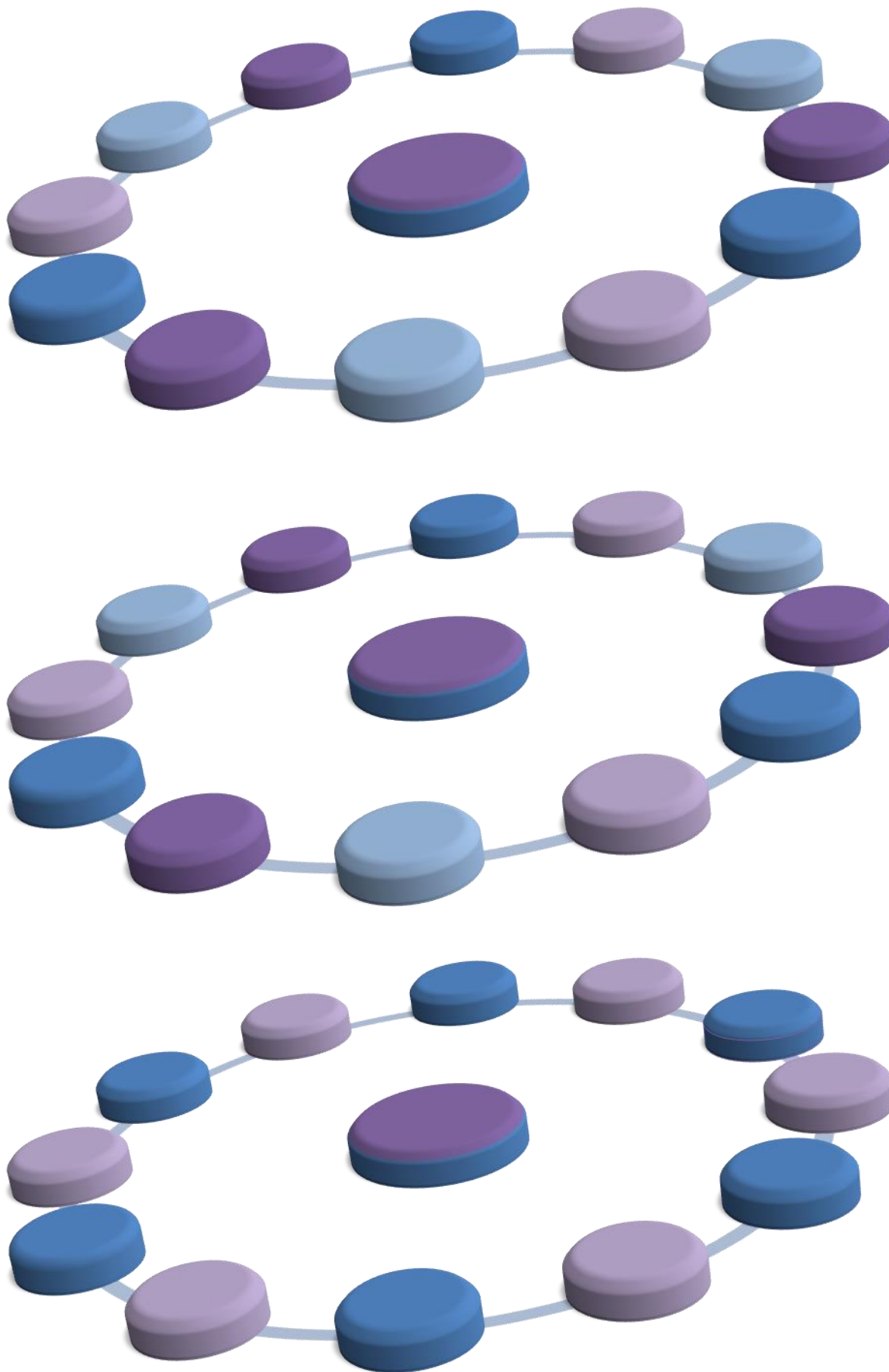

Рисунок 6 – Многоуровневая идентичность

Рисунок 7 – Политизация компонентов национального уровня

Рисунок 8 – Модель ненационального региона